

Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация»

Научный журнал Выпуск №2 2007 г.
издается с 2006 г.

СЕРИЯ «ЛИНГВИСТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ», 2007, №2, ЯНВАРЬ-ИЮНЬ

СОДЕРЖАНИЕ

Слово главного редактора серии..... 5

ЛИНГВИСТИКА

Кольцова Л.М. Заголовок в структуре художественного текста..... 6

Новикова О.В. Симметрия и асимметрия в сложноподчиненных предложениях с местоименно-соотносительным словом *такой* и реально-предположительными союзами 19

Сычева Л.В. Своеобразие использования иноязычных вкраплений в произведениях М. Булгакова..... 33

Воронова Т.А. Лексические и стилистические особенности стихотворных посвящений А.А. Тарковского..... 37

Крючкова Т.М. Экспрессивность как неожиданность употребления языковых средств в произведениях Т.Толстой..... 42

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКОВ

Курочкина О.Ф., Загоруйко Т.И. Личностные качества преподавателя и его роль в подготовке специалиста..... 47

Ухина Т.Ф. Особенности перевода и употребления сложного дополнения 50

Лукина Л.В. Цели и методы обучения иностранным языкам в историческом и лингводидактическом контексте..... 56

Кочнева М.Г. Об основных правилах и принципах перевода иноязычного технического текста..... 62

Нефедова Н.М., Королько И.В. Заимствование из английского языка терминов тюнинга автомобилей..... 71

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

Подвигина Н.Б. О восприятии предметов религиозного культа героями произведения И.С. Шмелева «Лето Господне»..... 76

Ревякина Т.Л. Особенности функционирования языковых единиц в интертексте (на материале поэзии О.Э. Мандельштама).....	80
--	----

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Панкина М.Ф. Типы семантической сочетаемости глаголов самостоятельного перемещения в немецком языке.....	88
Журавлева Е.А. Контекстуальный анализ лексемы «soul» в романе У.С. Моэма «The painted veil» («Разрисованный занавес»).....	94
Суханова Т.В. Теоретические проблемы изучения языковой личности.....	99
Коростылева Н.Н. Технологии гендерного общения.....	105

КОНЦЕПТОЛОГИЯ

Безатосная О.М. Концепт «свет» в рассказах Б.Зайцева.....	114
Хаустова Э.Д. Когнитивная интерпретация русских и английских паремий с наименованиями обуви и одежды.....	119
Ковалева Л.В. Концепты «трусливый» и «скромный» в немецкой и русской лингвокультурах.....	125

Вступительное слово редактора серии

Предлагаем вниманию читателей второй выпуск серии «Лингвистика и межкультурная коммуникация» научного вестника Воронежского государственного архитектурно-строительного университета, подготовленный к изданию кафедрой русского языка и межкультурной коммуникации международного факультета, в котором отражены теоретические и практические результаты современных лингвистических исследований.

Важным является тот факт, что авторы данного выпуска – доктора и кандидаты наук как воронежских вузов, так и вузов Украины (Николаевский Государственный Гуманитарный Университет им. П.Могилы, Донецкая национальная архитектурно-строительная академия), а также молодые ученые (аспиранты, соискатели ВГУ и ВГАСУ).

Настоящая серия состоит из пяти разделов: I - «Лингвистика», II - «Методика преподавания языков», III - «Лингвокультурология», IV - «Межкультурная коммуникация», V- «Концептология».

Раздел «Лингвистика» представляет статьи, в которых обсуждаются актуальные проблемы русского языка, его структуры, элементов, лексики (асп. Воронова Т.А.), синтаксиса (к.ф.н., доц. Кольцова Л.М., к.ф.н., доц. Новикова О.В.), а также другие направления современной лингвистики.

Второй раздел - «Методика преподавания языков» - посвящен исследованию методических проблем преподавания русского и английского языков (доц. Лукина Л.В., доц. Кочнева М.Г., доц. Ухина Т.Ф.).

В третьем разделе - «Лингвокультурология» - опубликованы работы, предметом изучения которых являются актуальные вопросы языковой картины мира, роль национальных языковых факторов, особенности этноса (доц. Ревякина Т.Л., асп. Подвигина Н.Б.).

Четвертый раздел - «Межкультурная коммуникация» - представляет работы, охватывающие иностранные языки. В них описываются национальные особенности языков и их влияние на межкультурное общение.

Пятый раздел - «Концептология» - посвящен анализу различных видов концептов, их структуры, а также взаимодействию концептов с семантикой языка. Данный раздел представлен работами ученых проф. Ковалевой Л.В., проф. Панкиной М.Ф., ст. преп. Безатосной О.М. и др.).

Представленные во втором выпуске серии научные работы охватывают широкий спектр актуальных проблем современной лингвистики, методики и межкультурной коммуникации.

*Зав. кафедрой русского языка и межкультурной коммуникации,
д.ф.н., проф. Ковалева Л.В.*

ЛИНГВИСТИКА

УДК 801.561.72:808.2

Л.М. Кольцова

ЗАГОЛОВОК В СТРУКТУРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

В статье рассматривается позиция заголовка и заголовочные комплексы художественного текста (на материале русской прозы) как вершина в иерархически организованной системе. Заголовочные комплексы анализируются с позиции теории пунктуации текста и интерпретируются как важнейший структурообразующий компонент, содержательные свойства которого реализуются в совместном действии элементов разных уровней, обеспечивающих единство целого и его частей и соразмерность текстовой композиции.

– *Заглавие этой песни называется «Пуговицы для сюртуков».*

– *Вы хотите сказать – песня так называется? – спросила Алиса, стараясь заинтересоваться песней.*

– *Нет, ты не понимаешь, – ответил нетерпеливо Рыцарь. – Это заглавие так называется. А песня называется «Древний старичок».*

Льюис Кэрролл

Позиция заголовка художественного текста – та площадка, с которой начинается (и от нее зависит во многом – начнется ли?) взаимодействие, диалог писателя и читателя. Организация начала текста, его абсолютно сильная позиция, показывает, на какое взаимодействие рассчитывает автор, какие требования предъявляет он к читателю.

Значимостью позиции определяется та особая сложность, трудность поиска заглавия, о которой часто говорят сами авторы. Так, В. В. Конецкий со свойственной ему самоиронией замечает: «Хотя и сами названия мы придумывать не умеем. Однажды девушка-читательница сказала, что современные сочинители дают книгам какие-то «залипу-

хи», а не названия. И с тех пор меня преследует желание назвать книгу просто-напросто «Залипуха», но не хватает смелости» [5]. Как нить, опущенная в насыщенный соляной раствор, постепенно обрастает кристаллами и превращается в причудливое ожерелье, так и слово, сочетание слов, фраза, занявшая позицию абсолютного начала текста, вершину текстовой иерархии, по определению Т. ван Дейка, обретает особое значение, наполняется новыми смыслами, наделяется специфическими функциями, поскольку позиция начала обладает

© Кольцова Л.М., 2006

двойной проекцией, двойной перспективой: содержание произведения заставляет «перекодировать» содержание заглавия, причем неоднократно и неоднозначно.

Размышляя о писательском ремесле и судьбе своих произведений (причиной размышлений стало то, что «в списке творений ни одного моего не оказалось. Например, журнальная публикация «210 суток на океанской орбите» называлась книгой «210 суток на Земной орбите»), В.В. Конецкий пишет: «Безо всякой обиды я тихо подумал о том, что содержание книг тоже кое-что значит в судьбе названия. Например, я еще не замечал, чтобы «Войну и мир» кто-нибудь назвал «Мир и война». В связи с этим, невольно вспоминается, какую роль сыграло в судьбе названия романа Л. Н. Толстого изменение в русской графике и орфографии.

Насколько важен любой элемент, попадающий в абсолютно сильную позицию начала текста, можно судить по тому,

– какое внимание уделяют выбору названия, основного заголовка, наименованию частей произведения сами писатели;

– какое место занимает исследование рассматриваемой проблемы в лингвистике и литературоведении;

– и, наконец, какое значение придают заголовку читатели.

Что касается первого «показателя», то авторы нередко отмечают, что каждый элемент, выдвинутый в позицию абсолютного начала, приобретает чрезвычайно важное значение для целого, для самого восприятия этой целостности, «глобальной связности» художественного текста.

В этом плане очень интересно и показательное рассуждение В.В. Конецкого о том, что «масса истинных деталей, и черточек, и происшествий, которые на самом деле были и случались, заложенная в книгу, превращается в так называемое в логике СОБИРАТЕЛЬНОЕ ПОНЯТИЕ, то есть в совокупность, которую следует рассматривать как такое целое, которое имеет уже совсем особые свойства, вовсе даже иногда отличные от свойств составляющих элементов» [5]. Это свойство, способность слова преобразоваться в особое «собирательное понятие», в значительной степени детерминировано именно позицией заголовка. Отсюда вытекает и сложность особой творческой задачи: поиск заглавия и формы его репрезентации.

Н. С. Лесков писал: «Ко мне частенько «братия» толкается за заглавиями, смеясь «просят наречь имя младенцу». Я люблю заглавие, чтобы оно было живо и *в самом себе* (выделено нами) рекомендовало содержание живой повести» [13].

«Кличка всегда должна быть «по шерсти», – считает Н. С. Лесков. И этой «шерстью» для самого писателя балы логика «цельного». Так, он предлагает назвать юбилейный сборник Т. П. Пассек «Блажь», «Ворох» или «Окомелки», потому что усмотрел в нем «затею упрямой и недоступной здравому убеждению женщины, которой пришла в голову блажь, и она на свое поставила и изрядные вещи затолкала в один ворох с бабьими окомелками» [13]. Заглавие книги может быть, по мнению писателя, и «казовое», то есть представляющее «самое лучшее, главное,

выдающееся, литературное»: самый удачный образ, наиболее удавшуюся деталь описания, но это – «отчасти обман для публики», рассчитанный на коммерческий успех издания, хотя в этом отношении не автор, не литератор, а «купец может выдумать лучше, то есть *наглее, смелее и более надувательно*» (выделено нами) [13].

Таким образом, Н. С. Лесков дает своеобразную классификацию заглавий:

– логико-смысловые, ориентированные на выражение квинтэссенции содержания;

– образно-эмоциональные, коррелирующие с наиболее выразительной, экспрессивной стороной произведения;

– демонстративно-эксclamационные, рассчитанные на непосредственное воздействие, возбуждение интереса одномоментного, преследующие цель «сбыта», ориентированные на не очень подготовленного читателя (сейчас это может быть определено как «рекламная» функция). К такого рода заглавиям Н. С. Лесков добавляет придуманные им названия типа «Огненный столб», или «Светозарный луч из-за туч». Как «далеко» продвинулась в этом отношении наша беллетристика, мы можем судить по заголовкам произведений так называемой «массовой литературы», что заслуживает специального разговора.

Очень большое внимание уделял заглавию А. П. Чехов, требовавший от него краткости, простоты и ... «интеллигентности». Вот как он оценивает некоторые названия чужих и своих произведений: «Название рассказа «Против убеждения...»

– неудачно. В нем нет простоты. *В этих кавычках и трех точках в конце чувствуется изысканная претенциозность* (выделено нами)...»

«Вернулся» – название изысканное...»

«Название «Женщины» претенциозно и тенденциозно; оно заставит зрителя ожидать от пьесы то, чего в ней нет и чего она дать не может. Лучше назвать ее «Скрипачки» или «У моря». Дать побольше моря и назвать так».

«Я телеграфировал вам название повести «Моя жизнь». Но это название кажется мне отвратительным, особенно слово «моя». Не лучше ли будет «В девяностых годах?» Это первый раз в жизни я испытываю такое затруднение с названием» [13].

«В мечтах» – хорошее название, легкое и приятное».

«Мои рассказы с таким названием, как «Были и сказки», не пойдут, потому что все эти книжные названия в последние десять лет устарели, выжили и не представляются интеллигентными» [13].

«... Зачем эти подзаголовки: психический этюд, жанр, новелла? Все это одни претензии. Поставьте заглавие попроще... Также поменьше употребляйте кавычек, курсивов и тире – это манерно» [13]. Хорошими для А. П. Чехова являются заглавия, в которых сочетаются

– *благозвучность* («Я не люблю слов с обилием шипящих и свистящих звуков, избегаю их»);

– *простота и краткость* («Я лично наиболее практичным и удобным названием для первых четырех томов считаю «Рассказы», потому что... оно просто»);

– **конкретность и соответствие предмету изображения** («В заглавии «Идеал» слышится что-то мармеладное. Во всяком случае, это нерусское слово в заглавии не годится»);

– **свежесть и новизна**, требование уходить от «рутинности приемов».

Но, пожалуй, первостепенное значение, которое имеет для А.П. Чехова в заглавии, – это способность возбуждать эстетическое чувство красоты и легкости, музыкальности и ясности.

Эти две разные, даже противоположные точки зрения Н.С.Лескова и А.П.Чехова на принцип подбора «шапки по Сеньке» заставляют задуматься о том, как автор мыслит для себя существование данного текста в широком культурном пространстве, как он вписывает произведение в контекст своей системы моделей, картин мира и в круг других моделей.

И в этом отношении анализ позиции абсолютного начала текста представляется не просто интересным, но и чрезвычайно важным не только для определения функций элемента в структуре, но и для выявления способов введения структуры в динамическую систему общего художественного пространства. Не случаен интерес исследователей к семантике, структуре, функциям заголовка текстов разной стилистической и жанровой принадлежности.

Как отмечает Ю.М.Лотман, «любая система живет не только по законам саморазвития, но также включена в разнообразные столкновения с другими культурными

структурами... Достаточно часто столкновение порождает нечто третье, принципиально новое, которое не является очевидным, логически предсказуемым последствием ни одной из столкнувшихся систем. Дело усложняется тем, что образовавшееся новое явление очень часто присваивает себе наименование одной из столкнувшихся структур, на самом деле скрывая под старым фасадом нечто принципиально новое». [7].

Что касается обозначенной нами проблемы, то следует признать, что пока еще в лингвистике, поэтике, стилистике нет каких-либо концептуальных подходов к тому элементу, компоненту структуры текста, который мы определили как «позиция начала». Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что существует множество слов, но нет термина для обозначения этого явно ощущаемого, «имеющего место быть» компонента, «заголовочного комплекса», как например, «дебют», «заход», «зачин», «лид (lead)», «начало», куда заголовок входит основной составляющей частью. Может быть, в силу огромного объема материала, большой степени индивидуальности («единичности») названий, сложности классификации и квалификации разных по языковой форме выражения «заголовочных комплексов», трудность вызывает даже самый простой, элементарный вопрос: «Зачем произведению название?»

Вопрос этот – далеко не праздный, поскольку в современной лингвопоэтике существуют совершенно противоположные точки зрения на роль заглавия. Так, Е.

Невзглядова в книге «Звук и смысл» пишет: «но многие стихи, мне кажется, протестуют против заглавия, *навязанного им современной модой* (выделено нами). Именно потому, что в неназванных стихах шире становится тема, а повод получает свое *законное боковое место* (выделено нами)» [11]. «Поводом», по мнению исследователя, диктуется выбор названия лирического текста.

Что касается прозы – то «в прозе заглавие – вещь условная» [11].

Другая точка зрения заключается в признании текстообразующей роли заголовка, но в условиях макротекста, то есть в «текст-континууме» (см. напр., Нижегородова, 1997). Ю.М. Лотман, отмечая, что «разговором о заглавии, как правило, следует начинать и кончать анализ» (Лотман, 1996, с. 780), предупреждает о необходимости осторожного отношения к такому методическому приему, как озаглавливание кусков текста, поскольку «внешение каких-либо «своих» слов (учителя или учеников) в заголовки отрывков крайне нежелательно. Следует, однако, оговориться, что все сказанное относится к *поэтическому тексту – проза в этом отношении допускает больше свободы* (выделено нами)» (там же, с. 780).

Думается, стоит пристально рассмотреть *форму* предьявления начала текста, то есть непосредственно позицию и способы ее маркирования, чтобы убедиться в том факте, что начало и конец текста, даже в аспекте их графической репрезентации, далеко не то же самое, что «рама в живописи», или «рампа в театре».

Посмотрим с этой точки зрения на некоторые «зачины» рассказов Н. С. Лескова, сложно и разнообразно организованные.

Некрещеный поп

Невероятное событие

(*Легендарный случай*)

Посвящается Федору Ивановичу
Буслаеву

Эта краткая запись о действительном, хотя и невероятном событии посвящается мною достойному ученому, знатоку русского слова, не потому, чтобы я имел притязание считать настоящий рассказ достойным внимания как литературное произведение. Нет; я посвящаю его имени Ф. И. Буслаева потому, что это оригинальное событие уже теперь, при жизни главного лица, получило в народе характер вполне законченной легенды; а мне кажется, проследить, как складывается легенда, не менее интересно, чем проникать, «как делается история».

I

В своем приятельском кружке мы остановились над следующими газетным известием...

II

Итак, в одном малороссийском казачьем селе...

Само словосочетание, избранное названием рассказа, – это «невероятное языковое событие», оксюморон, выразительное значение которого усиливается многократно за счет позиции абсолютного начала, что нередко используется в литера-

туре в целях предваряющего введения, подготовки сознания к восприятию описываемой ситуации именно как парадоксальной с точки зрения логики, то есть приводящей к поискам нетривиальных решений, нового взгляда на устоявшиеся и общепринятые факты и обстоятельства жизни.

Позиция заглавия придает «семантическому парадоксу» значение, статус события, которое состоялось, несмотря на его невероятность, что и закреплено, подчеркнуто в первом подзаголовке.

Во втором подзаголовке, оформленном как дополнительное сообщение, важное попутное замечание, выходящее далеко за рамки текста, актуализируются значения слов, которые, на первый взгляд, синонимичны словам предшествующего подзаголовка. Но «невероятное событие» и «легендарный случай» оказываются далеко не синонимичными. Слово «легендарный» имеет значение, актуальное для знакомого с церковными канонами человека. «Легенда», согласно «Толковому словарю» В.И. Даля, – это:

1. «священное предание, поверие о событии, относящемся до церкви», веры;

2. четія, четья, т. е. «для чтения назначенный» [4]. В том, какое значение для разрешения парадоксальной, неразрешимой и даже трагической для большинства персонажей рассказа ситуации имеет внимательное чтение и толкование Священного Писания, мы убеждаемся в конце рассказа, когда «вышло все на добре» благодаря умному архиерею, нашедшему выход в «легенде», со-

гласно которой «сквозь облако пройдя, в Моисея можно окреститься», следовательно, главные требования обряда были соблюдены в отношении крещения Саввы: «они, добываясь крещения, и влажное облако проникали и на челе расталою водою того облака крест младенцу на лице написали во имя Святой Троицы. Чего же тебе еще надо?»

Если учесть, что слово «случай» имеет значение «безотчетное и беспричинное начало, в которое веруют *отвергающие провидение*» (выделено нами) [4], то окажется, что все три элемента заголовка: «Некрещеный поп» – Невероятное событие – (Легендарный случай) – оказываются построенными по принципу логического парадокса: невероятно – но есть; отмечено в священных текстах событие, которое не может быть подвергнуто сомнению – но не понято и не принято обыденным сознанием, не способным к эвристической аналогии, («Слова сии я и прежде чел», – говорит благочинный, не разумеющий «яже чтиши»), то есть такое, «что аж ни чого понять не можно».

По сути дела, Н. С. Лесков в заглавии предьявляет нам три лингвистических загадки, а в тексте рассказа показывает, как необычны и совершенно различны могут быть способы решения сложившейся парадоксальной ситуации, «загвоздки почище того, что и диакон *ударил трепака*», а трепак не просит: зачем же благочинный доносит?»

Посвящение Федору Ивановичу Буслаеву, выдающемуся лингвисту, одному из основателей логико-грамматического направления в науке о языке, тоже оказывается

важным элементом в смысловой структуре всего текста; так же, как и предваряющее непосредственное изложение событий введение, комментарий к «Посвящению». Автор проводит настойчиво и неуклонно мысль о том, что язык, жизнь, действительность не укладываются в рамки формальной логики, строгие научные теории и схемы: «Мне кажется, проследить, как *складывается* легенда, не менее интересно, чем проникать, «как *делается* (выделено нами) история».

В этой фразе противопоставлено свое «складывается» и чужое – «делается», то есть обозначаются два разных принципа, два способа освоения и осмысления мира, находящие разное воплощение в художественном и научном описании. Перед нами – еще одно окошко, ввод в то культурное пространство, где традиционно разделяются научные и художественные концепции (и даже науки делятся на «естественные» и «противоестественные», по ироничному замечанию академика Мигдала) и за пределы которого выходит автор.

Такова сложная, многоступенчатая организация начала текста, где представлены в скрытом, свернутом, предельно сжатом виде художественный замысел и общий принцип его воплощения: от названного конкретного реального факта – его оценки с точки зрения «здорового смысла» – через связь с культурно-письменной древней традицией и современной автору культурной сферой – к образному разворачиванию, художественному предьявлению идеи, волнующей писателя, и ее доказательству. Несомненно, что

только образованный читатель способен понять и оценить высочайшее мастерство художественных приемов писателя, раскрывающееся в продуманной целенаправленности каждого элемента структуры, внутренняя глубина которой практически неисчерпаема.

Это обнаруживается практически в каждой многоступенчато организованной позиции абсолютного начала текста, где состав «элементов» меняется в соответствии с художественной задачей.

Организация начала текста в виде *многоступенчатого построения*, где каждая следующая «ступенька», введенная дополнительная позиция поддерживает предшествующую, что в целом образует «приступ», необходимый для экспликации авторской идеи, мировоззренческой установки, может быть определена как *суммирующая позиция* абсолютного начала текста. Сумма компонентов, выстроенных в определенном порядке, представляет собой свернутый текст со сложным рематическим комплексом. Весь этот комплекс может быть развернут в связный текст, что, по сути дела, и происходит в ходе повествования, но уже в преобразованном, расширенном, образном предьявлении.

Суммирующая позиция абсолютного начала текста позволяет «предызложить» авторскую концепцию в той форме, которая в качестве микромоделей текста выводит на поверхность общий принцип моделирования и репрезентации представленной в рассказе «Некрещеный поп» картины мира как *парадоксального склада жизни*, предопределенного *провидением*.

Другая модель требует и иной «микромодели» заголовочного комплекса. В многоступенчатое начало текста нередко вводится «чужое слово», эпиграф, представляющий собой «текст в тексте», по определению Ю. М. Лотмана.

Так, начало рассказа Н. С. Лескова «Юдоль» осложняется подзаголовком и библейской цитатой:

Юдоль

Рапсодия

**Совеща Бог смирится горе и
юдолням исполнитися в равень
земную.**

Абсолютное начало текста в этом случае имеет характер многоступенчатой *интегрирующей позиции*, где в «микромодель» заголовка в качестве *опорного* компонента вводится фрагмент текста, обладающего чрезвычайно высокой аргументирующей силой, истинность которого не может быть подвергнута сомнению.

Эта опора необходима автору, поскольку описываемые им события имеют разноплановый и разномасштабный характер. Значение и значимость их в общей картине, которую автор охарактеризовал как эпическую (о чем говорит подзаголовок «Рапсодия»), расценены как субъективные и неполные впечатления. Об этом сам писатель достаточно подробно говорит во вступительной части: «Разумеется, все эти нынешние *мои* воспоминания охватывают один небольшой район нашей ближайшей местности (Орловский,

Мценский и Малоархангельский уезды) и отражаются в моей памяти только в той форме, в какой они могли быть доступны «барчуку», жившему под родительским крылом, в защищенном от бедствия господском доме, – и потом воспоминания эти так неполны, бессвязны, отрывочны и поверхностны, что они отнюдь не могут представить многостороннюю картину народного бедствия, но в них все-таки, может быть, найдется нечто пригодное к тому, чтобы представить хоть кое-что из тех обстоятельств, какими сопровождалась ужасная зима в глухой, бесхлебной деревеньке сороковых годов». Но автор восполняет своим описанием память «глухой поры», «память о прошлых голодовках, когда не было никакой гласности и никакой общественной помощи людям, «избывавшим от глада».

Мысль, выраженная в эпиграфе, приобретает значимость не только для содержательной сюжетной стороны рассказа, но и для проведения, реализации авторской установки на то, что не только «летописи и история», исследования и проекты полномасштабного, государственного уровня представляют всеобщий интерес, но и «не очень обстоятельные» впечатления оказываются основополагающими для изменения, переворота в сознании, для становления личности, а в конечном счете – для изменения общественного сознания и положения дел в государстве: «Совеща Бог смирится горе и юдолням исполнитися в равень земную».

В тексте рассказа (глава XVIII) цитата расширяется, и смысл ее в новом контексте тоже значи-

тельно углубляется и расширяется. Речь идет уже о вере, которая дает «силу жить и трудиться для того, чтобы равнять путь к лучшему, которое идет и непременно придет – когда «горы и юдоли сравниются и лев ляжет с ягненком и не навредит ему».

Таким образом, эпиграф в рассказе имеет двойную направленность: с одной стороны, он выявляет значение слова, вынесенного в основное заглавие, поскольку устаревшее слово «юдоль» с необходимостью требует комментария, что автор и осуществляет, вводя соответствующий эпиграф, где слово реализует свое значение «лог, разлог, дол, долина, удол, раздолье» [4]. Интересно отметить, что в качестве эпиграфа Н. С. Лесков использует ту же цитату из Книги пророка Варуха, что и В. И. Даль, но в «Толковом словаре» цитата раскрывает значение фразеологического оборота «юдоль плачевная» – «мир горя, забот и сует» (в примечаниях к тексту рассказа Е. Любимовой «юдоль» толкуется как «жизнь с ее заботами и печалью» (буквально: долина скорби) [6].

Это значение актуализируется по мере развития повествования «о страшном по своим ужасам и голодном (1840) годе», а затем уже фразеологизм «юдоль плача» приобретает новое значение, для содержания рассказа – определяющее: «Да!.. здесь юдоль плача... Голод ума, голод сердца о голод души. Вот моток, в котором не знаешь, за какую нить хвататься!..»

И сама мысль, представленная в качестве эпиграфа, становится предметом рассуждения, размышле-

ния и интерпретации, продолжаясь и развертываясь в тексте.

Важную роль в экспликации расширительного значения основного заголовка и указании на то, как автором определяется общий характер повествования, играет подзаголовок «Рапсодия», который в примечаниях к тексту объясняется следующим образом: «Рапсодия – музыкальное инструментальное произведение, состоящее из нескольких разнородных частей, преимущественно на темы народных песен; здесь – произведение, неоднородное по своему составу и характеру» (Е. Любимова).

Однако такое толкование вряд ли соответствует значению подзаголовка, особенно если учесть тот факт, что впервые рассказ появился с еще одним подзаголовком «Из исторических воспоминаний». «Рапсодия» – потому, что автор стремится передать «настроение, для которого нет расторгающего значения времени и пространства», ощущение, что «все мы – несемся куда-то навстречу мирам...», веру в то, что «лучшая жизнь на земле будет впереди нас, а не та, которая осталась позади нас», – то есть представляет умственному взору читателя картину, куда вмещаются разные и весьма обширные миры. Для указания на эту составляющую картины многомерного и многомирного пространства и вводится подзаголовок «Рапсодия», где слово реализует по меньшей мере два значения: «Рапсодия» – это «в античной Греции декламация нараспев, пение сказителем-рапсодом отрывков из эпических поэм Гомера; в европейской музыке... произведение в форме свободного «льющегося» и

не скованного какими-либо рамками высказывания» (Музыка. БЭС, 1998, с. 452).

В микромодели интегрирующего заголовка сливаются прямое значение «пространство (раздолье)», переносное значение «пространство жизни», окказиональное значение, возникающее из сопряжения слов «юдоль – рапсодия», – «пространство мысли» и его претворение в «пространство повествования», имеющее первостепенную значимость для выражения той нравственной идеи, которую автор раскрывает в конце рассказа. Он пишет о том, что страшные события голодного года перевели его в другое состояние: «Я был тронут со старого места... Я ощущал голод ума, и мне были милы те звуки, которые я слышал, когда тетя и Гильдегарда пели, глядя на звездное небо, давшее им «зрение», при котором можно все простить и все в себе и в других успокоить», то есть «исполниться в равень».

Компоненты заголовка развертывают, расширяют свое содержание, наращивают смысл, становясь образами текста. И эта образность, возникшая в широком контексте повествования, проецируется на позицию начала текста, углубляя его содержание.

Интегрирующая позиция заголовка всегда ориентирована и на включение произведения в широкий исторический и культурный контекст и рассчитана на наличие соответствующей пресуппозиции у читателя (или на формирование такой пресуппозиции), без чего восприятие текста окажется не просто поверхностным, обедненным, но и совер-

шенно неправильно будет истолкован авторский замысел, авторская целеустановка.

Позиция начала текста, замещенная многоступенчатой моделью заголовка, может иметь контаминирующий характер. Вот как «устроено» начало повести Н. Кононова:

Источник увечий
повесть в двух неравных частях
Часть первая. Здоровье.
Глава первая

Ведение

Теперь это просто череда наблюдений, неким образом представших предо мной в совокупности через многие-многие годы...

Вереница положений, союзов, ситуаций. Их объективная связность и нерасторжимое сродство. И они все в липкой специфической целокупности будто преследуют меня. И я тщетно хочу от них оторваться, опасаясь быть изуродованным и окончательно погребенным под их невидимым спудом.

Задача повествователя (повесть написана от первого лица), как сам он ее определяет, все «расставить по своим местам», разложить «сумму обстоятельств» на составляющие, разобраться «в некоем безоценочном континууме. В смутной выемке, которую невозможно проградировать», без чего невозможно дальнейшее существование героя, который «понял, что пропал».

В заголовке просвечивает название пьесы Лопе де Вега «Овечий источник», фабула, сходная в общих чертах, обозначена в повести.

(Скрытую аллюзию поддерживает фамилия главного персонажа – Овечин).

Намеренное смешение слов, контаминация значений как основной художественный прием, используемый автором, присутствует и в том подзаголовке, которым обозначено введение в повествование: «Ведение», или «Ведение» – должен решить читатель, вникнув в способ построения текста.

Контаминация возводится автором в принцип художественного моделирования: «Ошибки не считаются, важен смысл!» И к этому «смыслу» читатель должен пробраться сквозь сознательно натянутую цепь контаминаций на всех языковых уровнях: от графического облика слова до построения абзацного блока, где сильная основная позиция, маркированная абзацем, «накладывается» на принципиальные позиции, переплетается со слабыми позициями внутри предложения, таким образом, как бы выворачивая предложение:

Мне, конечно, надо было действовать.

Тупо по плану боевой эвакуации.

Безотлагательно.

Ведь над моим милым домом промчалась первая эскадрилья.

Многоступенчатые, развернутые по вертикали, маркированные широкими проблемами заголовочные комплексы выполняют несколько заданий: называют, именуют тему произведения, вписывают ее в определенную культурную сферу, эксп-

лицуют основной прием, который автор использует для создания той художественной модели, которая необходима ему для решения творческой задачи, воплощения замысла.

Такого рода организация начала текста выполняет общую функцию *когнитивного анонса*. Здесь – тот ключ, которым открывается дверь в художественную мастерскую автора, а через нее – в художественный мир произведения.

Как уже было сказано, любой элемент, замещающий или маркирующий позицию заголовка, повышается в ранге, изменяет свой языковой статус.

Значимым в позиции заголовка оказывается даже отсутствие знака, его элиминация. Так, элиминация точки в конце фразы, выведенной в позицию заголовка, позволяет представить *весь текст* (от начала до конца) как нерасторжимое единство, как завершенную модель кусочка действительности, отраженной творческим сознанием, которая, в свою очередь, извлечена из непрерывного, целостного языкового мира личностных смыслов.

Элиминация кавычек в выведенном в заголовок фрагменте прямой речи (или цитате) преобразуют факт индивидуального языкового сознания в предмет языковой рефлексии. Так, например, в рассказе Л. Андреева («Рассказ о семи повешенных») каждая часть озаглавлена фразой одного из персонажей:

В час дня, Ваше Превосходительство
К смертной казни через повешенье

Меня не надо вешать
Мы, орловские
Поцелуй и молчи и т. д.

Снимая кавычки, автор превращает отдельные факты в звенья единого страшного события (в эту цепочку включается и то, что рассказ – Посвящается Л. Н. Толстому).

С другой стороны, оформленные заголовка как цитаты – это элемент «поэтики узнаваний», активизация языковой памяти читателя. Как отмечает Б. М. Гаспаров, «нет нужды доказывать современному читателю, что «поэтика узнаваний» так же способна создавать новые эффекты, как и поэтика инноваций [3].

Позиция заголовка способствует тому, что извлеченный из языкового конгломерата фрагмент языковой ткани приобретает устойчивость. Это проявляется в том, что многие названия фразеологизируются, превращаются в риторические фигуры. На четко очерченном пространстве заголовочной, начальной позиции выстраивается микромодель языкового освоения действительности. Это касается и «простых», одношаговых заголовков, где внутри одного слова происходят сложные и динамичные процессы углубления и расширения значений, фокусируются ассоциативные связи, высвечиваются новые свойства, возникающие у слова в едином пространстве текста, где сходятся начала и концы.

Уникальное для каждого произведения заглавие, включаясь в силу своей особой значимости, детерминированной позицией в языковой

опыт читателя, «органически вырастает в языковой мир личности» [3], становится предметом языковой рефлексии, эвристического поиска смысла. Может быть, в этом и заключается главная функция, основное назначение замещения позиции абсолютного начала, что в многоплановом языковом сознании народа отразилось в пословицах, дающих оценку и удачному, и обреченному на провал «зачину»: «Доброе начало – полдела откачало» и «Лиха беда почин: есть дыра, будет и прореха».

Предварительные выводы относительно обозначенных нами проблем сводятся к следующему:

Позиция заголовка суть объективно существующая и неотъемлемая часть структуры текста, представленного в своем первичном письменном виде, обладающая целым рядом свойств, которые на данный момент не выявлены и не описаны, а только оценены как существенные, имеющие интенциональное значение, независимо от того, замещена эта позиция или нет.

В условиях бытования текста в культурном пространстве замещение позиции происходит *всегда*, поскольку любой текст должен быть поименован, чтобы стать артефактом. Так, стихотворения без заголовка получают наименование по первой строке текста. Это позволяет говорить о том, что позиция заголовка обладает по крайней мере двумя важнейшими свойствами:

- 1) свойством превращать любую языковую единицу в имя;
- 2) свойством идентифицирующей единичной референции, неза-

висимо от характера, точнее, от семантики языковой единицы, выдвинутой в позицию заголовка.

Важно отметить и тот факт, что при любом перемещении имени текста из заголовочной позиции в другую языковую ткань требуется особый комментарий, без которого невозможно правильное понимание, восприятие смысла сказанного. Для письменной речи такими достаточными «комментирующими» знаками являются кавычки и заглавная буква:

Читала накануне Тургенева.

Читала «Накануне» Тургенева.

Для устной речи в подобных случаях необходимо развернутое пояснение.

Позиция заголовка способствует закреплению новых семантических связей, то есть обеспечивает фразеологизацию сочетаний, что легко превращает заголовки в крылатые слова и выражения.

Позиция заголовка способствует реализации эстетических, образных потенций слова, вычлняя его из линейного ряда, из непрерывного речевого потока, создавая пространство для свободных ассоциаций.

Позиция заголовка дает возможность представить в предельно сжатом виде прагматическую уста-

понимание авторского замысла, детерминирующего единство всех значимых элементов художе-

новку, реализованную в тексте. Основные заголовочные модели, маркированные графическими знаками, развернутые по вертикали, эксплицируют далеко не всегда открыто данные автором ответы на вопросы: о чем, как и зачем ведется повествование, при этом речь идет об экспликации глубинных, имплицитных смыслов.

В целом, позиция заголовка представляет собой некий инструмент, обладающий свойствами линзы, фокусирующей лучи смысла и направляющей их в определенную сторону.

Незамещенная позиция заголовка тоже значима как средство расфокусировки и активизации самостоятельного поиска опорного стержня текста, как показатель допустимости множества интерпретаций, принципиально заложенных во многих произведениях. Впрочем, любой художественный текст интерпретируется субъективно, как бы настойчиво ни проводил автор всеми доступными ему средствами свою целенаправленную установку, свое намерение и художественную задачу. И все же искусное использование позиции заголовка в номинативной, семантической, коммуникативной, прагматической и эстетической целях в немалой степени обеспечивает адекватное

своей структуре, предъявленной для осмысления и осознания самому себе и читателю.

Библиографический список

1. Андреев Л. Рассказы. – М., 1977.

2. Бунин И. А. Тропами потаенными. Стихотворения. – М., 1995.
3. Гаспаров Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. – М., 1996.
4. Даль В. И. Толковый словарь в 4 томах. – М., 1989–1991.
5. Конецкий В. В. Избранное в двух томах, т. 2. За доброй надеждой. – Л., 1983.
6. Кононов Н. Источник увечий // Знамя, №11, 2001.
7. Лесков Н. С. Собрание сочинений в 12 тт., т. 11. – М., 1989.
8. Лесков Н. С. Собрание сочинений в 12 тт., т. 12. – М., 1989.
9. Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии. – СПб., 1996.
10. Лотман Ю. М. Семиосфера. – СПб., 2000.
11. Невзглядова Е. Звук и смысл. – СПб., 1998.
12. Нижегородова Е. И. Заголовок лирического текста: сильная позиция или избыток? // Известия Воронежского педуниверситета, т. 246. – Воронеж, 1997.
13. Русские писатели о языке (XVIII–XX вв.). – Л., 1957.
14. Чередниченко В. И. Типы начал газетных текстов: проблема классификации // Акценты. Альманах. Новое в массовой коммуникации. – Воронеж, 2000, №№1–2.

The role of headline in structure of fiction texts

L.M. Koltsova

The author of the article looks into the role of headline and headline complexes of fiction texts using material of Russian prose. Headline complexes are analyzed from the point of view of theory of punctuation of text.

Воронежский государственный университет

УДК 801.561.72:808.2

О.В. Новикова

СИММЕТРИЯ И АСИММЕТРИЯ В СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ С МЕСТОИМЕННО-СООТНОСИТЕЛЬНЫМ СЛОВОМ *ТАКОЙ* И РЕАЛЬНО-ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНЫМИ СОЮЗАМИ

В статье рассматриваются сложноподчиненные предложения с соотносительным словом *такой* и сравнительными союзами с точки зрения соответствия плана содержания и формы

В современном литературном языке достаточно часто встречаются сложноподчиненные предложения (далее СПП) с местоименно-соотносительным словом «такой» и союзами *будто, как будто, точно, словно, ровно, как если бы,*

уступая по частотности употребления лишь СПП с союзом *что*.

Названные союзы в лингвистической литературе получили

© Новикова О.В., 2006

название **модальных**, так как служат грамматическим средством выражения не только смысловых, но и модальных значений синтаксических конструкций. Нам представляется неверным употреблять термин «модальные» лишь по отношению к данной группе союзов, так как любой союз в структуре СПП является модально-оценочным квалификатором отношений, устанавливаемых между предикативными единицами (далее ПЕ).

Рассматриваемые союзы относятся по своей семантике к группе сравнительных, однако состав их до конца не определен. В частности, разногласия возникают в связи с выделением сравнительного союза **как если бы**. Большинство лингвистов склонны рассматривать сочетание **как если бы** в качестве союза, находящегося в стадии формирования [1].

Особое место среди сравнительных союзов исследователи отводят союзу **будто (как будто)**, считая его двужначным, т.е. способным в отличие от других сравнительных союзов выражать как сравнительные, так и изъяснительные отношения между ПЕ сложного предложения [2].

Можно говорить о том, что среди рассматриваемых сравнительных союзов встречаются союзы монофункциональные (к ним относятся союзы **словно, точно, ровно, как если бы**) и полифункциональные (к ним относят союзы **будто и как будто**). Первые участвуют в выражении сравнительных отношений между ПЕ, вторые – и сравнительных, и изъяснительных отношений.

Надо отметить, что данные нашей выборки свидетельствуют о тенденции к расширению функционально-смысловой группы изъяснительных союзов за счет союзов сравнительных. Так, в приведенных ниже фразах союзы **словно, точно, как если бы** участвуют в выражении изъяснительной семантики: *Во всем теле у него такое ощущение, точно он получил неожиданную способность летать* (А. Куприн); *Румпер вырвал скрипку из рук Дюплэ с таким чувством, как если бы плюнул в лицо божества* (А. Грин); *У нее было такое чувство, словно она перенеслась на те самые сверкающие высоты коммунизма, о которых она читала в торжественных газетных статьях* (Н. Погодин); *У него было такое ощущение, словно его выпустили из тюрьмы или словно он встал с больничной койки* (Л. Славин) [3].

Относясь к функционально-смысловой группе изъяснительных союзов, **будто** и его функциональные эквиваленты вступают в определенные оппозиционные отношения с другими членами этой группы, в частности с союзами **что** и **чтобы**. Впервые оппозиция союзов **что** и **будто** в СПП рассмотрена А.М. Пешковским. По его мнению, в предложениях с этими союзами устанавливается двоякое отношение к сообщаемому в придаточной части со стороны говорящего и со стороны субъекта действия. Если позиции говорящего и субъекта действия не различаются, придаточная часть вводится союзом **что**. Если же говорящий не признает сообщаемую мысль своей, придаточная часть присоединяется союзом **будто** [4].

В большинстве исследований отмечается, что союз *будто* является, по сравнению с союзом *что*, показателем недостоверности высказываемой информации. Специфика значения связана с происхождением союза, сложившегося в результате перерождения ПЕ, которая включала в себя форму повелительного наклонения 2 лица ед. ч. *будь* и указательного местоимения самого обобщенного значения *то*. Первоначально модальное слово *будто* примыкало к изъяснительному союзу *что* и служило лишь лексическим средством выражения модальности придаточной ПЕ, однако в ходе исторического развития оно превратилось в грамматическое средство выражения того же смыслового и грамматического значения, впитав в себя значение союза *что* [5].

Таким образом, установилась традиция рассматривать союз *будто* как модальный, выражающий не только степень достоверности высказывания, но и его потенциальность. Как модальный союз *будто* противопоставляется союзу *что* наряду с союзом *чтобы*. Но по характеру выражения модальных значений союзы *будто* и *чтобы* в свою очередь находятся в оппозиции друг к другу. Если союз *чтобы* выражает объективно-гипотетическую модальность (то, о чем говорится в придаточной ПЕ, представляется желательным, возможным, необходимым, не зависимо от точки зрения говорящего); то союз *будто* вносит в придаточную ПЕ субъективно-гипотетическую модальность (содержание представляется предпо-

ложительным именно с точки зрения говорящего).

Являясь членами функционально-смысловой группы сравнительных союзов, союзы *будто, как будто, точно, словно, ровно, как если бы* имеют общее значение сопоставления предметов, признаков, действий, явлений с целью установить их сходство или различие. В силу своей субъективно-модальной природы они образуют оппозицию со сравнительным союзом *как*. Различие в значении членов данной оппозиции видят в том, что союз *как* употребляется при сравнении близких, однопорядковых явлений, и поэтому сходство носит категорический, утвердительный характер; а союз *будто* и подобные используются при сопоставлении разнородных, далеких друг от друга величин, при этом возникает сомнение, неуверенность в их сходстве у сопоставляющего [6].

Существует, однако, и несколько иное определение позиционных различий между союзом *как* и союзами группы *будто*. Считается, что первый выражает полное совпадение точек зрения субъекта и говорящего, который оценивает сообщение как вполне достоверное. Вторые характеризуют содержание сообщения как такое, которое говорящий не признает своим и (или) в достоверности которого сомневается [7].

Несмотря на отдельные разногласия, большинство исследователей сходится все же на том, что союзы *будто, как будто, точно* и т. п. выводят сравнение из реального плана и употребляются в предложениях, где речь идет о сравне-

нии с оттенком условности, предположительности. Поэтому их значение определяется как значение ирреального сравнения, хотя и иного свойства, чем ирреальное значение, создаваемое системой глагольных наклонений. Так, по мнению Г.Ф. Гавриловой, особенность модального значения данных союзов «объясняется метафорическим характером значения присоединяемых ими придаточных, значения, основанного на внешнем сходстве явлений» [8].

Однако элемент ирреальности в значении подобных союзов оспаривается Л.Ю. Максимовым, который отмечает, что союзы *будто* и *как будто*, как и соответствующие частицы, отнюдь не выражают ирреальности; их назначение лежит целиком в плане внешней модальности [9]. Развивая эту мысль, многие исследователи приходят к выводу, что данные союзы сами по себе не выражают реальности или ирреальности действия придаточного, они лишь уточняют реальный модальный план предложения, выражая дополнительный оттенок предположительности, недостоверности. Из них только союз *как если бы* вносит отчетливую ирреальность, другие же сравнительно-предположительные союзы приобретают ирреальное значение лишь в сочетании с частицей *бы* [10].

В нашей работе союзы *будто*, *как будто*, *точно*, *словно*, *ровно*, *как если бы* рассматриваются как союзы полифункциональные, т. е. входящие как в функционально-смысловую группу сравнительных союзов, так и в функционально-смысловую группу союзов изъясни-

тельных. По своему модальному качеству данные союзы неоднородны: союз *как если бы* относит сообщение в план потенциальной модальности и имеет отчетливую условно-предположительную семантику, союзы же *будто*, *как будто*, *точно*, *словно*, *ровно* являются средством выражения реально-предположительной модальности и имеют общее значение указания на точность сближения двух сравниваемых явлений. Значение предположительности, т. е. так называемая субъективная модальность, создается и семантикой союзов, и лексическим наполнением ПЕ.

Семантика СПП с рассматриваемыми союзами в научной литературе описана достаточно полно. Поэтому в своем исследовании мы не касаемся предложений с союзом *как если бы*, смысловая организация которых проанализирована Т.А. Колосовой [11], а при рассмотрении СПП с союзами реально-предположительного модального плана опираемся на концепцию, предложенную М.И. Черемисиной [12].

Итак, с точки зрения соотношения единиц плана выражения и единиц плана содержания среди СПП с союзами *будто*, *как будто*, *точно*, *словно* выделяются **симметричные** и **асимметричные** построения.

К **симметричным** относятся предложения, в которых обе ПЕ называют диктумные события. Например: *Тут раздался такой громкий звук, будто свалился на паркет рыцарский доспех* (И Ильф, Е. Петров); *Снаряды полетели в небо с таким звуком, будто кто-то*

удивленно и весело вскрикивал (К. Паустовский); *Сосед падает с таким шлепающим звуком, будто большая тряпичная кукла* (К. Паустовский); *Дорок махнул рукой на балкон музыкантам с такой силой, как будто швырнул камнем* (А.Грин); *На тридцати узлах эсминец отзывается на несколько градусов руля с такой силой, будто головой кивает* (В. Конецкий).

Механизм связи событий в симметричных СПП проанализирован М.И. Черемисиной, которая квалифицирует характер отношений между событиями, представленными главной и придаточной ПЕ, как метафорическое сравнение и своеобразие их видит в том, что оба события соотнесены с одним и тем же референтом. При этом главная ПЕ дает объективное имя ситуации, фрагменту действительности, т.е. показывает их такими, какие они есть на самом деле. Придаточная же ПЕ называет тот же фрагмент действительности, но уже с точки зрения говорящего, т.е. так, как это представляется воображению говорящего. В результате происходит как бы «наложение» значения придаточной ПЕ на значение главной, и фраза «как бы перегибается пополам». Одному объекту приписывается два имени: объективное и образное, метафорическое.

Характерные признаки таких метафорических СПП М.И. Черемисина видит в тождестве видо-временных значений предикатов главной и придаточной ПЕ, в их семантической координации, структурном параллелизме частей, отсутствии предметного пересечения

между ситуациями, описываемыми главной и придаточной ПЕ [13].

Значение метафорического сравнения сочетается в симметричных построениях со значением качественно- или количественно-характеризующим, обусловленным опорным сочетанием в главной ПЕ. Местоименно-соотносительное слово **такой** является конструктивно обязательным элементом, не поддающимся элиминации и указывающим на качественную или количественную характеристику предмета, явления посредством сравнения его с метафорическим образом того же предмета, явления.

Отождествительный характер сравнения ведет к возможности преобразования метафорических симметричных СПП в предложения определительного типа в результате субституции союзов союзным словом **какой**, выражающим отождествительное сравнение.

Сравните: *Снаряд взорвался с таким звуком, будто воздух вокруг лопнул* (К. Паустовский) – *Снаряд взорвался с таким звуком, с каким воздух вокруг лопается; Он [пес] участвовал в общем веселье и сглатывал куски колбасы с таким звуком, будто откупоривал тугие пробки* (К. Паустовский) – *Пес участвовал в общем веселье и сглатывал куски колбасы с таким звуком, с каким откупоривают тугие пробки.*

Подобные преобразования сопровождаются изменением видо-временного параметра глагола-сказуемого в придаточной ПЕ и модального плана СПП: союзы реально-предположительной модальности сочетаются с совершенным видом

глагола прошедшего времени, а союзное слово **какой**, выражая реально-достоверную модальность, предполагает несовершенный вид глагола настоящего времени.

Таким образом, своеобразие симметричных СПП с союзами реально-предположительной модальности по сравнению с другими симметричными построениями состоит в том, что оба диктумных события соотнесены с одним и тем же референтом. Главная ПЕ дает ему объективное имя, а придаточная – метафорическое, идущее от субъективных ощущений говорящего. Семантика таких симметричных СПП квалифицируется как сочетание качественно- или количественно-характеризующего значения и значения метафорического сравнения, что подтверждается возможностью их преобразования в определительные предложения в результате субституции союза союзным словом **какой**.

Наряду с симметричными СПП, составляющими всего около 1 % от числа предложений с местоименно-соотносительным словом **такой** и союзами реально-предположительной модальности встречаются и **асимметричные** построения, у которых наблюдается расхождение между единицами плана выражения и единицами плана содержания. Это расхождение может быть как **количественным**, так и **качественным**.

К СПП с **количественной асимметрией** относятся имплицитные построения, в которых двум ПЕ соответствует три события. Например: *Лежала она в гробике черном такая маленькая, сухонькая, точно*

в самом деле все хрящики ее изныли и косточки прилегли к суставам (Н. Лесков); Младший, Петр Киреевский, с лицом таким твердым, словно его вытесали топором, уже становился известен своими записями русских народных песен (Л. Славин); Во рту чувствовался такой вкус, как будто я долго жевал свинец, выплюнул и выполоскал зубы известковым раствором (А.Грин); Десятиклассница прищурилась и окинула Леву таким взглядом, будто размышляла: стоит ли выйти за него замуж? (А. Алексин)

В приведенных предложениях не получил вербального выражения второй компонент смысловой организации, представляющий собой **модусное** событие. Он эксплицируется при развертывании данных конструкций в трехкомпонентные. Сравните: *А перед нею был стол, заставленный такими яствами, будто все происходило в королевстве Сластей (С. Михалков) – А перед нею был стол, заставленный такими яствами, какие бывают, если/когда все происходит в королевстве Сластей; Мышаевский покатился по парадной лестнице с такой быстротой, словно поехал на коньках (М. Булгаков) – Мышаевский покатился по парадной лестнице с такой быстротой, с какой катятся, если/когда едут на коньках; Раздался такой треск, будто дачу вбили в землю по самую крышу (К. Паустовский) – Раздался такой треск, какой бывает, если/когда дачу вбивают в землю по самую крышу; Ирочка ответила тетке таким кротким взглядом, словно ей было десять лет (Н. Погодин) – Ирочка ответила тетке таким*

кротким взглядом, каким отвечают, если/когда тебе десять лет.

На имплицитный характер рассматриваемых двухкомпонентных СПП есть указание у М.И. Черемисиной и А.К. Федорова [14].

В речи трехкомпонентные конструкции представлены единичными примерами: *Он был бледный, убитый, в том бесчувственно-страшном состоянии, в каком бывает человек, видящий перед собой черную, неотвратимую смерть* (Н. Гоголь).

Эксплицированное модусное событие указывает на то, что действие, обозначенное первой ПЕ, может иметь место при определенном условии, которое выражено третьей ПЕ. Таким образом, между первой и второй ПЕ устанавливаются отождествительно-сравнительные отношения, а между второй и третьей – условные. В результате компрессии сложного предложения происходит перераспределение смысловой нагрузки между ПЕ и ее качественное изменение. Показателем семантики пропущенного модусного звена – возможности существования – становится союз типа **будто**, относящий событие, репрезентируемое придаточной ПЕ, в реально-предположительный модальный план. Это ведет к изменению смысловых отношений между частями СПП: придаточная ПЕ осмысливается уже не как условие, а как причина, причем причина не реальная, а ложная, связанная с субъективными ощущениями говорящего.

Наличие в имплицитных СПП с местоименно-соотносительным словом **такой** значения ложной мо-

тивации подтверждается и возможностью их преобразования в СПП с чисто причинной семантикой, которое осуществляется в результате субституции блока **«такой – будто»** блоком **«прилагательное – потому что»**. В результате преобразования меняется не только семантика, но и модальный план: из реально-предположительного он становится реальным. Событие, обозначенное придаточной ПЕ, воспринимается уже не как субъективная, воображаемая причина, а как реальная, хотя по своему содержанию и не всегда «разумная».

Сравните: *Мать с тощим узлом волос на затылке, в бабусах с резинками, всегда с таким лицом, будто она выпила полынной настойки* (К. Паустовский) – *Мать с тощим узлом волос на затылке, в бабусах с резинками, всегда с перекосенным лицом, потому что она выпила полынной настойки; Она пошла вперед такими стремительными шагами, словно было утро и она опаздывала на урок* (А. Алексин) – *Она пошла вперед стремительными шагами, потому что было утро и она опаздывала на урок; Через некоторое время она поднялась. С таким трудом, будто ей было по крайней мере сто лет* (А. Димаров) – *Через некоторое время она поднялась. С большим трудом, потому что ей было по крайней мере сто лет; Васо – молодая женщина с копной таких жестких волос, будто она носила черный и спутанный проволочный парик* (К. Паустовский) – *Васо - молодая женщина с копной жестких волос, потому что она носила черный и спутанный проволочный парик; Такой звон и*

пенье стояли на главной улице, будто возчик вез не рельс, а оглушительную музыкальную ноту (И. Ильф, Е. Петров) – Непередаваемый звон и пенье стояли на главной улице, потому что возчик вез не рельс, а оглушительную музыкальную ноту.

В рассматриваемых имплицитных СПП придаточная ПЕ может обозначать как событие, возникшее в качестве причины в реальной действительности (1), так и событие нереальное, заведомо невозможное в реальной действительности (2). Сравните: 1) *После танго Лева подошел ко мне такой красный, будто ему еще раз надавали пощечин* (А. Алексин); *Она была хороша и такая нарядная, будто не на работу пришла, а на новогодний бал* (Л. Карелин); *Глаза эти принадлежали уже пожилому человеку с таким болезненным и обрюзгшим лицом, словно он только что вышел из больницы* (А. Димаров); *У мужчины было такое кислое лицо, словно его постоянно кормили позавчерашним борщом* (А. Димаров);

2) *Там дом построишь ... такой становится легкий, будто строили его воздушными перстами райские жители* (К. Паустовский); *Она [комната] была такой чистой, будто ее только что прострогали рубанком* (К. Паустовский); *Утром я вскочил свежий, бодрый, с душой такой ясной и радостной, как будто она умылась* (А. Грин); *Лицо такое взволнованное, точно не я родила, он родил!* (А.Цветаева).

С.Г. Ильенко, выделяя две подобные группы среди сравнительных СПП с причинным оттенком в семантике, видит различие между

ними в том, что первые выражают модальность возможности (сомнение субъекта в действительности данной причины), а вторые – модальность невозможности (нереальные действия в качестве причины) [15].

Семантика имплицитных СПП с реально-предположительными союзами квалифицируется как совмещение качественно- или количественно-характеризующего значения и значения ложной мотивации. Однако среди них встречаются также построения, в которых значение ложной мотивации отсутствует, но обнаруживаются уступительные отношения. Их возникновение объясняется, видимо, наличием в придаточной ПЕ слов с модальным значением (**нужен, мог**). Такие предложения преобразуются в СПП с уступительной семантикой и не допускают преобразования в СПП с причинным значением. Сравните: *Она оттолкнулась от перил с таким отчаянным движением, как будто для этого нужна особенная решимость* (К. Федин) – *Она оттолкнулась от перил с отчаянным движением, хотя для этого была нужна особенная решимость*; *Лозунг свой он провозглашал с таким отчаянным пылом, словно только дураки могли его не послушаться* (Т. Манн, пер. С. Апт) – *Лозунг свой он провозглашал с таким отчаянным пылом, хотя только дураки могли его не послушаться.*

Особую группу среди имплицитных СПП (с несколько иной модальной семантикой) составляют предложения, в главной ПЕ которых в качестве определяющего слова выступают существительные **вид,**

выражение. Эти предложения аналогичны по своей смысловой и формальной структуре рассмотренным выше имплицитным СПП с союзом **что**, поэтому союзы **что** и **будто** с его функциональными эквивалентами в них часто оказываются взаимозаменяемыми. Сравните: *Однажды пришел вечером, и вид был такой, будто выпил* (Ю. Трифонов) – *Однажды пришел вечером, и вид был такой, что выпил*; *Вид у него такой, точно он лазил по грязной водосточной трубе* (Ю. Трифонов) – *Вид у него такой, что он лазил по грязной водосточной трубе*; *«Потому что он женился на другой», – ответила Катя с сухими глазами и с таким выражением на лице, будто ровным счетом ничего не произошло* (Г. Семенов) – *«Потому что он женился на другой», – ответила Катя с сухими глазами и с таким выражением на лице, что ровным счетом ничего не произошло*.

В приведенных СПП характеристика качества, на которое указывает главная ПЕ, не называется непосредственно, а дается опосредованно, через указание на мнимую причину. Недостоверность приведенной причины подчеркивается союзами реально-предположительной модальности. Союз же **что**, выражающий достоверность, в подобных построениях приобретает разговорную окраску, его модальное качество под влиянием лексического наполнения придаточной ПЕ как бы нейтрализуется. В результате употребление союза **что** в данных СПП оказывается не всегда стилистически оправданно. Не случайно, предложения с этим сою-

зом единичны по сравнению с предложениями, содержащими союзы реально-предположительной модальности.

В других случаях подобная замена союзов невозможна: *Рядом со мной сел юноша с таким выражением девственного любопытства в глазах, точно он только что появился на свет* (К. Паустовский); *У него было такое выражение, будто он говорил: «Ну-ну, молодой человек, что же вы будете делать дальше?»* (К. Паустовский); *Вид у нее был такой, словно в доме начался пожар* (А. Алексин); *Вася с такой миной на лице, будто хватил кислого...* (И. Панин).

Однако при вербализации имплицитного модусного звена, которое имеет семантику умозаключения, вывода, к которому приходит говорящий в результате своих наблюдений, ассоциаций, второе диктумное событие вводится союзом **что** и не допускает употребления реально-предположительных союзов. Сравните: *Она смотрела с таким видом, как будто я не говорил слов, повергающих в трепет* (К. Паустовский) – *Она смотрела с таким видом, что/по которому можно было заключить, что я не говорил слов, повергающих в трепет*; *Тимофеев отправлял на выставку свои работы с таким видом, будто обрекал их на уничтожение* (К. Паустовский) – *Тимофеев отправлял на выставку свои работы с таким видом, что/по которому можно было заключить, что он обрекал их на уничтожение*; *У Солимана было такое выражение, будто в Турции все носят костюмы, на которых бриллиантов на четырна-*

дцать миллионов ливров (М. Булгаков) – У Солимана было такое выражение, что/по которому можно было заключить, что в Турции все носят костюмы, на которых бриллиантов на четырнадцать миллионов ливров; У Пряникова было такое выражение лица, будто он волок на себе непомерную тяжесть (Н. Погодин) – У Пряникова было такое выражение лица, что/по которому можно было подумать, что он волок на себе непомерную тяжесть.

К СПП с **качественной асимметрией** относятся построения, в которых главная ПЕ имеет семантику модуса, а придаточная – семантику диктума. Например: *У меня такое ощущение, будто ничего между нами не было (А. Ремез); У него было такое чувство, словно его ударили по лицу (К. Симонов); Такое впечатление, будто Мари первоначально лишь наблюдает за действиями Хаммурали (А. Варшавский).*

Данные СПП являются синонимическим вариантом предложений с союзом **что**, выражающих качественно-квалифицирующее и пояснительное значения и относящихся сообщение в реально-предположительный модальный план. Поэтому возможна взаимозаменяемость союзов.

Сравните: *У него было такое чувство, словно его ударили по лицу (К. Симонов) – У него было такое чувство, что его ударили по лицу; [Беспрерывные бои, нервы измотаны до предела]. Такое ощущение, словно ты летишь в пропасть (Л. Ленч); – Такое ощущение, что ты летишь в пропасть; У меня такое ощущение все время, будто я вспомнил о вас и собрался в эту экс-*

курсию (Г. Семенов) – У меня такое ощущение все время, что я вспомнил о вас и собрался в эту экскурсию.

В таких СПП главная ПЕ содержит квалификацию события, обозначенного придаточной ПЕ, как предполагаемого, в достоверности которого говорящий не уверен. Эта модусная семантика передается с помощью существительных **чувство, ощущение, впечатление**, характеризующих субъективное отношение говорящего к сообщаемому и содержащих в своей семантике сему кажимости, предполагаемости. Сочетаемость данных существительных с прилагательными особой семантической группы, с семой неопределенности, присуща и построениям с союзами реально-предположительной модальности. Например: *Странное ощущение охватило меня, будто я вернулся назад во времени, перенесясь в какое-то ушедшее лето (П. Вежинов); В такие минуты меня охватывает нелепое ощущение, будто я в разинутой пасти хищного зверя (П. Вежинов); Взяв маму к себе, когда ей уже семьдесят два, я испытываю нелепое чувство, будто взял к себе давно брошенного мной ребенка (К. Сигунов).*

Однако, в отличие от СПП с союзом **что**, в предложениях с союзами типа **будто** значение недостоверности, предположительности создается не только семантикой определяемого существительного, но и семантикой данных союзов, относящихся содержание в план реально-предположительной модальности. Не последнюю роль в создании этого плана играет и лексическое наполнение придаточной ПЕ. Собы-

тие, репрезентируемое придаточной ПЕ, во-первых, может носить вполне реальный характер, но говорящий как бы определяет свое ощущение, восприятие события через сравнение с вполне возможным в действительности событием, которое, по мнению говорящего, могло бы вызвать именно такие ощущения. Например: *Впечатление такое, будто под Святошным стреляют* (М. Булгаков); *Однако у него осталось впечатление, как будто он шел и вот за чем-то остановился* (А. Грин); *Было такое чувство, будто он знает Нельку много-много лет* (М. Панин); *Такое чувство, будто попарился и вышел: легко, тепло, и уже вечер* (А. Битов).

Во-вторых, событие, обозначенное придаточной ПЕ, может быть заведомо невозможным в реальной действительности, а существовать лишь в воображении говорящего. В данном случае говорящий определяет свои ощущения через сравнение с вымышленным событием. Такие СПП ближе к предложениям с ирреальной модальностью. Например: *Было такое чувство, будто в преисподнюю спустилась Элеонора* (К. Паустовский); *У меня было такое ощущение, будто я сама себе подписала смертный приговор* (Л. Ленч); *У меня такое чувство, будто мы пришли жить вместо него* (Г. Бакланов); *Это было такое ощущение, будто медленно отняли руку или ногу* (К. Федин).

Характер отношений между диктумом и модусом в данных СПП таков, что позволяет говорить о наличии сравнительного оттенка в семантике.

Таким образом, семантику качественно-асимметричных СПП с союзами реально-предположительной модальности можно квалифицировать как совмещение качественно-квалифицирующего и пояснительного значений с оттенком сравнения. Сравнительным оттенком значения данные построения отличаются от качественно-асимметричных СПП с союзом реальной модальности **что**, с которыми они объединяются в одну семантическую группу.

Для СПП с союзами типа **будто** характерны все те виды преобразований, которые наблюдаются и у предложений с союзом **что** [16]. Это:

– Трансформация в СПП изъяснительного типа в результате замены определяемого существительного однокоренным глаголом или глаголом, близким по значению.

Сравните: *Было у него такое ощущение, будто кто-то акварельной беличьей кисточкой дотрагивался до его озябшей кожи* (Г. Семенов) – *Ему казалось, будто кто-то акварельной беличьей кисточкой дотрагивался до его озябшей кожи; [Лицо горело] и было такое чувство, будто кто-то ударил его по щеке* (В. Конецкий) – ... *Казалось, будто кто-то ударил его по щеке.*

– Элиминация соотносительного слова и союза.

Сравните: *Было такое ощущение, будто разговор ведется сам по себе, механически* (Ю. Трифонов) – *Было ощущение, что разговор ведется сам по себе, механически* – *Было такое ощущение: разговор ведется сам по себе, механически.*

О других видах преобразований говорилось выше.

В рассматриваемых СПП, как показывают факты языка, определяемое существительное может находиться в синтаксической позиции подлежащего или может входить в состав именного сказуемого.

Сравните: *Я остаюсь с таким чувством, как будто был шумный, головокружительный, грозный бал* (А. Грин) – *У меня осталось чувство, как будто был шумный, головокружительный, грозный бал.*

Встречаются также построения, в которых определяемое существительное, обозначающее восприятие события, оказывается в синтаксической позиции обстоятельства образа действия. Например: *Он вошел в свою комнату с таким чувством, как будто не был в ней несколько лет* (А.Грин); *Сын его написал расписку, разрешая операцию, с таким чувством, словно сам сочинял отцу смертный приговор* (В. Орлов); *Возвращалась Варя домой с таким чувством, будто ее предали* (А. Димаров).

Главная ПЕ в таких предложениях обозначает диктумное событие, но, кроме этого эксплицитно представленного содержания, в ней заключен еще имплицитный смысл, который может быть реконструирован. Сравните: *Он вошел в свою комнату, и у него возникло/ было чувство, как будто не был в ней несколько лет; Сын его написал расписку, разрешая операцию, но при этом у него было / появилось чувство, словно сам сочинял отцу смертный приговор; Варя возвращалась домой, и у нее было чувство, будто ее предали.*

Имплицитное содержание сконденсировано в рассматриваемых СПП и выражается с помощью «событийного» имени. По определению Н.Д. Арутюновой и Е.Н. Ширяева, «событийные имена называют явления, характерный признак которых – применимость к ним временного параметра: событие имеет временную протяженность и может быть ориентировано на временной оси», поэтому они употребляются с делексикализованными глаголами, семантика которых ограничена указанием на факт совершения события или его протекания во времени (*был, будет*) [16]. Процессом синтаксической конденсации объясняет все адвербиальные употребления падежных форм как синтаксически не обусловленных В.В. Мартынов. Он доказывает, что простые предложения с обстоятельствами места, времени, причины, цели, условия являются сконденсированными СПП с соответствующими придаточными [17].

Таким образом, в рассматриваемых нами СПП главная ПЕ с обстоятельственным членом может быть интерпретирована как имплицитный вариант сложного предложения. Следовательно, данные построения с полным правом относятся к группе качественно-асимметричных.

Итак, среди асимметричных СПП с союзами реально-предположительной модальности выделяются построения с количественной и качественной асимметрией. К количественно-асимметричным относятся имплицитные СПП, в которых не вербализовано модусное событие со значе-

нием возможности существования. Семантика их квалифицируется как соединение качественно- или количественно-характеризующего значения и значения ложной мотивации. ИмPLICITные СПП характеризуются необязательным характером местоименно-соотносительного слова, склонностью его к элиминации, возможностью преобразования в СПП причинной семантики. К качественно-асимметричным СПП относятся построения, в которых главная ПЕ выражает семантику модуса, а придаточная – семантику диктума. Особенности смысловой и структурной организации объединяют их с группой качественно-асимметричных СПП с союзом *что*, имеющих качественно-квалифицирующее и пояснительное значение. В отличие от них СПП с союзами реально-предположительной модальности имеют в своей семантике оттенок сравнительного значения. Возможности преобразования данных построений пол-

ностью совпадают с преобразовательными возможностями синонимичных СПП с союзом *что*, а именно: они характеризуются возможностью элиминации соотносительного слова, возможностью его субституции прилагательным семой неопределенности, возможностью преобразования в СПП изъяснительные и в бессоюзные сложные предложения, возможностью субституции союза реально-достоверным союзом *что*.

Анализ смысловой организации СПП с местоименно-соотносительным словом *такой* и союзами реально-предположительного модального плана (*будто, как будто, точно, словно*) позволяет сделать вывод, что по своим смысловым особенностям и преобразовательным возможностям данные построения соотносимы с СПП с союзом реально-достоверного модального плана *что*.

Библиографический список

1. Уханов Г.П. Существуют ли в русском языке союзы «чем если бы», «как если бы» и аналогичные? // Учен. зап. Калнин. пед. ин-та, 1963, т.34, сер. историко-филол., с.309; Колосова Т.А. Русские сложные предложения асимметричной структуры, 1980, с.70-85.
2. См., например: Федоров А.К. Система подчинительных союзов в современном русском языке, 1972; Черкасова Е.Т. Русские союзы неместоименного происхождения: Пути и способы их образования.– М.: Наука, 1973; Богодухова Л.И. Соотношение видо-временных и модальных форм сказуемых как один из элементов строения сложноподчиненных предложений с придаточными, выражающими сравнение: Дис. ...канд. филол. наук. – 1973; Филипповская И.А. Изъяснительный союз БУДТО // Русский язык: Теория и методика преподавания.– Душанбе, 1980; Фигуровская Г.Д. Структурно-семантическая трансформация сложноподчиненного предложения: Автореф. дис. ...канд. филол. наук.– М., 1982 и др.

3. В Русской грамматике союзы «словно», «точно», «ровно» также относятся к группе изъяснительных.– См.: Русская грамматика. – 1980, с.475.
4. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – Изд. 7-е. – М., 1956, с. 484.
5. См.: Черкасова Е.Т. Указ. работа, с. 140-150; Кузнецова Р.Д. Исторические изменения в сложноподчиненном предложении: Учеб. пос. – Калинин, 1983, с.63.
6. См., например: Сазонов А.П. К вопросу о связи категории сравнения, выраженной синтаксическими средствами, с модальностью.- Учен. зап. Винниц. пед. ин-та, 1962, т.20, с.16-20.
7. См.: Русская грамматика, 1980, с. 473-476.
8. См., например: Формановская Н.И. Стилистика сложного предложения. – М., 1978, с.49; Гаврилова Г.Ф. Усложненное сложное предложение в русском языке. – Ростов-на-Дону, 1979, с. 82.
9. Максимов Л.Ю. Многомерная классификация сложноподчиненных предложений: Автореф. дис. ...д-ра филол. наук. – 1970, с. 28.
10. Филипповская И.А. Указ, работа, с. 64-67; Богодухова Л.И., Указ. работа, с. 114-115; Андрамонова Н.А. Сложные предложения, выражающие обстоятельственные отношения в современном русском языке. – Казань, 1977, с. 23.
11. Колосова Т.А. Имплицитные сложные предложения с контактирующими скрепами // Полипредикативные конструкции и их морфологическая база. – Новосибирск, 1980, с. 34-48.
12. Черемисина М.И. Сравнительные конструкции русского языка.- Новосибирск, 1976.
13. Там же, с..236 с. 235.
14. Черемисина М.И. Указ. работа, с. 236-239; Федоров А.К. Указ. работа, с. 296-297.
15. Ильенко С.Г. Функции сложноподчиненного предложения с придаточным сравнительным. - Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та им. А.И. Герцена. Т.242. 1963. С.27-29.
16. Арутюнова Н.Д., Ширяев Е.Н. Русское предложение: бытийный тип (структура и значение). – М., 1983, с. 126-129.
17. Мартынов В.В. Категории языка. – М., 1982, с.38-51.

Symmetry and asymmetry in complex subordinate sentences with pronoun coordinating word “takoy” and real-supposing conjunction

O.V. Novikova

This article is about complex subordinate sentences with pronoun coordinating word “takoy” and comparative conjunctions from the point of view of correspondence of plan of content and form.

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет

УДК 801.3=82(045/046)

Л.В. Сычёва

СВОЕОБРАЗИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНОЯЗЫЧНЫХ ВКРАПЛЕНИЙ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ М.А. БУЛГАКОВА

В статье рассматриваются и анализируются принципы отбора и функционального использования иноязычных вкраплений в русских оригинальных художественных текстах М. Булгакова.

Попытка рассмотреть функционирование иноязычных вкраплений в произведениях М.А. Булгакова обусловлена несколькими причинами. Важнейшие из них: огромный интерес к его творчеству не только в России, но и во всём мире; высочайшее мастерство; писательская честность М.А. Булгакова в показе мира и человека в этом мире (высказывание самого писателя: "Сердце и мозг не понесу на базар – хоть издохну").

Материалом нашего исследования являются романы, повести, пьесы, рассказы и черновики Булгакова, которые отражают не только культуру народа, но и культуру своего времени. Используемые в них иноязычные вкрапления имеют свои национально-культурные особенности, так как находятся в связанности с триединством "автор – персонаж – читатель".

Рассмотрение связанности этого триединства следует начать с первого. М.А. Булгаков был воспитан в культурных традициях русских интеллигентных семей конца 19 – начала 20 в. Свободное владение иностранными языками считалось в семье будущего писателя делом естественным и само собой разумеющимся. Классическое образование

с неперенным изучением новых и древних языков М.А. Булгаков продолжил в медицинском институте, углубив познания в латыни.

Знание нескольких языков (полилингвизм) – характернейшая черта большинства писателей того времени. Таким образом, верно то, что причиной полилингвизма являются "социальные факторы, разные в различные исторические периоды, а его целью – обслуживание разных видов общения или отдельных социальных слоёв этнического коллектива, или всего коллектива в целом" [1].

Результатом языкового контактирования выступает появление в речи (устной или письменной) иноязычных вкраплений (ИВ), представляющих собой слова, словосочетания, фразы, отрывки текста и тексты на иностранном языке, включённые в русскую речь без изменений или с теми или иными изменениями [2]. Языковой контакт определяется в лингвистической литературе как "попеременное использование двух и более языков одними и теми же лицами" [3].

Одним из признаков ИВ считается их неассимилированность,

© Сычева Л.В., 2006

неосвоенность, употребление часто в графике языка-источника, но этим признаком обладает лишь часть ИВ. Другая их часть удовлетворяет признаку окказиональности (невоспроизводимости в литературной речи), но есть и узуальные ИВ, регулярно используемые в тот или иной период развития русской литературной речи в определённых речевых стилях и составляющие международный фразеологический фонд (МФФ).

Целью нашего исследования является выявление общих норм употребления, отбора и функционального использования ИВ в художественной прозе М.А. Булгакова.

В исследованном материале отмечены вкрапления из французского языка (более половины всех примеров); из украинского (более четверти всех примеров), и далее следуют немецкий, латинский, английский, итальянский, китайский языки. Единичны случаи использования вкраплений арабского, турецкого, древнегреческого, еврейского языков. В романе "Мастер и Маргарита" герои говорят на языке, который воспринимается поэтом Иваном Бездомным как "малоизвестный", в другом случае герои говорят, по характеристике писателя, на "изумительном" языке.

Функционирование ИВ и особенности их графического оформления в речи персонажей произведений писателя часто служат средством косвенной характеристики героев. Например, в пьесе "Бег" герой, находящийся в эмиграции, обучает русского лакея французскому языку, так как не хочет использовать родной язык даже в собственном доме,

желая тем самым порвать все нити, связывающие его с Россией.

Корзухин. *Que faites-vous a ce moment?* Что вы делаете в настоящую минуту?

Антуан. Же... Я ножи чищу, Парамон Ильич.

Корзухин. Как ножи, Антуан?

Антуан. Ле куто, Парамон Ильич.

В данном примере следует обратить внимание на три момента: 1) в эмиграции русский Антон изменил имя на Антуан; 2) свободное владение французским языком подчёркивается графикой языка-источника; 3) оформление с помощью русской графики попыток лакея говорить по-французски подчёркивает его незнание данного языка [4] и создаёт комический эффект.

Место действий, описываемых в произведениях, также влияет на отбор ИВ. "Белая гвардия", "Дни Турбиных", рассказы, действие которых происходит на Украине, насыщены вкраплениями разных типов из украинского языка, характеризующими персонаж и передающими местный колорит: "Це я, Франько, вновь включився в цепь... В цепь, кажу!.. Слухаєте?.. Це штаб кинной дивизии". Из украинского языка больше всего частичных вкраплений, т.е. ассимилированных в той или иной степени или включённых в синтаксические отношения в составе русского предложения.

Из французского языка больше всего полных ИВ. Они вводятся в речь героев, используются как эпиграфы к произведениям и как названия рассказов. Например, рассказ "Шансон д'Этэ".

Из латинского языка почти половина всех вкраплений – полные. Большая их часть не связана с национально-культурной спецификой содержания сообщения или связана с ней ассоциативно, что отражает традицию, сложившуюся в русском литературном языке в 19 веке. Латинизмы указывают на профессию героев (врачи, профессора медицины), свидетельствуют об уровне их образованности. Например: "На одном бланке я написал: *Chinini mur. 0,5. D. t. dos n 10*" (Записки юного врача).

М.А. Булгаков вводит латинизмы и в названия глав, произведений, сборников, что подчёркивало художественные задачи произведений. Например: *Status praesens*. Этот медицинский термин переводится как "сегодняшнее состояние организма" [5], а писатель называет так сборник рассказов о Москве 20-х гг. "Куррикулюм вите профессора Персикова" – название главы повести "Роковые яйца".

Из немецкого языка треть вкраплений являются полными (в речи немцев и образованных русских). Например, в пьесе "Дни Турбиных" немецкий генерал перемежает русскую контаминированную речь (присутствует интерференция на фонетическом и грамматическом уровне) с фразами на немецком языке (Правильно, поручик. Никогда не следует покидать свой родина. *Heimat ist Heimat*). В повести "Собачье сердце" действующие лица переходят на немецкий язык, когда хотят, чтобы их не поняли окружающие.

В речи персонажей – людей с недостаточным знанием иностранных языков - и в названиях некото-

рых произведений ИВ даны в русской графике. Например, название рассказа "Шпрехен зи дейч?".

Меньшую часть в исследованном материале представляют вкрапления, ассоциативно связанные или совсем не связанные с национально-культурным своеобразием содержания сообщения. Это, как правило, слова и выражения из европейских языков, вошедшие в Международный фразеологический фонд (МФФ). Их использование в текстах без перевода сложилось как традиция литературной речи в 19 в. Булгаков продолжает эту традицию. В большинстве случаев автор использует графику языка-источника. Например: из латыни: *Bis! in corpore*; из французского: *tete-a-tete; mon Dieu...*

Являясь стилистическим средством речевого выражения, такие фразы, даже с предельно кратким контекстом, обладают яркой экспрессивно-эмоциональной насыщенностью, что обеспечивает их живучесть в языке.

Высокой степенью идиоматичности обладают пословицы и поговорки, являющиеся узуальными, многие из которых совершенно не поддаются переводу и используются в оригинале. Например, *Corpus juris romani!*

Но Булгаков нарушил традицию оформления слов и выражений МФФ графикой языка-источника в "Театральном романе": "Се нон э веро, э бен тровато, а может быть, ещё сильнее!" – начал как обычно Романус". Это нарушение служит косвенной характеристике персонажа, т.е. показывает его недостаточно

свободное владение французским языком.

К особенностям идеостиля М.А. Булгакова можно отнести наличие в его произведениях слов, выражений, текстов в иноязычном графическом оформлении с семантикой, свойственной русскому языку, и в русском грамматическом оформлении. Этот приём используется писателем как одно из средств для создания нереальной фантастической действительности. Например: "На самом углу – стеклянная вывеска с надписью "Restoran i pivo" треснула звездой..." (Дьяволиада); а также для выражения иронии, например: "Так чисто, на красивой посуде будем есть, когда процветёт "Narpit" (Золотистый город) [4].

Использование персонажами, не владеющими иностранными языками, в качестве форм речевого этикета таких визуальных вкраплений, как

мерси, мерси боку, гран мерси, бон-жур, миль пардон, аревуар, гуд бай, данке, данке зер и некоторых других, не связанных с национально-культурной спецификой содержания текста свидетельствует о том, что персонажи претендуют на ложно понятую культурность. Подобное злоупотребление иностранными словами было широко распространено в то время [4].

Таким образом, М.А. Булгаков во многом продолжает традиции отбора, использования и ввода ИВ в тексты, сложившиеся в XIX веке в русской литературной речи. Эти выражения не утратили своей "престижной" функции, т.е. они продолжают использоваться для украшения речи образованных людей. Однако нужно отметить, что общее количество ИВ снизилось по сравнению с текстами этого стиля XIX века.

Библиографический список

1. Проблемы двуязычия и многоязычия./ Ред. колл. Азимов П.А. (отв. ред.), Дешериев Ю.Д., Филин Ф.П. и др. – М.: Наука 1972.- С. 14.
2. Листрова-Правда Ю.Т. Отбор и употребление иноязычных вкраплений в русской литературной речи XIX века. – Воронеж, 1986. – С. 23-144.
3. Хаугэн Э. Языковой контакт. // Новое в лингвистике. – М.: Прогресс, 1972. – Вып. 6. – С. 61-81.
4. Олейникова О.Н. Иноязычные вкрапления в произведениях М.А. Булгакова в лингвострановедческом аспекте.// Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – Воронеж, 1994. – С. 54-56.
5. Бабкин А.М., Шендецов В.В. Словарь иноязычных выражений и слов. – Л., 1981-1987.

Specific usage of foreign elements in Bulgakov's work

L.V. Sychyova

The article considers expressions belonging to another language, the principles of their selection and the functional uses in works of Bulgakov at the beginning of the XX century.

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет

УДК 801.3 Тарк

Т.А. Воронова

ЛЕКСИЧЕСКИЕ И СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СТИХОТВОРНЫХ ПОСВЯЩЕНИЙ А.А. ТАРКОВСКОГО

В статье анализируются особенности поэтических произведений А.А. Тарковского, посвященных М. И. Цветаевой, А. А. Ахматовой, Гр.С. Сковороде. Главная задача данного исследования – показать связь между особенностями стихотворного текста и выбором адресата.

В предисловии к сборнику стихов Арсения Тарковского «Перед снегом» Анна Ахматова отмечала: «Чувствуется, что поэт прошел через ряд более или менее сильных воздействий предшественников и современников (сейчас они скорее угадываются)» [1]. Черты подражания, влияние чужого стиля – явления неизбежные в период ученичества, но едва ли характерные для поэта зрелого, сложившегося. Однако у подлинного мастера приближение к чужому стилю может оказаться сознательным поэтическим приемом. Яркий пример тому – стихотворные посвящения Тарковского: циклы «Памяти Марины Цветаевой» и «Памяти А.А.Ахматовой», стихотворение «Григорий Сковорода» и тематически примыкающее к нему «Где целовали степь курганы...».

Первое стихотворение цикла «Памяти Марины Цветаевой» начинается строками:

Где твоя волна гремучая,
Душный, черный морской
прибой,
Ты, крылатая, звезда падучая,
Что ты сделала с собой?

Обратим внимание на ряд лексических особенностей приведенного отрывка. «Волна», «морской», «при-

бой» – все эти слова относятся к лексико-семантической группе «море». Автор, несомненно, обыгрывает значение имени «Марина» и одновременно вступает в диалог с Цветаевой как с поэтом, «подстраиваясь» под ее «голос»: у самой Цветаевой мы найдем немало строк, посвященных ее собственному имени («Но имя Бог мне иное дал: / Морское оно, морское!»; «И крутятся в твоём мозгу: / Мазурка – море – смерть – Марина...»; «Мне дело – измена, мне имя – Марина, / Я – брэнная пена морская»). Эпитет «крылатая» также изначально принадлежит Цветаевой: «А я тебе принесла / Серебряных два крыла»; «Если душа родилась крылатой – / Что ей хоромы – и что ей хаты!»; «Что я поистине крылата, / Ты понял, спутник по беде!». Итак, Тарковский говорит о Цветаевой ее собственными словами, не столько создает поэтический образ, сколько воспроизводит его, делает узнаваемым, при этом по-своему варьируя его содержание. Одна из характерных черт лирики Тарковского – развертывание образа на протяжении всего стихотворного произведения или даже цикла. В «цветаевском» цикле мы наблюдаем именно

зерена, как подмастерье – мастера. Мне, родившейся в тридцать четвертом, он дал имя в честь поэта Цветаевой» [8]. Однако «к поэзии Марины Цветаевой Тарковский относился, как сейчас принято говорить, неоднозначно. Все ее послереволюционное творчество он считал слишком усложненным, перегруженным, ее гениальные поэмы многословными. «Марина, вы кончились в шестнадцатом году», – неоднократно говорил Арсений Александрович» [4]. Александр Радковский пишет о том же: «Еще более резко изменилось его отношение к поэзии Цветаевой. А.А. говорил, что не может переносить ее нервическую разорванность предложений, постоянного крика» [7].

Тем не менее, в цикле, посвященном Цветаевой, звучит ее интонация, хорошо знакомая читателю. Чем это объяснимо? С одной стороны, «срабатывает» один из основополагающих принципов поэзии самого Тарковского: лексические, образные и ритмические средства определяются предметом и темой стихотворения. С другой стороны, вплетается глубоко личный мотив: цикл посвящен уже ушедшему из жизни поэту, с которым автор пытается вести диалог, стремясь к тому, чтобы диалог этот не был односторонним: «Как я боюсь тебя забыть / И променять в одно мгновенье / Прямую фосфорную нить / На удвоенье, утроенье / Рифм – и в твоём стихотворенье / Тебя опять похоронить». Таким образом, данный цикл можно рассматривать как попытку автора «воскресить» для читателя поэтический голос Марины Цветаевой.

Другой «посмертный» цикл – «Памяти А.А. Ахматовой», созданный в 1967 – 1968 гг., то есть вскоре после смерти поэтессы, – несет на себе отпечаток иной поэтической традиции: автор употребляет только точные рифмы, дважды прибегает к классической форме сонета (в начальном и завершающем стихотворениях цикла). Что касается лексики, используемой в цикле, то прежде всего следует отметить ее стилистически приподнятый характер, с чуть заметным «налетом» архаики: «обезглавить», «сладчайший», «грядущее», «державный», «смирный», «благословить». Особо внимания заслуживают строки из стихотворения «Белые сосны...» (дошедшего до читателей позже всех остальных текстов цикла):

В горле стоит
небесная синь
– твои ледяные А:
Ангел и Ханаан,
ты отъединена.

Процитированный отрывок интересен не только звуковым воспроизведением имени поэтессы, – но и намеком на некоторые особенности ее поэзии: «ангел» – одна из наиболее частотных лексем в лирике Ахматовой, обращение к библейским именам и образам – также не редкость в ее творчестве. Сам Тарковский так высказывался об Ахматовой: «Стихи о ней, не говоря о ее качествах, – полностью зависят от ее поэзии» [5]. Данная мысль находит подтверждение в цикле, посвященном памяти «последнего великого поэта» [7], с которым автора в течение многих лет связывала творческая и человеческая дружба.

«Чужой голос» по-особому звучит и в поэтических произведениях Тарковского, в которых фигурирует имя украинского философа и поэта XVII столетия Григория Сковороды. За выбором героя опять же стоит личное отношение автора: познакомившись с произведениями Сковороды в семилетнем возрасте, Тарковский сохранял любовь к ним на протяжении всей своей жизни. «Чудо какое он сам и его творчество! Я очень люблю его перечитывать» [6].

В стихотворениях Тарковского «Где целовали степь курганы...» и «Григорий Сковорода» автор формирует своеобразное «словесное поле» своего героя, имя Григория Сковороды вводится в текст через определенный лексический фон. Образ нищего странника-философа создается за счет сочетания двух языковых пластов. Первый из них составляют диалектизмы, воссоздающие быт и пейзаж Малороссии и юга России:

Где на рогах волы качали
Степное солнце **чумака**,
Где горькой патокой печали
Чадил костер из **кизяка**, <...>
Там пробивался я к Азову... <...>
Топтал чабрец родного края
И ночевал – не помню, где,
Я жил, невольно подражая
Григорию Сковороде...
«Где целовали степь курганы...»

Есть в природе **притин** своеволью:
Степь течет **оксамитом** под ноги,
Присыпает сивашскою солью
Черствый хлеб на **чумацкой** дороге...

Григорий Сковорода

Чумак – человек, жизнь которого проходила в постоянных разъездах; возможно, именно поэтому странствующий философ ставится с ними в один ряд. Однако такое значение слова «чумак» известно только южнорусским диалектам и украинскому языку, о чем свидетельствует словарь В.И. Даля, дающий этому существительному следующее определение: «Чумак – протяжной **извозчик** на волах; в былое **время** отвозили в Крым и на Дон **хлеб**, а брали рыбу и **соль**» (отсюда – «рога волов» и «сивашская соль» у Тарковского). Диалектное слово «кизяк» («**сухой** навоз, резанный, формованный навозный **кирпич**, для топлива») относится к лексическим «приметам» южнорусских говоров, отражающим черты степного быта. Существительное «притин» также является диалектным, хотя встречается оно, по данным «Словаря русских народных говоров», не только в южных диалектах (основное его значение – «предел», однако в данном контексте более логичным было бы истолковать его как «приют»). Наконец, «оксамит» («бархат») – слово, которое следует квалифицировать как украинизм, хотя в диалектах юга России можно встретить существительные с этим же корнем [12]. Впрочем, в системе стихотворного текста употребление украинизма вполне оправданно, поскольку в середине XVIII века «выходцы с Украины в своей письменности переходят на русский язык или макароническую речь (смесь русско-украинских слов). В творчестве Григория Сковороды как раз и отразились вышеперечисленные тенденции в жизни украинского общества» [2].

Таким образом, внешний фон жизни «украинского Сократа» не столько изображен автором, сколько «озвучен»; местный колорит создается именно с помощью «местного» слова.

Однако региональный ряд лексики в рассматриваемых текстах соседствует с совсем иным: «прельстительные сети», «помыслы», «смиреник», «правдолюбие», «истинный», «обольщения мира», «крылья разума». Очевиден книжный характер выделенных лексических единиц, с явным оттенком религиозной дидактичности. Само слово «мир» семантически раздваивается («Не искал ни жилища, ни пищи, / В ссоре с кривдой и с **миром** не в мире»; «Но и сквозь обольщения **мира** <...> / Брезжит небо синее сапфира»), приобретая исключи-

тельно религиозный смысл – «среда, враждебная Богу и истине». Такой подбор лексических средств опять же продиктован выбором героя стихотворения, его идеями и мировоззрением. Тарковский в некоторой степени имитирует слог трактатов Григория Сковороды, говорит о философе его же языком (несмотря на то, что в стихотворении Сковорода упоминается в третьем лице).

В заключение отметим, что все три цикла, рассмотренные в данной статье, обладают сходными чертами. Отсылка к творчеству адресата осуществляется в основном при помощи лексических средств; реже таким «опознавательным знаком» служит косвенное цитирование. Выделенные особенности можно обнаружить и в других стихотворных посвящениях Тарковского.

Библиографический список

1. Ахматова А.А. <О стихах А. Тарковского> / Ахматова А.А. Сочинения в 2-х т. Т. 2. Проза. – М.: 1987. – С. 215 – 216.
2. Войнич И. Е. Григорий Сковорода // Сковорода Г.С. Сочинения. – Минск, 1999. – 704 с. – С. 5 – 14.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. – М.: 1935.
4. Каплан Ю. Последний всплеск // [http:// www.litera.ru/stixiya/articles/440.html](http://www.litera.ru/stixiya/articles/440.html)
5. Кралин М. Встречи с мастером // Вопросы литературы. – 1994. – №. 6. – С. 298- 306.
6. Лаврин А.П. Примечания к изданию: Тарковский А. А. Собрание сочинений в 3 т. – М.: Художественная литература, 1991.
7. Миллер Л. «А если был июнь и день рожденья...». Воспоминания об Арсении Тарковском // Смена. – 1991. – № 4. – С. 96 - 109.
8. Радковский А. «Едва калитку отворяли...». Попытки воспоминаний // Вопросы литературы. – 1994. – №. 6. – С. 307 - 325.
9. Словарь русских народных говоров. – СПб.: 1995.
10. Тарковская М.А. Осколки зеркала. – М.: 2006. – 416 с.

11. Украинско-русский словарь / Под ред. В.С. Ильина. – Киев, 1965.

12. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т. – М.:1986-1987.

Lexical and stylistical features of the poetical dedications by Arseny Tarkovsky

T.A. Voronova

The article concerns the main traits of the poems by A. Tarkovsky dedicated to M. Tsvetaeva, A. Akhmatova, Gr. Skovoroda. The major aim of the research is to reveal the connection between the textual features and the choice of the addressee.

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет

УДК 808.2:159.42

Т.М. Крючкова

ЭКСПРЕССИВНОСТЬ КАК НЕОЖИДАННОСТЬ УПОТРЕБЛЕНИЯ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Т. ТОЛСТОЙ

В статье рассматривается экспрессивность с точки зрения неожиданности употребления языковых средств в художественном тексте (на примере произведений Т. Толстой). Несовпадения между сочетаниями языковых единиц, несовместимость их с точки зрения реальных предметных отношений приводят к неожиданности употребления языковых средств в художественном тексте.

Экспрессивность в тексте – это некоторое выделение какими-либо языковыми средствами того или иного содержания. По мнению В.К. Харченко, «сущность языковой экспрессии – в преодолении всевозможных шаблонов, стандартов. Экспрессивное в языке выступает как нерегулярное, нетипичное и потому необычное, свежее, выразительное» [2].

Предметом нашего рассмотрения является именно такая экспрессивность обычных, стилистически нейтральных слов, которая возникает в художественном тексте за счет их необычной, неожиданной смысловой актуализации, обусловленной контекстом.

Несовпадения между сочетаниями языковых единиц, несовместимость их с точки зрения реальных

предметных отношений приводят к неожиданности употребления языковых средств в художественном тексте.

Желание быть неповторимым, уникальным приводит современных писателей к поиску новых средств художественного изображения.

С. Чупринин так охарактеризовал литературный процесс конца XX века: «И реализм, и натурализм, и концептуализм, и постмодернизм, и другие «измы» рассыпались на писательские индивидуальности ... Частное возвысилось над общим, книги – благо, они у некоторых современных авторов опять начали выходить – стали важнее и интереснее

© Крючкова Т.М., 2006

тенденций. В цену вновь вошли неповторимость, штучный художественный опыт, а не верность принципам [3].

Конец XX века ознаменовался всплеском женской прозы, появлением писательниц, чьи произведения отличаются яркой экспрессией. К их числу можно отнести Т. Толстую. Т. Толстая вошла в литературу в восьмидесятые годы, и сразу же стала знаменита своими рассказами. В своих рассказах она сочетает точность рисунка с полетом фантазии, психологизм с гротеском, постижение духовных тайн с изощренной писательской техникой. Проза Толстой вся пронизана литературными токами прошлого и нынешнего века, писательница приглашает своего читателя к разгадыванию литературных и психологических ребусов, к распутыванию клубков ассоциаций.

Цель нашей работы – представить неожиданные экспрессивные употребления языковых средств в произведениях Т. Толстой.

Неожиданность употребления языковых средств в тексте происходит за счет семантического рассогласования. Суть семантического рассогласования заключается в необходимом соответствии между существующими классами имен и возможным набором приписываемых им в предложениях предикатов. Как отмечал В.Г. Гак, «наличие в пределах синтагмы компонентов, несовместимых с точки зрения реальных предметных отношений, означает рассогласование [1].

Т. Толстая широко пользуется семантическим рассогласованием. Можно выделить несколько разно-

видностей столкновений слов из разных ЛСГ.

Действия, совершаемые человеком, приписываются:

а) явлениям природы: *Теплый ветер все гулял по солнечной комнате, равнодушный к совершаемому торгу* («Огонь и пыль»); *Ветер пешком пришел с юга, обещает дорогу по легким лестницам в райские голубые страны* («Милая Шура»); *Ветер распахнул дверь в соседнюю комнату и показал райское видение* («Огонь и пыль»);

б) состояниям атмосферы: *Солнечный воздух сбегает по лучу с крыши прохладного старинного дома и снова бежит вверх, туда, куда редко смотрим* («Милая Шура»); *Но пришла новая весна, умерли снега* («Петерс»);

в) временам года: *Шуршало лето, вольно шаталось по садам – садилось на скамейки, болтало босыми ногами в пыли, вызывало Петерса на нагретые улицы* («Петерс»); *А оттуда, из-за далекого горизонта, уже бежало, смеясь и шумя, размахивая пестрым флагом, зеленое лето* («На золотом крыльце сидели»); *Осень вошла к дяде Паше и ударила его по лицу. Осень, что тебе надо?* («На золотом крыльце сидели»);

г) физиологическим состояниям: *Не раз и не два сорокаградусные гриппы закричат, застучат в уши, забьют в красные барабаны* («Любишь - не любишь»); *Сон приходил, приглашал в свои лазы и коридоры, назначал встречи на потайных лестницах, запирали двери* («Петерс»);

д) периодам жизни: *Юность ее прошелестела и ушла, не привлекая*

ничьего внимания («Самая любимая»); *А за спиной, крепко держа Наташу за плечо, строгим терпеливым врачом стояла старость, приготовив свои обычные инструменты («Вышел месяц из тумана»);*

е) мифологическим аллегориям: *И судьба обернулась и крикнула: «Пожелай быть самой любимой! – высунула язык и оглушительно захохотала, задувая хохотом свечу («Самая любимая»); Если обычно душа наша устроена на манер некоего темного лабиринта, и всякое чувство, вбежав через один его конец, выскакивает с другого, смятенное и всклокоченное, и щурится от яркого света, и хочет вернуться назад, то Женечкина душа представляла собой подобие гладкой трубы («Самая любимая»);*

ж) эмоциональным состояниям: *Каждую ночь к Игнатьеву приходила тоска. Тяжелая, смутная, с опущенной головой, садилась на краешек постели, брала за руку – печальная сиделка у безнадежного больного («Чистый лист») В сердце сквознячком гуляла тревога, приоткрывала двери, пошевеливала портьеры («Чистый лист»); Опять подбиралась тоска, выглядывала из-за водосточной трубы, перебежала мокрую мостовую, шла, смешавшись с толпой, неотступно следила, ждала, когда Игнатьев останется один («Чистый лист»).*

Время суток может совершать действия, типичные для птиц: *День устал, сложил белые крылья, летит на запад («Ночь»).*

Действия с вещами приписываются:

а) явлениям природы: *Столичное небо сеяло новый прелестный*

снежок, свежий, только что изготовленный («Факир»);

б) мифологическим аллегориям: *Жизнь все торопливее меняла стекла в волшебном фонаре («На золотом крыльце сидели»); Душа ... ключьями повисала на несущих навстречу деревьях («Свидание с птицей»).*

Вещи переживают эмоции и состояния человека: *Белые полупрозрачные платья поджали колени в тесной темноте сундука («Милая Шура»); Продираемся сквозь толпу назад, папа с абажуром, еще темным, молчаливым, но уже принятым в семью. И он замер, ждет: куда-то его несут? Он еще не знает, что пройдет время – и он, некогда любимый, будет осмеян, низвергнут, сорван, сослан («Любишь – не любишь») или совершать действия, типичные для животных, птиц: *На самом дне, запрокинувшись на спину, подняв лапки, спит шкатулка («Милая Шура»); Она ... озиралась на гигантские дома – черные, вставшие на дыбы комоды («Вышел месяц из тумана»).**

Вещи могут иметь части тела человека: *Сосны сдавили хрупкую выпуклую грудь веранды («Самая любимая»); Вон приближается светлая палочка – огни во лбу автобуса («Факир»); За пеленой дождя мутно лежал красный барьер отсыревшей крепости, оловянный ее шпиль мутно поднимал восклицательный палец («Петерс»).*

Части тела совершают действия, типичные для человека: *Мамочка скидывает синеватые ноги с высокого спального постамента – пусть повисят, подумают: каково им весь день таскать 135 кг, накопленных мамочкой за 80 лет? («Ночь») или*

могут изображаться в виде частей здания: *Мамочкин фасад укроется под белой манишкой, и, скрывая спинные тесемки, изнанки, тьмы, служебные лестницы, запасные выходы, все величественное здание накроет плотный синий кожух. Дворец воздвигнут («Ночь»); Мамочка натягивает на колонны ног цепляющиеся чулки («Ночь»).*

Внешность человека характеризуется через материал: *Из зеркала смотрели на нее тяжелые, неповоротливые глаза на густом, резиновом лице («Вышел месяц из тумана»).*

Животные совершают действия, типичные для человека: *Волки захотали в лесу («Факир»).*

Пища совершает действия, типичные для человека: *... а обессилевшая Лизавета уже спала, и спало в ее рту непроглоченное озеро простокваши («Поэт и муза»); На одной из плит сами с собой разговаривают чьи-то щи («Милая Шура»); Петерс чинно шел в комнаты, где на столе под зеленым колпаком спал зеленый сыр («Петерс»).*

Помимо семантического рассогласования помогают сделать речь яркой, эмоциональной специальные художественные приемы, одним из которых является сравнение. С помощью сравнений Т. Толстая выделяет, подчеркивает предмет или явление, обращает на него особое внимание. Сила сравнения – в его оригинальности, необычности, а это достигается путем сближения предметов, явлений или действий, которые, казалось бы, ничего общего между собой не имеют.

Несовместимость сравниваемых языковых единиц, сфер жизни при-

водит к неожиданности употребления их в художественном тексте.

Внешний вид человека неожиданно может сравниваться:

а) с внешним видом животного: *Петюня смущался, морщил мышинное личико («Огонь и пыль»); ...Изумительная женщина – как леопард. И он сам как тигр («Петерс»); Зубы – редко видимые из-за бороды – были как у волка («Свидание с птицей»);*

б) с овощами: *...толстое, пористое лицо, нос баклажанчиком... («Вышел месяц из тумана»);*

в) с деревом: *Кто это идет, стройный, как кедр («Чистый лист»);*

г) с продуктами питания: *Мыться ходили в баню, ходила и Наташа, разглядывала странных раздетых женщин, розовых, как мокрая ветчина («Вышел месяц из тумана»); Если уж старость придет ко мне, пусть я превращусь в чистенькую седую старушечку, добрую и смешливую, как булочка с изюмом («Вышел месяц из тумана»).*

Эмоциональное состояние человека может сравниваться:

а) с физическими действиями или состоянием: *И Ольга Михайловна вымученно улыбается, хотя улыбнуться ей не легче, чем поднять гирю («Пламень небесный»); Петерсу стало так, будто его задавило трамваем («Петерс»);*

б) со звуком животного: *Громким плачем Алексей Петрович, подняв к звездам изуродованное лицо («Ночь»); Нельзя запереть в лифте Алексея Петровича: он забьется, завизжит зайчиком («Ночь»);*

Скорость человека сравнивается со скоростью движущегося предме-

та: *Но мамочка спасет, она уже несется локомотивом, стучит красными колесами, гудит: прочь с дороги!* («Ночь»); ... *а толпа все прибывала, жуужжала и неслась, как мусор из пылесоса, пущенного в обратную сторону* («Поэт и муза»).

Для создания экспрессивных образов Т. Толстая, сравнивая предметы или человека, неожиданно использует цвета вещественных объектов из разных сфер: *Платье простое, вязаное, цвета соленого огур-*

ца («Факир»); *Римма любила закрыть глаза и приложить раковину к уху – тогда из чудовищной, лососевого цвета пасти слышался зов далекой страны* («Огонь и пыль»).

Анализ примеров показывает, что неожиданность употребления языковых средств помогает автору избежать шаблонов и стандартов, сделать художественный текст более экспрессивным, выразительным, свежим, насыщенным яркими образами.

Библиографический список:

1. Гак В.Г. Языковые преобразования. М., 1998. - 768 с.
2. Харченко В.К. Переносные значения слова. Воронеж, 1989. – 196 с.
3. Чупринин С. Тринадцатое мнение, или «Знамя» после 1996 года / С. Чупринин // Знамя. – 1997.- № 1. – С. 205-211.

Expressiveness as a category of unexpected usage of language means in the text (on the material of Tolstaya's works)

T.M. Kruchkova

This article is devoted to expressiveness as a category of unexpected use of language means in the text (on example of Tolstaya's work). Expressiveness of usual stylistically neutral words arises in the text due to unexpected semantic actualization caused by a context. Discrepancy between combinations of language units, their incompatibility from the point of view of real subject relations result in unexpectedness of the use of language means in the text.

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКОВ

УДК 802.0.0:37.018

О.Ф. Курочкина, Т.И. Загоруйко

ЛИЧНОСТНЫЕ КАЧЕСТВА ПРЕПОДАВАТЕЛЯ И ЕГО РОЛЬ В ПОДГОТОВКЕ СПЕЦИАЛИСТА

Статья посвящена роли личностных качеств преподавателя в обучении иностранным языкам, раскрываются различные формы обучения и делаются выводы о необходимости творческого отношения и повышения общекультурного знания преподавателя.

Вопрос о роли личностных качеств преподавателя в воспитании студентов определяется первостепенной важностью проблем воспитания на данном этапе развития нашего общества.

Цель подготовки современного специалиста должна сводиться не только к вооружению его системой профессиональных знаний, умений и навыков, но и предполагать воспитание творческой, духовно богатой и всесторонне развитой личности.

С нашей точки зрения одна из главных предпосылок решения поставленной проблемы состоит в уточнении воспитательных возможностей, а исходя из них, и воспитательных задач в процессе обучения тому или иному предмету. Но такая конкретизация возможна лишь на основе достоверного знания фактического состояния воспитательной работы в вузовской практике.

В настоящее время изменена роль обучаемого в процессе учебно-воспитательной деятельности. Сейчас обучаемый рассматривается не как объект, а как субъект обучения, т.е. как лицо творчески - и коммуникативно-участвующее в процессе

добывания и присвоения знаний, умений и навыков.

Образовательный и воспитательный процессы в вузе неразрывны. Обучая студентов, мы формируем личность. Важно помнить, что развитие личности происходит через деятельность: обучающую, трудовую, общественную, социальную, и др. Все условия создаются учебным процессом и жизнью вуза. Воспитательные возможности иностранного языка очень разнообразны и находятся как в пределах учебного процесса, так и во внеаудиторной работе со студентами. Иностранный язык в вузе учит общению, умению выражать и обосновывать свою мысль, грамотно оформить, написать или заполнить тот или иной документ, что, с одной стороны, очень важно для профессионального становления, а с другой – обучает общению в коллективе, умению разрешать конфликты, т.е. способствует социализации личности.

На современном этапе развития психолого-методических идей в области коммуникативного

© Курочкина О.Ф., Загоруйко Т.И., 2006

обучения иностранным языкам выделился ряд тенденций (cooperative learning, individualized learning, task-centered activities, learner-based activities), направленных на обучение, характеризующееся как student-centered activities. В отличие от традиционной парадигмы учебно-воспитательного процесса, характеризующейся «субъект-объектными» отношениями между преподавателем и студентом, инновационный педагогический процесс протекает в форме «субъект-субъектных» отношений, позволяющих реализовать личностно-деятельностный подход. Исходя из необходимости понимания отношений между преподавателем и студентами как «субъект-субъектных» отношений чрезвычайно важно определить содержание личностного и деятельностного компонентов в структуре деятельности педагога.

Среди психологических факторов, определяющих интенсификацию обучения иностранному языку в высшей школе, отмечаем учет и организацию особенностей интеллектуальной деятельности самого студента – особенностей его мышления, памяти, восприятия, а также учет его коммуникативных и познавательных потребностей, которые должны реализовываться в самом содержании обучения иностранному языку. Второй важный фактор – это роль личности преподавателя – его человеческих и профессионально-педагогических качеств, его лингвистических, дидактических и коммуникативных способностей.

Правомерность соотношения воспитательных задач с ролью личности самого педагога, на наш взгляд, не

нуждается в особых доказательствах. Заметим лишь, что еще выдающиеся ученые-педагоги прошлого придавали наибольшее значение воспитанию воспитателя, определяя при этом влияние его личности на такую «воспитательную силу, которую нельзя заменить ни учебниками, ни моральными сентенциями, ни системой наказаний и поощрений» [1].

Целый ряд исследователей советского периода также приходит к выводу о том, что некоторые личностные качества преподавателя являются условиями успешности его деятельности и определяют направление воспитательного воздействия (Б.Г. Ананьев, Н.В. Кузьмина, А.И. Щербаков, М.С. Дмитриева и др.). В связи с этим вполне справедливой является оценка психологами Б. Ломовым и К. Волковым качеств личности педагога как «важнейшего средства воспроизводства высокой морали, принципиальности, идейности и гуманизма в последующих поколениях» [2].

В методической литературе по вопросам преподавания иностранных языков подчеркивается роль личности преподавателя, причем, иногда эффективность обучения связывается не с методом, а с его личностными свойствами [3]. Неслучайно поэтому В.В.Беляев характеризует проблему преподавания и метода обучения как имеющие «наибольшую практическую значимость» [4]. Эта значимость вытекает и из специфики самого предмета, который располагает большими воспитательными возможностями в сравнении с другими учебными дисциплинами неязыкового вуза.

Воспитательные возможности в процессе обучения иностранным языкам обуславливаются следующим:

1. Формой обучения, в которой осуществляется учебный процесс. На практическом занятии в отличие от лекции происходит интенсивное взаимодействие преподавателя и студентов, при этом преподаватель может вносить коррективы в свое поведение с учетом информации, поступающей к нему от обучаемых, в то время как информированность лектора о состоянии последних минимальна. В этом – главное преимущество преподавателя, ведущего практические занятия.

2. Содержанием учебной информации по предмету (газетный материал, тексты по страноведению, культуре, специальности, темы для развития навыков устной речи, грамматические упражнения и т.д.). Поскольку преподавателю иностранного языка часто приходится заниматься подбором и разработкой дополнительного учебного материала, то очевидно, что успешность решения педагогических задач как воспитательных, так и дидактических всецело зависит от свойств личности этого преподавателя.

В настоящее время приоритетными ценностями преподавателя – предметника должны выступать, с нашей точки зрения, такие его качества, как творчество, инициативность, стремление к совершенствованию. Современный преподаватель, на наш взгляд, должен обладать чувствительностью к запросам общества, гибкостью, чтобы отойти от

стереотипов. Он должен уметь формулировать альтернативы, быть способным оценить новизну подхода и быть готовым к применению инноваций. Иными словами, преподаватель должен осуществлять педагогическое творчество: применять новые сочетания из апробированных ранее способов обучения, создавать принципиально новые методы, формы, концепции – становиться исследователем, творцом, новатором.

С переходом к коммуникативному методу обучения (student-centered teaching) отмечается психологическая направленность уроков на развитие рече-мыслительной деятельности средствами иностранного языка, оптимизация интеллектуальной активности студента в учебном процессе, развитие парных и групповых форм обучения, а коммуникативные задачи являются средством педагогического управления учебной деятельностью. Преподаватели впервые реагируют на новые изменения в методике преподавания, новые потребности в изучении языка и принимают решения **что, когда и как** преподавать.

В этих условиях меняется и роль преподавателя. Теперь он становится организатором и помощником. Он создает условия для решения студентами поставленных перед ними задач, пользуясь языковыми средствами. Он управляет, мотивирует, ведет и организует. И от того, как он это сделает, зависит уровень знаний студентов, психологический настрой в группе, интеллектуальное и творческое развитие студентов, достижение цели обучения и воспитания.

В процессе обучения студенты не только получают знания, но и сами меняются. Изучение иностранных языков с личностно - деятельностным подходом помогает раскрытию личности, обогащению ее духовного мира, воспитанию твор-

ческого отношения к решению производственных и социальных проблем. Благодаря иностранному языку повышается общекультурная грамотность специалиста, в чем немаловажную роль играет личность преподавателя.

Библиографический список:

1. Ушинский К.Д. Сочинения, т.2, М.-Л., Изд. АПН РСФСР, 1948, с.77.
2. Ломов Б., Волков К. Психологи о педагогических проблемах. Народное образование, 1972, №8, с.122.
3. Беляев В.В. Об основном методе и методиках обучения. Иностранные языки в школе, 1995, №3.
4. Там же, с.2.

Personal qualities of teachers and their role in the modern academic training

O.F. Kurochkina, T.I. Zagoruiko

This article is about the personal qualities of a teacher in higher educational establishments. It shows different forms of education and summarizes the necessity of creative and cultural factors in teaching languages.

Донбасская национальная академия строительства и архитектуры

УДК 802.0

Т.Ф. Ухина

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА И УПОТРЕБЛЕНИЯ СЛОЖНОГО ДОПОЛНЕНИЯ

Рассматривается зависимость сложных дополнений от глаголов умственной деятельности, исследуются различия между герундиальными комплексами и сложными дополнениями, особое внимание уделяется специфике употребления и переводу пассивного инфинитива.

Одним из интересных и вызывающих трудность в употреблении и переводе на русский язык явлений английской грамматики является сложное дополнение. Так, возможность существования предложений с некоторыми типами сложных дополнений после глаголов умственной деятельности зависит от того, может ли данный глагол сочетаться по смыслу с каждым из компонентов

сложного дополнения в отдельности. Например, предложение «Do you admit the facts to be true?» соответствует языковой норме, потому что в языке употребляются сочетания «Do you admit the facts?» и «Do you admit the truth of the facts?». Но предложение «Do you admit prices to be too high?» неприемлемо из-за

© Ухина Т.Ф., 2006

неупотребительности сочетания «admit prices». Однако бывает, что употребление глагола умственной деятельности с каждым компонентом сложного дополнения в отдельности возможно, но предложение в целом не соответствует норме языка. Например, нельзя сказать «I learned the report to be correct», но можно выразить эту же мысль предложением «I learned about correctness of the report». Предложение «I learned the report» означает «Я выучил доклад» и «Я узнал о том, что доклад правильный». Таким образом, объединение двух разных значений глагола «learn» является нарушением нормы. Примером нарушения ассоциации, привычным для носителей языка, является употребление глагола «prove», например, «It proves them to have the necessary qualifications и It proves them to lack the necessary qualifications». Нарушены ассоциации, привычные для носителей языка, для них неприемлемы сочетания “prove” с “lack” [to prove out = to be true, establish quality or accuracy of...; adequate or satisfactory] (A.S. Hornby).

После некоторых глаголов умственной деятельности сложные дополнения свободно употребляются в составе начальных причастных оборотов при невозможности их употребления после тех же глаголов в личной форме. Например: «Suspecting him to accept bribes, the judge convened a grand jury to look into the matter» или предложение со сложным дополнением с «to be, например The judge suspected him to be a bribe-taker», возможно предложение с герундием The judge suspected him of accepting bribes.

2) Сравнение употребления сложных дополнений и соответствующих придаточных дополнительных показывает, что при выборе одного из этих языковых средств целесообразно руководствоваться тем, какой глагол вводит дополнение. При этом возможны несколько вариантов: предложения со сложным дополнением

а) являются нормой, в то время как придаточные дополнительные предложения являются отклонением от нормы, например, после глагола want употребляются предложения со сложным дополнением. Например, «She wants me to go with her» (A. Hornby). Употребление после want придаточной части дополнительной считается отклонением от нормы и используются для речевой характеристики необразованных персонажей или иностранцев. Например: «I want you should go down in the basement» (T. Dreiser);

б) употребляются чаще и имеют более разговорный оттенок, чем предложения с придаточными дополнительными. Например: «I'd hate/ love my wife to know about this»;

в) употребляются реже и имеют книжный оттенок. Например: «I consider/believe, think, know, feel, suppose him to be the best Manager».

г) не употребляются. Сложное дополнение никогда не употребляется после глагола say и крайне редко после его синонимов hint и intimate. Вместо «They said it to be the right one» употребляют «They said it was the right one» или «It was said to be the right one».

Глаголы умственной деятельности (типа «remember», «recall»,

«*imagine*») могут принимать как сложное дополнение, так и герундиальный комплекс, например:

«I remember **him/his stealing** the money».

д) если субъект формы на *-ing* не может употребляться в притяжательной форме, он, естественно, образует не герундиальный комплекс, а сложное дополнение с причастием I.

Это относится к субъектам, выраженным указательными и некоторыми неопределенными местоимениями (например, «*all*», «*each*», «*some*», «*few*»), числительными или субстантивированными прилагательными.

Например:

He will not hear of **that being** possible;
I'm not surprised at young or **old falling** in love with her.

Субъекты форм на *-ing*, выраженные местоимениями, чаще бывают притяжательными, чем субъекты, выраженные длинными именами собственными и атрибутивными словосочетаниями.

Сравните:

«We appreciate **his being** discreet» и
«We appreciate **Professor Wesley Abernathy being** discreet».

Краткие существительные могут употребляться как в притяжательном, так и в общем падеже, например:

«We appreciate **Marion/Marion's being** discreet».

Притяжательное местоимение предпочтительнее в случае употребления единичного субъекта, а личное — в случае употребления субъекта множественного.

Сравните:

«I don't like **your going** so fast и I don't like **you and him going** so fast».

Это тем более справедливо для случаев, когда одним из однородных субъектов является существительное.

Например:

They remarked about **my son and me being** well qualified to keep each other company.

е) герундиальные комплексы отличаются от сложных дополнений стилистически: первые относятся к книжно-письменному, а последние к разговорному стилю. При разграничении употребления герундиальных и причастных комплексов в других позициях (отличных от описанных пунктах) дополнительным критерием может быть их синтаксическая функция: в функции подлежащего преобладают герундиальные комплексы.

Например:

«**His saying** that surprised us».

4) Выбор между предложениями со сложными дополнениями и их эквивалентами со сказуемым в пассиве определяется тем, что первые могут относиться к разговорному стилю а вторые стилистически нейтральны.

Сравните:

Разг. He had his fruit stolen и *нейтр.* His fruit was stolen.

А) общим значением причастия I в составе сложных дополнений, как и в составе форм Continuous, является длительность, многократность, незавершенность, развертывание действия, а значением инфинитива—

краткость, однократность, завершенность.

Поскольку действие, передаваемое причастием I, не ограничено во времени, а действие, выраженное инфинитивом, обычно завершено, причастия I часто переводятся глаголами несовершенного вида, а инфинитивы глаголами совершенного вида.

Сравните:

«I saw Doug running across the field» — «Я видел, как Дуг бежал через поле»;

«I saw Doug run across the field» — «Я видел, что (как) Дуг пробежал через поле».

Это различие свидетельствует о невозможности употребления предложений типа **I saw Bob drown, so I rescued him--*** «я видел, как (что) Боб утонул, поэтому я спас его».

В то же время подобные предложения с причастием I не нарушают языковую норму.

Сравните:

«I saw Bob drowning, so I rescued him» — «Я видел, как Боб тонул, поэтому я спас его».

Сравните также передачу причастием I многократного действия и передачу инфинитивом действия однократного:

«I heard the door **slamming all night long**; I heard the door **slam just after midnight**».

Если же в сложном дополнении говорится о серии разных действий, то для их обозначения употребляются инфинитивы.

Например:

I saw him **enter** the room, **open** a drawer and **take out** a revolver.

После глаголов умственной деятельности типа remember, imagine, recall, picture употребляются причастия I, когда говорящий или пишущий представляет себе протекающее действие и стремится передать это представление собеседнику или читателю.

Например:

«I can easily remember (imagine, recall, picture) Billy **stealing** a cookie from the jar».

Любое из этих предложений может быть перефразировано с использованием сочетания «in the act of».

Например:

«I can easily picture Billy **in the act of stealing** a cookie from the jar».

Если в сказуемом употреблены can/could+see/hear, т. е. эквиваленты форм Continuous, в сложном дополнении обычно употребляется не инфинитив, а причастие I. Например: «He could see a Great Horned Owl winging and circling overhead» (J. Aldridge).

Глаголы «заставания», естественно, требуют употребления не инфинитива, а причастия I, поскольку лицо, о котором говорится в сложном дополнении, застали за соответствующим действием.

Если с глаголами, передающими физическое положение предмета (типа «lie», «lean», «stand»), сочетается существительное или местоимение, обозначающее одушевленный предмет, то эти глаголы могут употребляться как в форме инфинитива, так и в форме причастия I. Например: «I saw the girl lie/lying on the bed». Если же предмет неодушевленный, т. е. не способный самостоятельно изменить свое состояние, ко-

торое, таким образом, может продолжаться долго, то употребляются только причастия I. Например: «I saw the glasses lying (но не *lie) on the bed».

Когда в сложном дополнении необходимо передать развертывающееся действие, встает проблема выбора между причастиями I и инфинитивами в форме Continuous, поскольку и те, и другие приспособлены для выполнения этой функции.

После глаголов умственной деятельности «know», «expect», «judge» в сложном дополнении употребляется не причастие I, а инфинитив в форме Continuous. Например: «I judge them to be having fun», но не «*I judge them having fun».

После глаголов физического восприятия и ощущения сложное дополнение употребляется с причастием I, если глагол-сказуемое употреблен в своем прямом значении. Однако если глагол переосмыслен и выражает умственную деятельность, сложное дополнение употребляется с инфинитивом в форме Continuous. Сравните: «We felt the ground giving way under foot» – «Мы почувствовали, как земля уходит из-под ног» и «We felt the ground to be giving way under foot» – «Мы поняли, что земля уходит из-под ног».

б) инфинитивы употребляются после глаголов более разговорных и более частотных, а причастия – после глаголов более книжных и менее частотных. Сравните: «I heard him speak»; «I saw him come»; «Watch him go» и «I observed them walking»; «I spied them approaching»; «Don't stare at me eating».

в) после глагола «have», выражающего побуждение, употребление ин-

финитива более характерно для американского варианта. Например: «Have Mr Smith come in, please». Употребление причастия I встречается как в британском, так и в американском варианте. Например: «We'll soon have your car going again».

IV. Известные правила употребления частицы to перед инфинитивами в сложном дополнении заключаются в следующем. После глаголов физического восприятия и ощущения («see», «watch», «notice», «hear», «feel») и некоторых глаголов, выражающих побуждение («make», «let», «have», «bid»), инфинитив употребляется без to. Если же глаголы «see» и «feel» подверглись переосмыслению и употреблены в производном значении («думать», «полагать»), инфинитив после них употребляется так же, как и после остальных глаголов умственной деятельности, т. е. с to. И наоборот, если глагол умственной деятельности «know» употребляется в значении физического восприятия («видеть», «слышать»), инфинитив после него употребляется без to. Эти правила нуждаются в ряде уточнений и дополнений. Необходимо учитывать: а) наличие группы глаголов, примыкающих по значению к глаголам физического восприятия и ощущения, б) некоторые дополнительные данные о переосмыслении значений глаголов физического восприятия и ощущения, в) стилистическую сферу употребления соответствующих предложений, г) различия между американским и британским вариантами.

а) По передаваемым значениям с глаголами физического восприятия и ощущения сближаются упомянутые

выше глаголы «заставания». Это позволяет иногда употреблять их без последующей частицы *to*. Так, хотя нельзя сказать «*They found him walk away», но широко употребительны предложения типа «I found my attention wander».

б) За исключением глагола «know» переосмысление обычно происходит только в одном направлении: у ряда глаголов физического восприятия и ощущения развивается значение умственной деятельности, в то время как у глаголов умственной деятельности значения физического восприятия и ощущения не развиваются.

В производных значениях употребляются (и, следовательно, требуют инфинитива с *to*) не только глаголы «see» и «feel», но также и некоторые другие глаголы физического восприятия и ощущения, например: *sense, show, view*. Сравните: «Can you show it happen?» – «Вы можете показать, как это происходит?» (прямое значение) и «Can you show it to happen?» – «Вы можете доказать, что это бывает?» (производное значение).

Однако не все глаголы этой группы могут подвергаться такому переосмыслению. Например, *watch* и *listen to* передают только физическое восприятие и поэтому требуют в составе сложного дополнения инфинитива без *to*. Например: «Watch Jim do it» (*Longman*); «I won't listen to you be ridiculous».

Некоторые глаголы, например «hear», могут переосмысляться главным образом в перфектных формах. Сравните: (?) I **heard** them **to be** unwilling, (?) I **hear** them **to be** unwilling и I **'ve heard** them **to be** unwilling. Все три предложения передают одну и ту

же мысль («Я узнал, что они не хотят»). Однако при опросе информантов их мнения относительно употребительности первых двух предложений разделились, в то время как соответствие нормам языка третьего предложения не вызвало возражений. Переосмысления значения глаголов в перфектных формах объясняется тем, что для передачи физического восприятия и ощущения лучше приспособлены простые времена, поскольку они выражают краткие действия; умственная деятельность требует больше времени и поэтому лучше передается перфектными формами.

в) После глагола *make* частица *to* встречается в более старых текстах и при стилизации «под старину». Например: The very sound of her voice at a distance, went to my heart like an arrow, and **made** all my nerves **to shrink** (J. Hogg).

Входящие сложное дополнение синонимичные глаголы, выражающие побуждение, различаются стилистически. Так предложение с *get* типа She **got** him dig away the snow имеют более разговорный оттенок и употребляются чаще, чем предложения с *have* типа She **had** him dig away the snow.

г) употребление *know* в переосмысленном значении (а значит, без *to*) более характерно для британского варианта. Например: I had never known him ask a favour of this kind before (C. Snow).

Следует особо оговорить специфику употребления пассивного инфинитива без *to* и с *to*.

Предложение I saw him rejected может означать «Я видел, что

(как) его отвергли» или «Я видел его отвергнутым». Для однозначного толкования в первом значении необходим пассивный инфинитив без *to*, но не с *be*, а с *get*, т.е. не * *I saw him be rejected*, а *I saw him get rejected*. Использование *be* в данном значении возможно, если при этом будет обеспечено истолкование сложного дополнения как передающего не состояние, а действие. Это может быть достигнуто употреблением сказуемого в форме перфекта или выражением значения повторяющегося действия с помощью сказуемого или обстоятельства. Например: *I have seen him be rejected*; *I used to see him be rejected*; *Again and again I saw him be rejected*. Смысловые различия между предложениями *I have seen him be rejected* и *I have seen him get rejected* состоит в следующем. В случае с *be* действие видели и убедились, что оно в принципе возможно, а в случае с *get* говорится, что действие просто

видели. Сравните переводы этих предложений: «Я же видел случай, когда его отвергли» и «Я видел, что (как) его отвергли».

Пассивный инфинитив с *to* употребляется после нескольких глаголов умственной деятельности и речи (*understand, assume, conceive, assert, claim*). После некоторых других глаголов умственной деятельности (*suppose, imagine, think, believe, find*) употребляется одно причастие II. Сравните: *We assumed all of them to be quite sold on the project* и *We supposed all of them to be quite sold on the project* (то же справедливо для употребления *to be* в функции связки перед прилагательным. Сравните: *We assumed all of them to be quite happy with the project* и *We supposed all of them to be quite happy with the project*).

Библиографический список

1. Guide to English Usage: Longman Group UK Ltd. 1998
2. Longman dictionary of common errors: Longman Group UK Limited 1987
3. Webster's American Dictionary: Random House, Inc. 1998
4. A.S. Hornby Oxford Student's Dictionary of Current English.- М.: Просвещение, 1983.

Usage and translation of sentences with complex object

T.F. Ouhina

Some particular features in semantic meaning of complex object which cause certain difficulties for its usage and translation into Russian are analyzed in the paper.

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет

УДК 802/809-73:378.022

Л.В. Лукина

ЦЕЛИ И МЕТОДЫ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ В ИСТОРИЧЕСКОМ И ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Статья посвящена проблеме изучения целей, методов и подходов в истории преподавания иностранных языков. Преподавателю иностранных языков очень важно на современном этапе уметь соединять новые приемы и технологии в обучении иностранным языкам с традиционными методами. Рассматривается аспект исторического и лингводидактического минимума для изучающих иностранные языки.

Сведения по обучению иностранным языкам уходят далеко вглубь древней истории. Еще в эпоху существования Сирии, Древнего Египта, Греции, в период расцвета Древнего Рима, знание иностранных языков было крайне необходимым, ввиду культурных и торговых связей, которые существовали между этими странами.

Первоначально греческий язык (в римскую эпоху), а позднее латинский (в средневековый период и вплоть до середины 18 века) являются основными иностранными языками. Но ни один иностранный язык не играл той исключительной роли, какую играл латинский язык в течение почти пятнадцати столетий. Он являлся одним из основных предметов обучения. И только с образованием и развитием национальных языков в Западной Европе он сходит с мировой арены. На смену ему приходят языки – французский (вторая половина 18 века) и английский (20 век).

Изучая подходы и методы в истории преподавания иностранных языков, можно прийти к выводу, что решающим фактором, влияющим на построение метода, является целевая

установка, которая обуславливается на каждом историческом этапе социальным заказом общества и связана с экономическим и культурным развитием страны. Когда целью обучения является продуктивное (активное) усвоение языка, преобладают устные формы работы, при установке на рецептивное (пассивное) усвоение языка, центр тяжести переносится на развитие навыка чтения и перевода.

Методика преподавания иностранных языков оформилась лишь около полутора столетий назад. До начала 18 века, методика не была самостоятельной ветвью в педагогике. Как самостоятельная отрасль науки, методика преподавания иностранных языков начинает оформляться лишь в 18-19 веках. Первым, кто сделал серьезную попытку научно обосновать метод преподавания иностранного языка на рубеже 19 века, был французский методист Жакото.

В языке очень много произвольного и, вероятно, поэтому нет ни одной дисциплины, при обучении которой метод играл бы столь

© Лукина Л.В., 2006

большую роль. Внутри любого аспекта языка можно установить почти любой порядок прохождения материала. При обучении иностранному языку одной из основных проблем является закрепление материала. И действительно, при обучении иностранному языку, как ни совершенна была бы подача материала, его закрепление всегда является решающим, и оно может решить успех дела, так как речь идет не только и не столько об усвоении определенных знаний, сколько о приобретении определенных навыков.

С конца средневековья в истории методической науки можно выделить три основных периода.

1. Период, совпадающий с эпохой Возрождения (15-17 века), является периодом расцвета латинского языка. Этот период можно подразделить на деятельность педагогов латинской школы

(15-16 века) и деятельность Ратихия и Коменского (17 век).

2. Период, совпадающий с эпохой Просвещения и продолжающийся до 70-80х годов 19го столетия. Для этого периода характерно снижение роли латинского языка и распространение живых западноевропейских языков – французского, английского, немецкого.

3. Период современный подразделяется на два этапа: на период с момента начала реформы образования в странах Западной Европы и вплоть до первой мировой войны (1880-1914), и послевоенный период, окончание которого можно условно считать совпадающим со второй мировой войной (1914-1940). В этот

период латинский язык исключается из учебного плана школ ряда стран Западной Европы и России и заменяется живыми языками.

При классификации приемов и методов существенным является то, какой языковой аспект – грамматика или лексика, – и какой вид речевой деятельности – чтение или устная речь – являются ведущими при данном методе. При одном методе в центре внимания находится устная речь, при другом – чтение. Таким образом, можно говорить о грамматическом или лексическом методе, а также об устном методе или о методе чтения. В основе навыков устной речи лежат слухомоторные ассоциации и усилия, а при чтении – зрительно-моторные ассоциации и усилия.

Методика преподавания латинского языка оказала огромное влияние на дальнейшую историю методики преподавания живых западноевропейских языков. При обучении латинскому языку учителя составляли диалоги на основе классических образцов. Они служили, главным образом, для усвоения бытовой лексики и конструкций, употребляемых в разговорной речи. Великий основоположник дидактики Ян Амос Коменский сыграл огромную роль в развитии и становлении науки педагогики. Его основные дидактические принципы в отношении обучения иностранным языкам, а именно: 1) наглядность; 2) обучение от простого к сложному; 3) сознательное обучение применяются и сегодня.

Большую роль в методике Коменского играла активность учащихся

ся на уроках. Активность на занятиях иностранным языком достигалась благодаря доступности преподаваемого материала и диалогической форме работы, а также интересу к сообщаемым знаниям.

В 18 и 19 веках можно проследить два основных направления, которые являлись продолжением и развитием методики латинского языка. Идеи Ратихия и педагогов латинского языка нашли свое дальнейшее развитие в методике 18 века и в первой половине 19 столетия и известны под названием переводных методов. Идеи же Коменского и предложенный им наглядный метод получили распространение в период реформы образования в западноевропейских странах в конце 19 и в начале 20 века.

В 18 веке оформляется методика обучения западноевропейским языкам – французскому и английскому. Методика обучения живым западноевропейским языкам остается в полной зависимости от методики латинского языка. Методисты 18 века положили в основу своей методики обучения живым западноевропейским языкам принцип дословного перевода с родного языка на иностранный и с иностранного языка на родной. В конце 18 века в методику преподавания новых языков проникает лексико-переводной метод. Сущность идей, лежащих в основе этого метода, заключается в том, что в основу обучения иностранному языку кладется не абстрактная грамматика, а связный текст. Основная установка при этом методе была на рецептивное обучение языку.

Наглядно-интуитивный метод периода реформы охватывает небольшой отрезок времени – от 80х годов 19 века до начала 20 столетия. Основными предпосылками для создания нового метода явились социально-экономические факторы. В конце 80х и начале 90х годов 19 века происходит бурное экономическое развитие США, Германии и других стран. Развитие техники способствовало расширению международных отношений. В этот исторический период разворачивается борьба за колонии, борьба за раздел мира. Перед завоевателями встал вопрос о необходимости обучить своему языку местное население, а, с другой стороны, возникла потребность и для представителей других стран обучиться тому языку, в сфере которого находилось большинство покоренных народов. На долю Англии и Франции приходилась наибольшее количество колоний поэтому, прежде всего, возникла потребность в практическом овладении этими двумя языками. Идея различения активного и пассивного языкового материала возникла уже у представителей прямого (Г.Палмер, М.Уэст) и смешанного (К.Флагстад, Ф.Аропштейн) методов. Целевой установкой нового наглядно-интуитивного метода периода реформы являлось научить активному владению иностранным языком и, в частности обучить устной речи. Представители нового метода считали, что в основу преподавания должна быть положена разговорная речь, которая является исходной точкой преподавания. Они считали, что наиболее целесообразно

ной формой работы является диалог между учителем и учащимися. Такая форма работы больше всего соответствует естественному обучению и побуждает учащихся к активной деятельности. Представители реформы разработали приемы для развития навыка устной речи. Можно считать, что они разработали основы для создания методики продуктивного усвоения иностранного языка. Представители реформы на первой стадии обучения языку уделяли основное внимание движению органов речи и развитию акустических представлений, т.е. развитию навыка устной речи, вследствие чего их метод часто именовался устным методом.

В послереформенный период наглядно-интуитивный метод находит новых последователей, в особенности среди английских и французских методистов: Уэст, Палмер, Маршан. Но внутри этого метода формируются два различных течения, из которых одно направлено на разработку методики продуктивного овладения иностранным языком, а другое – на разработку методики рецептивного обучения языку. Первое течение возглавляется Палмером, а второе – Уэстом. Палмер видел основу обучения в развитии навыков устной речи. Уэст считает основой обучения иностранному языку развитие навыка беспереводного чтения. Таким образом, современный период характеризуется делением на продуктивную и рецептивную методику.

Г.Палмер ставит перед изучением иностранного языка практические задачи – научить учащихся свободно

владеть английским языком (т.е. понимать устную речь, говорить, уметь читать и писать). Он считал вопросно-ответные упражнения самым быстрым и эффективным путем обучения как устному, так и письменному аспектам языка. Он называет вопросно-ответные упражнения условным диалогом. По его мнению, на всех этапах обучения ведущее место занимает устная речь, чтению отводится второстепенная роль, оно всегда следует за устной речью. Необходимо подбирать такой материал, который позволил бы развивать устную речь учащихся. Палмер считает, что рецептивное владение иностранным языком – следствие репродуктивного, и потому только последнее находится в центре его внимания. Если цель обучения – всестороннее изучение иностранного языка, то начинать, по Г.Палмеру, следует с обучения устной речи. Палмер приходит к выводу, что в основе обучения чтению должна лежать устная работа.

Один из основателей «Прямого метода по-новому» Э.Стэк высказывается в пользу диалогов. Ч.Фриз и Р.Ладо, представители аудиолингвального метода, говорят, что независимо от конечной цели основу обучения составляет устная речь.

Ч.Фриз различает репродуктивную и рецептивную стороны устной речи; к первой он относит говорение, ко второй – понимание речи на слух.

Основная цель аудиовизуального метода – обучить учащихся устной речи. Материалом для обучения служит разговорный язык в диалогической форме. Обучение

диалогу должно складываться, по Р.Ладо, из трех компонентов, следующих друг за другом во времени: 1) овладение звуковой формой каждого предложения; 2) раскрытие их значения; 3) укрепление ассоциации между формой и значением и между значением и формой. При работе с диалогом Р.Ладо рекомендует заучивание путем подражания (*mimicry-memorization technique*). Первым этапом работы является слушание диалога до тех пор, пока учащийся не сможет правильно повторять каждое предложение вслед за учителем. Второй этап работы – ознакомление учащихся с содержанием диалога. Задача третьего этапа работы – выучивание диалога наизусть. Назначение диалога – служить иллюстрацией употребления предложения-образца, которое представляет собой в конкретной форме ту или иную структуру (модель).

Современный период характеризуется ростом экономического влияния США, что приводит к усилению интереса к изучению английского языка, который постепенно приобретает мировое значение. Усиление деловых связей США с Европой вызывает также интерес к изучению языков Западной Европы, и в первую очередь к немецкому и французскому языкам. Для стран, богатых колониями, и, прежде всего для Англии, встает вопрос о необходимости обучить туземцев английскому языку. Этот социальный заказ пытаются выполнить известные английские методисты Уэст и Огден. Уэст считает, что при обычной форме урока учащийся слишком мало

активно участвует в работе, почти весь урок он слушает либо учителя, либо своих соучеников. Поэтому такой урок развивает навык слушания, но не способствует развитию навыка говорения. Для того чтобы избежать этих недостатков, Уэст предлагает разделить всех учащихся на пары с тем, чтобы они в течение большей части урока практиковались друг с другом в говорении. Другой представитель послереформенной методики К.Флагстад рассматривал язык как активную деятельность, поэтому он придает исключительное значение продуктивным (активным) упражнениям. Более того, он считает, что без продуктивных упражнений вообще невозможно никакое усвоение иностранного языка.

В практике преподавания иностранных языков в разных странах использовались и продолжают использоваться традиционные методы, но они различались, как различалась политика, уровень международных связей той или иной страны. В настоящее время ситуация меняется. Многие страны совместно решают проблемы и устанавливают единые стандарты обучения и уровня знаний иностранных языков. Английский язык сегодня стал главным языком международного общения, и тому есть много причин. Английский язык распространен во всех частях света. В двадцати странах мира английский язык является государственным языком. В более чем семидесяти странах он используется в качестве официального языка. Английский язык как иностранный изучают в 60 странах. Английский является языком меж-

дународных экономических отношений, основным языком диспетчерских служб в авиации и судоходстве, рабочим языком телекоммуникационных сетей. Он является одним из пяти официальных языков Организации Объединенных Наций, наряду с французским, испанским, русским и китайским. В большинстве стран мира английский язык широко используется в дипломатии, при составлении деловых и коммерческих документов.

В последние десятилетия в обучении иностранных языков появилось много нового и прежде всего компьютерно-информационные технологии обучения. Самой существенной тенденцией, с нашей точки зрения, является соединение современных технических средств и традиционных методов обучения. Международные требования к уровням

владения иностранным языком обеспечивают координацию и интеграцию учебных программ по иностранному языку и дают возможность продолжить образование не только у себя на родине, но и за рубежом. Важно не отстать от новых международных требований и тенденций и сочетать их с традиционными методами обучения. Современные технические средства и, прежде всего система Интернет, открывают новые возможности обучения и общения на иностранном языке, повышают эффективность учебного процесса и профессиональный уровень владения иностранным языком. Информационные технологии способны формировать би/полилингвальную личность толерантную к сложным и неоднозначным событиям современного мира, а обучение сделать результативным.

Библиографический список

1. Вопросы методики обучения иностранным языкам за рубежом. Сост. Синявская Е.В. и др. – М.: Высшая школа, 1989
2. Карпенко Л.А. Активизация учебной деятельности. М., 1982
3. Китайгородская Г.А. Методика интенсивного обучения иностранным языкам. – М.: Высшая школа, 1985
4. Пассов Е.И. Основы методики обучения иностранным языкам. – М.: 1977
5. Риверс У. Методика преподавания иностранных языков за рубежом. М.: 1996
6. Palmer Н. This Language - Learning Business. – London, 1932

Foreign language teaching aims and methods in historical and lingua-didactic context

L.V. Lukina

The paper is devoted to traditional and modern methods of teaching foreign languages. It deals with the problems of training aims and technique in the history of teaching foreign languages. Nowadays it is of importance to know how to combine and use new and traditional methods and means most efficiently. It concentrates on different historical periods and main goals of teaching (productive or receptive).

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет

УДК 802.0:801.25:627.8

М.Г. Кочнева

ОБ ОСНОВНЫХ ПРАВИЛАХ И ПРИНЦИПАХ ПЕРЕВОДА ИНОЯЗЫЧНОГО ТЕХНИЧЕСКОГО ТЕКСТА

В статье рассматриваются трудности перевода технической литературы по специальности «Строительные и дорожные машины». Основное внимание уделяется принципам перевода сложных предложений, обучению порядку перевода слов, нахождению основных частей предложения, с которых необходимо начать перевод. Все выделенные особенности технических текстов продемонстрированы примерами с их переводом на русский язык.

Прочитать и перевести иноязычный текст – это означает осмыслить и понять содержание каждого конкретного предложения, входящего в него и состоявшего из отдельных структурных элементов.

Процесс чтения и понимания иностранного текста можно назвать процессом нахождения форм, их узнавания, проникновения в содержание формы, а через нее и в содержание всего предложения [1].

Следует отметить, что при чтении текста на родном языке мы не обращаем внимания на формы выражения высказывания, при чтении же иноязычного текста форма выступает на первое место. В данном случае действует принцип понимания новой информации *через форму к содержанию*.

Возьмем четыре предложения:

1. *В настоящее время гидравлические приводы становятся более популярными.*
2. *Nowadays hydraulic drives are becoming more popular.*
3. *Heute gewinnen die hydraulischen Antriebe an Popularitat.*

4. *A l'heure actuelle les transmissions hydrauliques deviennent plus populaires.*

Содержание этих четырех предложений одинаково. Но человек, не знающий английского языка, не поймет его в предложении «*В настоящее время гидравлические домкраты становятся более популярными*». То же самое можно сказать и относительно немецкого и французского предложения. Отсюда можно сделать вывод, что, не зная формы, не владея ею, нельзя понять содержание предложения и правильно перевести его. Чем прочнее знание форм иностранного языка, тем совершеннее навык чтения и понимания текстов конкретного языка.

Следует подчеркнуть, что форма и содержание взаимосвязаны и взаимообусловлены не только в рамках всего текста и предложения, но и в его структурных элементах. Переход от узнавания форм к пониманию их значения является самой сложной задачей в процессе чтения и понимания иностранного текста.

Общеизвестно, что каждое

© Кочнева М.Г., 2006

предложение содержит субъект и предикат. Субъект выражает предмет действия, а предикат само действие, выполняемое субъектом. В предложении субъект и предикат выражаются подлежащим и сказуемым. При этом свойство подлежащего выражается через сказуемое, которое в случае трудности понимания высказываемого составляет основу предложения. Но предложение состоит не только из субъекта и предиката, оно может иметь и объект действия, и его предмет, с помощью которого выражается действие. Все это второстепенные члены предложения, которые конкретизируют и дополняют субъект и предикат. Чтобы понять информацию, выраженную в структурно сложнооформленном предложении, необходимо найти ее основное содержание, которое всегда выражается субъектом и предикатом, а уже после этого с их помощью понять смысл остальных частей предложения, двигаясь от формы к содержанию.

Как было отмечено выше, основой сложного предложения, как правило, является сказуемое. Следовательно, при переводе такого предложения необходимо найти прежде всего сказуемое, а затем уже переводить подлежащее или его группу.

Итак, первое правило, которое следует четко усвоить при переводе сложных предложений, – это найти в каждом конкретном предложении по формальным признакам сказуемое, с помощью которого открывается доступ ко всей информации, заключенной в предложении; выделить в нем глагол, который несет основную информацию; трансформировать его

в инфинитивную форму; перевести этот глагол в инфинитивной форме; уточнить форму сказуемого и перевести его в нужном времени и залоге; а затем уже переводить в определенной последовательности все остальные члены предложения.

В статье речь пойдет о переводе английских технических текстов на материале специальности «Строительные и дорожные машины».

Основной принцип перевода английских технических текстов состоит в следующем. Если английские предложения не имеют сложной конструкции, то перевод таких предложений следует начинать с подлежащего или же с обстоятельства, если оно стоит перед подлежащим или в конце предложений, начинающихся с оборота *there to be*, а затем переводить все остальные члены предложения. Например: 1. *Chain excavators make trenches for cables, sewerage pipes, etc.* Цепные экскаваторы копают траншеи для кабеля канализационных труб и т.д. 2. *Most commonly shovels carry a face shovel, dragline or a crane.* Чаще всего на одноковшовых экскаваторах монтируется прямая лопата, драглайн или кран.

В сложном составном предложении перевод необходимо начинать со сказуемого. При этом надо иметь в виду аналитический строй английского языка, что наглядно проявляется и в сказуемом. В большинстве случаев в английском предложении сказуемое состоит из двух, трех и более слов. Синтаксическую форму в техническом тексте имеют только глаголы в Present и Past Simple (например: *The piston moves from the*

bottom dead center to the top dead center. Поршень движется от нижней мертвой точки к верхней мертвой точке) и утвердительная форма повелительного наклонения, которая довольно редко встречается в описательных технических текстах, за исключением случаев, связанных с рекомендациями выполнения определенных правил и инструкций при эксплуатации машин и механического оборудования. Например: *To start diesel engine in cold weather you should follow the general good rules: 1. Keep the engine in good operating conditions. 2. Keep the battery at peak charge, etc.* Для того чтобы запустить дизель-двигатель в холодную погоду, необходимо следовать общим требованиям: 1. Держите двигатель в хорошем рабочем состоянии. 2. Держите аккумулятор максимально заряженным и т. д.

Из проанализированных 1288 предложений, простые формы встретились только 274 раза [2.3.4]. Анализ данных форм показал, что в подъязыке «Строительные и дорожные машины» синтетическая форма сказуемого употребляется в следующих случаях.

1. Для обозначения составных частей машин и механизмов. Например: *The running gear of a grader consists of a frame and two caterpillar tracks.* Ходовой механизм грейдера состоит из рамы и двух гусеничных тележек.

2. Для обозначения процессов выполнения механизмами и машинами определенных функций. Например: 1. *A scraper removes soil slice by slice.* Скрепер удаляет грунт послойно. 2. *The engine actuates the*

driving drum of the conveyor through the transmission. Двигатель приводит в движение ведущий барабан транспортера через трансмиссию. 3. *Buckets scoop the material, go up and discharge it onto the receiving belt conveyor.* Ковши зачерпывают материал, поднимаются вверх и разгружают его в приемный ленточный транспортер.

3. Для обозначения способа передвижения машин. Например: *An elevating grader travels on six wheels.* Грейдер-элеватор передвигается на шести колесах.

4. Для обозначения скорости передвижения, процессов выполнения определенных функций и т.д. Например: *The working process of a scraper takes 5-20 minutes.* Рабочий цикл скрепера занимает 5 – 20 минут.

5. Для обозначения потребляемой мощности. Например: *The machine consumes an average 500 KW.* Машина потребляет в среднем 500 КВ.

6. Для обозначения производительности машин. Например: *BK Hydrascoop handles up to 350 cu.yd/hr using less than 70 hp.* Гидрочерпак перемещает до 350 кубических ярдов в час, потребляя мощность менее 70 лошадиных сил.

7. Для обозначения технических характеристик машин. Например: 1. *The roller features articulated steering.* Каток характеризуется шарнирным управлением. 2. *The machine weighs 4.5 tons.* Машина весит 4,5 тонны.

8. Для обозначения зависимости работы механизмов машины от

определенных показателей. Например: *The operation of a diesel engine depends upon the operation of the injection system. Работа дизель-двигателя зависит от работы впрыскивающей системы.*

Опыт работы в техническом вузе показывает, что иногда студенты испытывают трудности при переводе синтетической формы сказуемого, пытаясь дать ее дословный перевод. Это имеет место в тех случаях, когда английское сказуемое, стоящее в активном залоге, следует переводить страдательным залогом, подлежащее – дополнением, а дополнение, стоящее после сказуемого, – подлежащим. Например: *The principle of operation subdivides all shovels into revolving shovels and ditchers. По принципу работы все одноковшовые экскаваторы подразделяются на вращающиеся одноковшовые экскаваторы и канавкопатели.* Или: *Free discharge does not empty the bowl completely of sticky and moist soil. При свободной разгрузке ковш полностью не опорожняется от прилипшей и влажной земли.*

Из проведенного анализа технических текстов следует, что, несмотря на указанные выше случаи употребления синтетической формы, наиболее часто встречающимся типом сказуемого в технической литературе по специальности «Строительные и дорожные машины» является аналитическое сказуемое, состоящее из нескольких слов. При этом роль слов, входящих в его состав, различна: одно из них, как правило, последнее является основным. Именно в нем заключена основная информация конкретного предложения. Все остальные слова

выполняют вспомогательные функции и указывают на различные грамматические категории, а именно: времени, залога, числа, наклонения. Эти слова представлены вспомогательными глаголами, модальными глаголами и их заменителями. Вспомогательные глаголы, как правило, не несут лексического значения. Следует подчеркнуть, что независимо от того, сколько глаголов входит в состав сказуемого, лишь первый из них имеет личную форму и согласуется с подлежащим. С поиска этого глагола и следует искать сказуемое. Глаголы, входящие в состав сказуемого, можно условно разделить на две группы. Первая – это вспомогательные глаголы *to be* и *to have* и их формы: *is, are; was, were; will be; is/are being; have, has; have/has been; had been; will have been.* Вторая группа – модальные глаголы и их заменители: *can – could; may – might; must; to be to, to have to, should.* Данные глаголы и выступают в качестве первого элемента сказуемого, именно по ним определяется форма сказуемого, его число, время, залог.

Рассмотрим более подробно все возможные комбинации этих глаголов в составе сказуемого с другими его частями.

1. Глагол *to be* в личной форме может сочетаться с причастием настоящего времени, образуя форму *Continuous*, и в этом случае глагол, следующий за ним, следует переводить несовершенным видом, настоящим или прошедшим временем в зависимости от формы вспомогательного глагола. Например: *The crankshaft is turning when the piston is at the bottom. Коленчатый вал поворачивает-*

ся, когда поршень находится внизу. Что касается Past и Future Continuous, данные времена в проанализированной литературе не встретились ни разу. Если же за личной формой глагола следует причастие настоящего времени этого же глагола – **being-** и причастие прошедшего времени основного глагола, то такое сказуемое следует переводить страдательным залогом несовершенным видом. Например: *Nowadays internal combustion engines are being developed along the lines of reduced weight and dimensions. В настоящее время двигатели внутреннего сгорания разрабатываются по линии уменьшения веса и размеров.*

2. Глагол **to be** может сочетаться с причастием прошедшего времени. В данном случае мы имеем дело со страдательным залогом, т.е. сказуемое сообщает о том действии, которое совершается над подлежащим. В анализируемой литературе перевод таких конструкций осуществляется, главным образом, тремя способами. А именно: а) неопределенно-личной формой глагола. Например: *In cable bulldozers the blade is raised and lowered by a cable hoist system. В бульдозерах с канатным управлением отвал поднимается и опускается канатно-блочной системой;* б) глаголом с частицей «ся». Например: *In road construction building materials are transported in dump trucks. При строительстве дорог строительные материалы перевозятся в автосамосвалах или землевозах;* в) активным залогом, когда указан производитель действия. Например: *A great variety of earth-moving machines are used by road builders. Строители*

дорог используют большое разнообразие землеройных машин.

Особо следует сказать о тех случаях, когда за сказуемым в страдательном залоге следует инфинитив. Здесь мы имеем дело с Complex Subject, и сказуемое в страдательном залоге будет переводиться неопределенно-личной формой. Именно с него и следует начинать перевод. Затем ввести союз «что» и согласовать подлежащее с инфинитивом. Например: *Rollers are considered to be the most widespread and simplest machines used for soil compacting. Считают, что катки являются самыми распространенными и простыми машинами, используемыми для уплотнения грунта.*

3. Глагол **to be** может сочетаться с инфинитивом. В этом случае он принимает значение долженствования. В проанализированной нами литературе такие примеры употребления были редки.

Глагол **to have** в личных формах может сочетаться:

1. С причастием прошедшего времени и образовывать совершенные времена (Perfect Tenses). В этом сочетании он полностью теряет свое лексическое значение, выступая в качестве показателя грамматических категорий: числа, времени, наклонения, а поэтому на русский язык не переводится. Например: *Engineers have designed many new earth-moving machines. Инженеры разработали много новых землеройных машин.*

2. С причастием прошедшего времени от глагола **to be (been)** с последующим причастием прошедшего времени основного глагола. Здесь мы имеем дело со страдательным залогом в совершенном виде и на рус-

ский язык сказуемое переводится прошедшим временем, при этом глагол *to have* не переводится. Например: *In recent years practically all new cars have been equipped with tubeless tires. В последние годы практически все новые машины были оборудованы бескамерными шинами.*

3. С инфинитивом. В этой комбинации глагол *to have* выступает в роли модального глагола с лексическим значением *долженствования*. Например: *Wider tracks carry machines which have to operate on soft or very damp ground and boggy soil. Более широкие гусеницы монтируются на машинах, которые должны работать на влажном грунте и болотистой почве.*

Глагол *will* употребляется только в комбинациях с инфинитивом и на русский язык переводится будущим временем.

Глагол *should* в технической литературе переводится *долженствованием*, словами «следует, должен». Например: *Scrapers should be used on moderately wet sandy soil and loams. Скреперы следует использовать на сравнительно влажных песчаных почвах и суглинках.* Часто данный глагол используется в устойчивых сочетаниях типа: *It should be noted – следует отметить; It should be stressed – следует подчеркнуть* и т.д.

Модальные глаголы *can, may, must*, в отличие от смысловых глаголов, в качестве самостоятельных сказуемых не выступают. В предложениях они встречаются только в сочетании с инфинитивом без частицы «to». Глаголы *can* и *may* в технической литературе использу-

ются как синонимы. Например: *Single-bucket loaders can be subdivided into front loaders, swing loaders and rear loaders. Одноковшовые погрузчики могут подразделяться на фронтальные погрузчики, поворотные погрузчики и погрузчики с задней разгрузкой.* Или: *Springs may be of the leaf type and of the coil type. Рессоры могут быть листового или спирального типа.*

Глагол *must* имеет одно значение и переводится как «должен». Например: *The frame of the car must be extremely rigid and strong. Рама машины должна быть чрезвычайно жесткой и прочной.*

Итак, в сложных предложениях перевод следует начинать с поиска сказуемого по перечисленным выше признакам. Второй этап работы состоит в поиске подлежащего. При поиске и вычленении подлежащего также необходимо руководствоваться определенными правилами. Следует помнить, что в английском утвердительном предложении подлежащее всегда стоит слева от сказуемого. Перед ним могут стоять слова с предлогами. Это обстоятельства места или времени. Подлежащее может состоять из нескольких слов, не соединенных предлогами, с одним артиклем перед первым словом и образовывать структурную группу. В этом случае основную нагрузку несет последний термин, с которого и следует начинать перевод. Если же в этой структурной группе есть прилагательное, то перевод следует начать именно с него, затем перевести последний термин и потом уже все остальные слова справа налево. Например: *A hoist is a simple suspension-type small-size*

mechanism. Таль – это простой механизм маленького размера подвесного типа.

После перевода сказуемого и подлежащего, получив как бы каркас предложения, смотрим дальнейшее развертывание информации путем перевода следующих структурных элементов. Опыт работы показывает, что студенты затрудняются в переводе причастий, стоящих справа от определяемых слов, причастных и инфинитивных оборотов, сложных союзов. Приведем примеры с правым причастием настоящего и прошедшего времени, при переводе которого студенты сделали ошибки. 1. *A revolving shovel digs soil while standing at one place while ditcher moves continuously.* Одноковшовый экскаватор копает грунт, стоя на одном месте, в то время как канавокопатель постоянно движется. В данном предложении мы имеем дело с причастием настоящего времени в функции обстоятельства, где союз «while» теряет свое лексическое значение. 2. *Bulldozers mounted on low pressure air-tired tractors are highly manoeuvrable.* Бульдозеры, смонтированные на пневмоколесных тягачах с шинами низкого давления, являются высоко маневренными. При переводе предложений такого типа студенты, не обращая внимания на то, что причастие стоит после существительного, а не после вспомогательного глагола, дают неправильный перевод, переводя причастие сказуемым (бульдозеры монтируются ...), и заходят в тупик при переводе остальных членов предложения. Затруднения у студентов вызывают также и предложения, начинающиеся с причастий. Например:

Powered by a gasoline engine and having a gross weight, the machine is ideal for shoulder widening. Приводимая в движение бензиновым двигателем и имеющая большой вес, машина идеальна для расширения обочин дорог. В предложениях типа : *Featuring easy accessibility clutches can be changed in 30 minutes.* Характеризуясь легкой доступностью, муфты сцепления могут быть заманены за 30 минут - затруднение вызывает причастие настоящего времени в функции обстоятельства. Кроме того, слово «feature» студенты знают как существительное «характерная черта» и далеко не все из них могут образовать глагол «характеризоваться». Поэтому при обучении техническому переводу необходимо обращать внимание студентов на все эти особенности.

Не имея навыков перевода, студенты испытывают большие затруднения в понимании информации, заложенной в предложениях, в которых употреблена инфинитивная конструкция (Complex Subject) с отрицанием при глаголе, делящем подлежащее и инфинитив. Например: *Towered graders are not considered to have great possibilities and are not being developed.* При переводе предложений такого типа студентам следует объяснить, что отрицание, стоящее перед первым глаголом, необходимо отнести к инфинитиву, а глагол, делящий инфинитивный оборот, перевести утвердительной формой. А именно: *Считают, что прицепные грейдеры не имеют перспектив и не разрабатываются в настоящее время.*

Не меньше затруднений при переводе у студентов вызывает абсо-

лютный причастный оборот (Absolute Participle Construction), который в зависимости от места в предложении переводится с различными союзами. Например: 1. **The crankshaft turning, the connecting rod pulls down on the piston.** *Когда коленчатый вал поворачивается, шатун тянет вниз поршень.* В данном предложении абсолютный причастный оборот стоит в начале предложения, поэтому при переводе вводятся союзы «когда, если, так как». 2. **The electric car has no gear box, the engine being replaced by an electric motor.** *В электрической машине нет коробки передач, а двигатель заменен электрическим мотором.*

При обучении техническому переводу определенное внимание следует уделять сокращениям, которые в большинстве своем непонятны студентам и вызывают затруднения в понимании информации. В подъязыке «Строительные и дорожные машины» очень широко используются сокращения для обозначения грузоподъемности машин, их веса, скорости, емкости ковшей, мощности двигателя скорости вращения двигателя, производительности машины, длины и ширины рабочих объектов и т. д. К таким сокращениям относятся: *r.p.m. (rotations per minute- вращения в минуту); mph (miles per hour – миль в час); lb (pound – фунт, weight of 60,800 pounds – весом 60 800 фунтов); hp (285 hp diesel-engine – дизельный двигатель мощностью 285 лошадиных сил); psi (pounds per square inch – фунты на квадратный дюйм, 9 ft 3 in – nine feet three inches – 9 футов 3 дюйма); cub.m/hr (cubic meters per hour – кубические метры в час);*

m/min (miters per hour – метров в минуту); cu.yd (cubic yard – кубический ярд); Kwh (kilowatt-hour – киловатт-час). Такие сокращения, как *kg (kilogram); gr. (gram); km (kilometer); m (meter)* у студентов, как правило, не вызывают затруднений при понимании текстов.

При обучении студентов понимание и переводу сокращений необходимо обратить их внимание на тот факт, что числительные, относящиеся к той или иной технической характеристике или параметру машин, зачастую ставятся не после (как в русском языке), а перед ермиствительными, с которых и следует начинать перевод, дополнительно введя термины, к которым относятся эти числительные. Например: 2 *cu. Yd bucket – ковш емкостью два кубических ярда; air-tired 35 hp tractor – трактор мощностью 35 лошадиных сил на пневмоколесном ходу; 48 in vibratory roller – вибрационный ленок размером 48 дюймов; 38,100 lb dozer – бульдозер грузоподъемностью 38 100 фунтов.*

В заключение хотелось бы отметить, что обучение техническому переводу – это очень трудоемкий, многосторонний процесс, требующий не только знаний терминологической лексики, но и глубоких знаний грамматики и особенностей технического языка, умений ориентироваться в тексте и находить по формальным признакам носителей основной информации, заложенной в тексте, что предполагает регулярное выполнение большого количества тренировочных упражнений, охватывающих все характерные особенности конкретного подъязыка. Упражнения можно строить как

на отдельных предложениях, абзацах текстов, так и на целых текстах.

Библиографический список

1. Как научиться понимать и переводить иностранный текст./ Под общ. Ред. И.П. Уварова. Изд-во: «Высшая школа». Минск, 1968. – с. 9.
2. Excavating Engineering. No. 9 –11, 1985.
3. Construction Methods and Equipment. New York. No. 2, 1999.
4. Constructional Industry International. Britain. No. 8-10, 1986.

ON Basic Rules and Principles of Translating Foreign Technical Texts

M.G. Kochneva

The article deals with the difficulties of translating technical texts on the speciality of «Road-Making and Construction Machinery». More emphasis is being placed on the principles of translating complex sentences, on teaching students the order of word translation i.e. finding the basic parts of sentences from which the translation should be started. All the peculiarities pointed out are demonstrated with the examples translated into Russian.

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет

УДК 801.3=82

Н.М. Нефедова, И.В. Королько

ЗАИМСТВОВАНИЕ ИЗ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА ТЕРМИНОВ ТЮНИНГА АВТОМОБИЛЕЙ

В данной статье рассматривается проблема заимствования, проникновения и ассимиляции из английского языка в русский терминов тюнинга (дооборудования) автомобилей и задачи их изучения в техническом вузе.

Радикальные изменения в жизни общества, вызванные такими явлениями, как интеграция России в мировое информационное пространство, участие России в Болонской конвенции, расширение культурного международного обмена во всех сферах жизни страны потребовали поиска новых подходов к подготовке профессиональных кадров в области знания иностранных языков. В особенности это касается так называемых специализированных вузов с углубленным изучением иностранного языка, которые готовят специалистов со знанием иностранных языков в профессиональных различных сферах [4], с тем, чтобы эти

специалисты могли использовать язык как средство осуществления конкретной деятельности.

Повышенные требования в области межкультурной коммуникации, предъявляемые к специалистам различного профиля со знанием иностранного языка, диктуют необходимость формирования у студентов ответственного отношения к учёбе, развития навыков критической оценки своих знаний и собственного вклада в процесс обучения, освоения новой информации.

Ещё одна проблема,

© Нефедова Н.М., Королько И.В. 2006

возникающая в ходе подготовки студентов и весьма характерная для специализированных вузов, - профессиональная направленность обучения языку, требующая от студентов определённого уровня профессиональных знаний.

Действительно, трудно научить студента владению профессиональной специфической терминологией на иностранном языке, если он не имеет представления о значении этих терминов на родном языке.

Термин – это слово или словосочетание, обозначающее понятие (предмет, явление, свойство, отношение, процесс), специфическое для данной отрасли науки, техники, искусства или сферы общественной жизни [1]. Например: *nut* – гайка, *welding* – сварка [1].

Термины отличаются от слов обиходной лексики чёткой семантической очерченностью границ и специфичностью понятий, обозначаемых ими.

Термин закрепляет понятие названием, уточняет его, отделяя от смежных понятий; термин должен быть семантически нейтральным, а также обладать однозначностью и краткостью [3].

Понятия и закрепляющие их термины в рамках одной отрасли знания располагаются систематизировано.

В терминах, образованных на базе родного языка, можно различать буквальное значение и терминологическое значение, например: *обеденный стол*, *стол* – стартовая площадка для ракеты.

Для правильного перевода всё обилие терминов можно разбить на три группы:

1. Термины, обозначающие понятия иностранной действительности, идентичные понятиям русской действительности, например: *minister* (англ.) - министр.

2. Термины, обозначающие реалии, отсутствующие в русской действительности, но имеющие общепринятые русские терминологические эквиваленты, например: *Nation Guard* (англ.) – национальная гвардия.

3. Термины, обозначающие понятия иностранной действительности, отсутствующие в русской действительности и не имеющие общепринятых русских эквивалентов, например: *receiving* (англ.) – приказ суда об управлении имуществом банкрота.

Адекватный перевод лексем третьей группы будет достигаться путём создания нового термина или иноязычного заимствования.

Современные СМИ, воздействующие на русское языковое пространство, диктующие моду, формирующие общественное мнение и вкусы, изобилуют новообразованиями, заимствованными из английского языка.

Следует отметить, что одни авторы считают необходимым дать толкование этих иноязычных слов:

«Классика жанра» - **ABS (антиблокировочная система)**. Наверное, с этой системой безопасности знаком каждый автомобилист. Предназначение понятно: не позволит колесам при торможении потерять контакт с дорогой и, как следствие, не потеряет запланированную траекторию движения.

ВА, Brake Assist (система аварийного торможения). Как показы-

вают исследования, в критических ситуациях водитель очень часто не обеспечивает необходимого усилия на педали тормоза. Анализируя динамику перемещения педали тормоза, электронная самостоятельно увеличивает давление в контуре рабочих тормозов, обеспечивая необходимую величину для эффективного торможения.

EBS, Electronic Braking System (электронная педаль тормоза)

В данной системе педаль тормоза не имеет непосредственной связи с тормозными механизмами, а используется как электронное устройство, определяющее величину и скорость перемещения педали, остальные электронные компоненты выполняют самостоятельно.

Handbrake with Automatic Hold (стояночный тормоз с автоматической функцией).

Позволяет в автоматическом режиме ставить и снимать автомобиль со стояночного тормоза, причем при трогании с места в гору блокирует случайное скатывание автомобиля назад.

ESP, Electronic Stability Programm (система стабилизации движения).

Наиболее широко применяемая система, позволяющая стабилизировать движение автомобиля при возникновении заноса. На сегодняшний день является самой эффективной.

ASR, Anti-Slip Regulation (противобуксовочная система).

Ограничивает крутящий момент двигателя при возникновении проскальзывания ведущих колес, тем самым стабилизируя от заноса ведущую ось автомобиля.

BLIS (Система, подающая световой сигнал на зеркало заднего вида, если в «мертвой зоне» оказался автомобиль).

Ведутся работы по созданию систем, позволяющих предупредить водителя о приближении препятствий. В стадии завершения разработки системы, которые не просто определяют расстояние до ближайшего объекта, а воспринимают множество объектов в комплексе, рисуя стереоизображение перед водителем.

IAQS, Interior Air Quality System (система, следящая за чистотой воздуха в салоне автомобиля).

Эта система важна, если, например, водитель заснет в авто в гараже при включенном двигателе» [].

тюнинг - (*англ. tuning*) – дооборудование серийного автомобиля по желанию владельца;

рестайлинг (*англ. restyling*) – изменение внешнего вида;

фейслифтинг – (*англ. facelifting*) – обновление передней части автомобиля и решетки радиатора.

Другие авторы полагают, что читающий сам должен все понять без каких-либо пояснений:

«Хромированные *молдинги* (*это дополнительная опция*) выводят Volkswagen в Premium- *сегмент* с претензией на звание бизнес-седана, в отличие от *хэтчбэков*, однако производители не позиционируют его как C - класс.

Внешний *стайлинг* требует и гламурного интерьера. Самая яркая деталь автомобиля - ключ - «выкидуха». В сложенном виде – это обычный девайс с дистанционным управлением центральным замком,

но стоит нажать на кнопку, как он трансформируется в ключ зажигания. Оборудован *парктроником*, АБС, климат - контролем. Электронная система распределения тормозного усилия, мультимедийный дисплей, круиз-контроль, система мониторинга давления в шинах и *парктроник*.

На передней панели имеется 7 дюймовый сенсорный экран и *кардридер*, TV - тюнер.

- Visual Voicemail- (Голосовая почта)
- Cover Flow- (навигация по музыкальной библиотеке)
- Сенсорная клавиатура QWERTY – позволяет избегать и исправлять ошибки при наборе текстовых сообщений
- Встроенные сенсорные датчики – ускорения, близости объекта, внешней освещенности [7].

В. Духин в телерепортаже из автосалона из Швейцарии в новостях рассказал, что некоторые разработки получают не только признание, но и премии. Так, фирма СААБ получила премию за разработку и оснащение своих автомобилей прибором против алкоголиков «alko-key».

Займованные термины русифицируются, чаще всего приобретая значения множественного числа и падежные окончания русского языка, например:

«В автомобилях используются различные девайсы, в тюнинг-цехах они оборудуются парктроником, чтобы юзеры были удовлетворены тест-драйвом» [7].

Изучение терминов расширяет профессиональную ориентацию студента как будущего специалиста, положительно влияет на его познавательную активность. Поэтому в задачу преподавателя входит знакомство студентов, будущих специалистов, с этими заимствованиями, что требует от педагога широкого использования современных визуальных средств обучения (компьютерные программы, телевидение, Интернет). В организации речевой коммуникации должны присутствовать современные информационно-коммуникационные способы организации учебного процесса передачи учебного материала, организации взаимодействия между участниками познавательной деятельности.

Библиографический список:

1. Алимов В.В. Теория перевода. Учебное пособие. Изд. 4-е испр.-М.: КомКнига, 2006.С.36
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: КомКнига, 2005, -180с
3. Гвишиани Н.Б. Терминология в обучении английскому языку с «гlossарием лингвистических терминов»: Учебное пособие. - М.: Высш. шк., 1994. С.40
4. Мыльцева Н.А. Развитие критического мышления как основа создания дидактической системы обучения иностранному языку в специализированных вузах. //Восприятие, информация, интерпретация. Сборник до-

- кладов 1 международной научной конференции РосНОУ. М.: - РосНОУ, 2002. С.75
5. Кунин А.В. Большой англо-русский фразеологический словарь. Изд.5. М.: Живой язык, 1998, - 600с.
 6. Канунников С.И. Сумма технологий. (Автосалон во Франкфурте) Журнал. За Рулём № 11/ 2001 Ноябрь, стр.14-20.
 7. Гурина А.И. Тест-драйв- Volkswagen Etna. Журнал Шпилька №2- Ноябрь 2006 стр.58-60
 8. P.G. Amburger English-Russian Dictionary on Civil Engineering. – М.: СЭ – 1964.

The problem of teaching the car-tuning terms borrowed from English language into Russian at technical higher-school

N.M. Nefedova, I.V. Korolko

Adoption of car-tuning terms from English language into Russian. The article deals with the problems of interference and assimilation in Russian language of the car-tuning terms taken out from the English language.

Воронежское Высшее Военное Авиационное Училище (ВИ)

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет

УДК 801.3=82(045/046):26

Н.Б. Подвигина

**О ВОСПРИЯТИИ ПРЕДМЕТОВ РЕЛИГИОЗНОГО КУЛЬТА
ГЕРОЯМИ ПРОИЗВЕДЕНИЯ И.С. ШМЕЛЕВА
«ЛЕТО ГОСПОДНЕ»**

В статье анализируется своеобразие восприятия предметов религиозного культа героями произведения И.С.Шмелева «Лето Господне».

«Лето Господне» И.С. Шмелева – подлинно русская книга, написанная коренным москвичом, воспитанным в традициях русской старины, и исполненная самобытности. Это произведение является своего рода пособием по изучению русского менталитета. Героев «Лета Господня» объединяет их трепетное отношение к религии, а отличает друг от друга то, что у каждого – фактически своя религия, свой Бог, свои предметы культа. Эта разница обусловлена спецификой восприятия русскими людьми предметов религиозного культа в зависимости от возраста, пола, социального положения.

В данной статье мы рассмотрим отношение героев исследуемого нами произведения И.С. Шмелева к одному из предметов поклонения в православной религии – иконе.

Икона (в переводе с греческого – образ) — живописное (реже — рельефное) изображение Господа нашего Иисуса Христа, Богоматери или какого-либо святого, а также евангельского или церковно-исторического события, как предмет религиозного культа. Иконопись существовала уже с первых веков хри-

стианства; почитание икон было утверждено в 787 г., на VII Вселенском Соборе в Никее.

Икона — это не картина, а, в первую очередь, посредник между молящимся и первообразом, от которого она зачастую получает чудотворную силу. По молитве перед иконами Спасителя, Богородицы, святых совершалось и продолжает совершаться большое количество чудес: исцеления, избавления от врагов, помощь в житейских нуждах и т. д.

Иконы делятся на следующие виды:

по величине:

- 1) полномерные;
- 2) маломерки;
- 3) десятерик;
- 4) девятерик;
- 5) осьмерик;
- 6) листоушки;

по принципу выполнения:

- 1) живописные;
- 2) цветные;
- 3) чеканные;
- 4) подстаринные;
- 5) красные;
- 6) подризные;
- 7) полуборные;

8) подфолежные;

по количеству изображаемых ликов:

1) одиночка (розница);

2) людница;

3) в четвертях;

4) трерядница.

Существует определенный порядок устройства православных храмов, соответственно которому алтарь отделяется от средней части храма иконостасом. Иконы на иконостасе располагаются следующим образом: на Царских Вратах изображаются иконы Благовещения Пресвятой Богородицы и четырех евангелистов, над Царскими Вратами помещается икона Тайной вечери.

Направо от Царских Врат всегда располагается икона Спасителя, а налево – Божьей Матери.

Направо от иконы Спасителя находится южная дверь, налево от иконы Божьей Матери – северная дверь. На этих боковых дверях изображаются архангелы Михаил и Гавриил, или первые диаконы Стефан и Филипп. За боковыми дверями иконостаса помещаются иконы особо чтимых святых. Первой иконой справа от иконы Спасителя всегда находится храмовая икона, т.е. та, в честь которой освящен храм. На самом верху иконостаса помещается крест с изображением на нем распятого Иисуса Христа.

Если иконостасы устраиваются в несколько ярусов, то во втором ярусе обычно располагаются иконы двенадцатых праздников, в третьем – иконы апостолов, в четвертом – иконы пророков, на самом верху всегда помещается крест.

Кроме иконостаса, иконы размещаются по стенам храма, в больших киотах (особых рамах) или располагаются на аналоях (высоких узких

столиках с наклонной поверхностью) [3].

Итак, рассматриваемое нами произведение – роман И.С. Шмелева «Лето Господне» - содержит большое количество случаев обращения героев к данному предмету религиозного культа.

Автор использует следующие способы наименования икон:

• **Образ** — «священный предмет или изображение. Образы имеют внешнее сходство с тем, что отображают. К образам прежде всего относятся иконы: изображения Господа нашего Иисуса Христа, Богоматери, ангелов, святых, а также священных событий. Образом также является алтарь с Царскими вратами, Горнее место с архиерейской кафедрой, святой престол, жертвенник и священные предметы на нем, семисвечник, кадильница, горящие лампы и свечи, угли и ладан, фимиам (благовонный дым от кадила) и многое другое.

Образ Божий — то, что Бог вдохнул в человека при сотворении. Святые отцы понимают ум человека как образ Бога Творца, слово — образ Сына Божия, дух человеческий — образ Святого Духа. Образ Божий заключается и в бессмертии души, способности любить, жертвовать, священнодействовать, властвовать и т. п.» [3].

С.И. Ожегов дает следующие значения слова «образ»: «1) вид, облик; 2) *филос.* результат и идеальная форма отражения предметов и явлений материального мира в сознании человека; 3) наглядное представление о ком или о чем-либо; 4) *в искусстве* обобщенное художествен-

ное отражение действительности; 5) в художественном произведении тип, характер; 6) порядок, направление чего-либо; 7) то же, что икона» [4].

В тексте исследуемого нами произведения встречаем следующие случаи обращения И.С. Шмелева к слову «образ»:

«Я иду по доскам к сирени. Ее клонит от тяжести кистями. Я беру их в охапку. Окунаюсь в душистую прохладу и чувствую капельки росы. Завтра все обломают, на **образа**. Троицын день завтра» [5, 89].

«Пойдет завтра Господь, во Святой Троице, по всей земле... Радость-то кака, а?.. У тебя наверху, в кивоте, тоже Троица.

Я знаю. Это самый веселый **образ**» [5].

«Сидят три Святые с посошками под деревцем, а перед ними яблочки на столе. Когда я гляжу на **образ**, мне вспоминаются почему-то гости, именины» [5].

«И вдруг – вот радость – входит Горкин. Его усаживают в угол, под **образа**, где хлебный ящик» [5].

«Барин глядит свысока на кухню, ... прислоняется к печке, топчется и начинает насвистывать «Стрелочка». Я хорошо вижу его синеватый нос, черные усы хвостами и водянистые выпуклые глаза.

- Свистать-то будто и не годится, барин ... чай, у нас **образа** висят! – говорит укоризненно Марьюшка» [5].

Рассмотрев приведенные примеры, можно сделать вывод, что для И.С. Шмелева характерно использование в своем произведении слова «образ» в значении «икона».

• **Икона** - «Откровение Божие, воплощенное в визуально-образной системе (богословие в красках), в отличие от Священного Писания с его визуально-знаковой системой. Икона является священным изображением и неотъемлемой частью православного богослужения, т. к. имеет не только познавательную функцию, но и молитвенную — настраивает и вдохновляет молящегося на нужный лад для общения с Богом. Иконы, будучи посвященными Богу, выделенными из грешного бытия, обладают тем, что присуще Самому Богу — святостью, а потому почитание икон, равно как и угодников Божиих, и всего того, что имеет отношение к Богу, является почитанием Самого Бога» [3].

С.И. Ожегов дает следующие значения слова «икона»: «предмет поклонения – живописное изображение Бога, святого или святых» [4].

«Икона – образ, изображение лика Спасителя, Небесных Сил или угодников» [2].

В тексте исследуемого нами произведения встречаем следующие случаи обращения И.С. Шмелева к слову «икона»:

«Я гуляю по комнатам. Везде у **икон** березки. И по углам березки, словно не дом, а в роще» [5].

«Ограда у Казанской зеленая, в березках. ... В церкви зеленоватый сумрак и тишина, шагов не слышно, засыпано все травой. Иконостас чуть виден, кой-где мерцает позолотца, серебрецо, - в березках. ... Лики **икон**, в березках, кажутся мне живыми» [5].

«...сидит знаменитый человек Махоров, ... на нем зеленоватый мундир с золотыми галунами ... он недавно был на войне добровольцем

... Все его уважают, и я тоже. Слово **икона** он» [5].

«Позванивает в парадном колокольчик и будет звонить до ночи. Приходят много людей поздравить. Перед **иконой** поют священники, и огромный дьякон вскрикивает так страшно, что у меня вздрагивает в груди» [5].

«Праздник Преображения Господня. ... В церкви – не протолкаться. Отец ... дает и дает свечки. Они текут и текут из ящиков изломившейся белой лентой, постукивают тонко-сухо, прыгают по плечам, над головами, идут к **иконам** – передаются – «Празднику!»» [5].

Рассмотрев приведенные примеры, можно сделать вывод, что для

И.С. Шмелева характерно использование в своем произведении слова «икона» в прямом значении.

Завершая анализ восприятия предметов религиозного культа героями произведения И.С. Шмелева «Лето Господне», можно сказать, что для Шмелёва вообще характерна идеализация православных начал русской жизни. Автору удалось отразить изменения, происходящие со временем в сознании людей. Герои исследуемого нами произведения, относящиеся к разным поколениям, религиозны в разной степени, соответственно, восприятие ими предметов религиозного культа различно.

Библиографический список

1. Закон Божий. Руководство для семьи и школы / Издание Московского Подворья Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2005. – 713 с.
2. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / В.И. Даль. Том 1. – М.: ОЛМА – ПРЕСС, 2006. – 636 с.
3. Малый православный толковый словарь / Н.С. Мовлева. – М.: Рус. яз. – Медиа, 2005. – 527 с.
4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 2003. – 940 с.
5. Шмелев И.С. Лето Господне. Человек из ресторана / И.С. Шмелев. – М.: Дрофа, 2003. – 540 с.

Specific concept of things of religious cult of characters in I.S. Shmelev's novel “Leto Gospodne”

Podvigina N.B.

This article deals with specific concept of things of religious cult by the characters of “Leto Gospodne” by Shmelev.

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет

Т.Л. Ревякина

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ В ИНТЕРТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭЗИИ О.Э. МАНДЕЛЬШТАМА)

В данной статье на материале поэзии О.Э. Мандельштама, сознательно ориентированной на диалог с текстами мировой культуры, рассматривается вопрос об изменении семантики языковых единиц в интертексте, который понимается как особое семантическое пространство, образующееся в процессе межтекстовых взаимодействий одного художественного текста с другими художественными текстами.

Понимание интертекста как особого семантического пространства, образующегося в процессе межтекстовых взаимодействий одного художественного текста с другими художественными текстами предполагает, что поэтическое слово в подобном семантическом пространстве под влиянием прецедентных текстов не только обогащает свою семантическую структуру за счет “приращения” новых смыслов, но и изменяет семантику поэтического произведения в целом [2].

Межтекстовое взаимодействие осуществляется посредством имеющих в художественном тексте эксплицитно или имплицитно выраженных отсылок к другим художественным текстам. Отсылки к внеположным текстам обладают механизмом языковой сигнализации о наличии у фрагмента индивидуальной поэтической картины мира прецедентного аналога в другой картине мира (традиционно-поэтической, фольклорной, мифологической, а также в индивидуально-поэтической картине мира другого художника слова) и являются средством формирования интертекста.

В текстах различных авторов межтекстовое взаимодействие может проявляться в разной степени. Творчество определенных художников

слова сознательно ориентировано на диалог с текстами мировой культуры, открыто для различного рода влияний и переключек. Приведенное утверждение в полной мере относится к творчеству О.Э.Мандельштама как представителя так называемой “семантической поэтики”, ориентированной на “открытость” текстам мировой культуры.

Как показали проведенные исследования, под влиянием межтекстовых связей лексические единицы из поэтических произведений О.Мандельштама, а также художественные образы, в том числе не имеющие лексической репрезентации, приобретают особую, интертекстуальную, семантическую осложненность, без учета которой невозможно адекватное восприятие художественного текста.

Например, смысловое наполнение стихотворения “После полуночи сердце ворует...” (1931) формируется под влиянием межтекстовых связей: После полуночи сердце ворует / Прямо из рук запрещенную тишь. / Тихо живет – хорошо озорует, / Любишь – не любишь:

© Ревякина Т.Л., 2006

ни с чем не сравнишь... / Любишь – не любишь, поймешь – не поймаешь. / Не потому ль, как подкидываешь, молчишь, / Что пополуночи сердце пирует, / Взяв на прикус серебристую мышь?

[4]

В данном стихотворении содержится ряд аллюзий.

Следует отметить, что образ мыши впервые появляется у О.Э.Мандельштама в стихотворении “Что поют часы-кузнечик...” (1918) и символизирует время: Что зубами мыши точат / Жизни тоненькое дно, – / Это ласточка и дочка / Отвязала мой челнок [4, 120]. Глагол *точат* предполагает активное действие, то есть время (“мыши”) укорачивает жизнь, что, в конечном итоге, ведет к смерти (ср. устойчивые выражения, связанные с мышью, в русской речи: Смерть, как мышь, голову отъест. Мыши изгрызут одежду – к смерти. Не велика мышка, да зубок остер. Мышь одолевает перед голодным годом. М. Волошин в статье “Аполлон и мышь” (которую, возможно, читал О.Э.Мандельштам) также указывает, что мышь символизирует время: “Мышь является знаком убегающего мгновения... В быстром убегающем движении маленького серого зверька греки видели подобие вешнего, ускользящего и неуловимого мгновения...” [1].

Необходимо подчеркнуть, что у О.Э.Мандельштама было особое отношение к времени. Ср. в стихотворении “Канцона” (1931): Я подтяну бутылочную гирьку / Кухонных крупно скачущих часов. / Уж до чего шероховато время, / А все-таки люблю за хвост его ловить, / Хоть в беге

собственном оно не виновато / Да, кажется, чуть-чуть жуликовато...

[4]

Поэт пытается приручить непостижимое время, получить над ним поэтическую власть.

В стихотворении “После полуночи сердце ворует...” лирический субъект как бы останавливает бегущие мгновения (“взяв на прикус серебристую мышь”). Но это время – начало 30-х годов, а потому используется лексика “ворует”, “запрещенную”, “тишь”, “молчишь”, передающая ощущения мрака, пустоты, бессмысленного существования и, в конечном счете, гибели. Возможно, на смысловое наполнение стихотворения и его образный строй повлияли и известные О.Э.Мандельштаму представления из греческой мифологии, где с мышью связываются предзнаменования смерти, разрушения, голода, болезни. Согласно мифологическим верованиям, человек, вкусивший пищу, к которой прикасалась мышь, забывает прошлое.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что в рассматриваемой книге стихов О.Э. Мандельштама значение символического образа “мышь” формируется также посредством взаимодействия данного стихотворения со “Стихами, сочиненными ночью во время бессонницы” А.С.Пушкина и “мышинными стихами” В.Ф.Ходасевича.

Пушкинское стихотворение посвящено особому духовному миру творческого человека:

Мне не спится, нет огня;
Всюду мрак и сон докучный.
Ход часов лишь однозвучный
Раздается близ меня.
Парки бабье лепетанье,

Спящей ночи трепетанье,
Жизни мышья беготня...
Что тревожишь ты меня?
От меня чего ты хочешь?
Ты зовешь или пророчишь?
Я понять тебя хочу,
Смысла я в тебе ищу.
[6].

А.С.Пушкина тревожит “мышья беготня”, то есть суета жизни. Ночь – время вдохновения; бессонница – состояние покоя, время стихов. Может быть, “мышья беготня” мешает поэту, а может быть, предвещает появление слова, подобно тому, как, по представлениям древних греков, оживленное поведение мышей предвещало грозу. Это был “своеобразный земной пролог, в котором излагалось содержание небесной драмы” [5, 190]. Так и прошедший день в “Стихах, сочиненных ночью во время бессонницы” лишь земной пролог, предвещающий появление слова, данного поэту свыше.

Необходимо отметить, что образ мыши с точки зрения традиций мировой культуры является амбивалентным мифологическим образом. С одной стороны, это животное “вызывает всеобщее отвращение, оно медленно, но верно грызет, портит, кусает, уничтожает все вокруг, и египтяне считали его символом разрушения, а также связывали с идеей суда над душой... может иметь отношение к смерти: исчезновению одной из сторон личности, раскрошенной зубом времени” (см. также стихотворение В.Ф.Ходасевича: Здравствуй, терпеливая моя, / Здравствуй, неизменная любовь! / Зубок изостренные края / Радостному сердцу приготовь.); часто с мышью “связываются представления о смер-

ти, разрушении, войне, море, голоде, болезни, бедности [5]”. С другой же стороны – “многие мифологические представления о мыши обнаруживают сходство с представлениями о музах в греческой мифологии и генетически связанных с ними персонажах...” [5].

У В. Ходасевича мыши своим поведением также что-то предвещают: Порою же мышья становятся в круг, / Под музыку ночи по комнате вьются... / И длится их танец, как тихое чудо, / И мышья все пляшут и пляшут, покуда / Зарей не окрасятся неба края... [8]

Чуть вечер настанет, померкнет закат – / Проворные лапки легко зашуршат: / Приходят они, мои милые мышья, / И сердце смиряется, бьется все тише... [8].

Поэт написал целый “мышинный цикл”, в который входят стихотворения “Мышь”, “Ворожба”, “Вечер” и др. В стихах В.Ф.Ходасевича мыши – не только хтонические животные древней мифологии, зловещие представители подземного царства, но и музы. По гипотезе В.Н. Топорова, древнегреческие слова “мышья” и “муза” генетически между собой связаны [7, 42]. Кроме того, как уже отмечалось выше, многие мифологические представления о музах совпадают с представлениями о мышьях. Родителями мышья являются громовержец (или небо) и земля, родителями муз – Зевс-громовержец или Уран и Мнемосина или Гея (земля). Место рождения или обитания мышья и муз – гора. Мыши соотносятся с огнем, водой, мировым деревом, музы – с каменным столпом. Предводитель мышья – мышинный царь или Аполлон, предводитель муз

– Аполлон или Дионис. Форма организации мышей и муз – хоровод. Хаотическое оживление у мышей возникает перед грозой, у муз в связи с вдохновением, творчеством [5, 190].

Таким образом, семантическое наполнение символического образа “мышь” в стихотворении “После полуночи сердце ворует...” формируется под влиянием межтекстовых связей названного поэтического произведения. В семантическом пространстве интертекста, создаваемого в результате межтекстового взаимодействия указанного стихотворения с произведением А.С.Пушкина “Стихи, сочиненные ночью во время бессонницы”, “мышинными стихами” В.Ф.Ходасевича, а также в результате влияния мифопоэтической традиции в символическом образе “мышь” в названном стихотворении О.Э.Мандельштама возникает семантическая составляющая “муза”, поддерживаемая лексемами тематических групп *вдохновение* (“ночь” (“После полуночи сердце ворует”, “Спящей ночи трепетанье...”, “Под музыку ночи”), “бессонница” (“Мне не спится, нет огня...”, “Всюду мрак и сон докучный”), “трепетанье”) и *движение*: (движение происходит перед появлением слова) “беготня” (“Жизни мышья беготня...”), “витья” (“Под музыку ночи по комнате вьются...”), “плясать” (“И мыши все пляшут и пляшут...”), которые репрезентируют аллюзивные отсылки к прецедентным текстам.

В стихотворении О.Э. Мандельштама “За гремучую доблесть грядущих веков...” (1931, 1935) также содержатся значимые для

формирования его семантического наполнения интертекстуальные связи. Смысловым центром названного стихотворения является тема потери чести: За гремучую доблесть грядущих веков, / За высокое племя людей, – / Я лишился и чаши на пире отцов, / И веселья, и чести своей. / Мне на плечи кидается вековолкодав, / Но не волк я по крови своей: / Запихай меня лучше, как шапку, в рукав / Жаркой шубы сибирских степей... / Уведи меня в ночь, где течет Енисей / И сосна до звезды достаёт, / Потому что не волк я по крови своей / И меня только равный убьёт [4].

У русскоязычного читателя тема чести ассоциируется, прежде всего, с двумя великими “невольниками чести” – А.С.Пушкиным и М.Ю.Лермонтовым. Ср. стихотворение Лермонтова “Смерть поэта”, посвященное Пушкину:

Погиб поэт! – невольник чести –
Пал оклеветанный молвой,
С свинцом в груди и жаждой мести,
Поникнув гордой головой!..

Не вынесла душа поэта

Позора мелочных обид,
Восстал он против мнений света
Один, как прежде... и убит!

[3].

Названные выше стихотворения были написаны после определенных трагических событий. Для М.Ю.Лермонтова таким событием стала смерть А.С.Пушкина – “солнца русской поэзии”. Для О.Э. Мандельштама – все, что последовало за 1917 годом: смерть близких людей, аресты, ссылки, тяжелое положение, в котором оказались почти все поэты, разрушение прежних иде-

алов, творческое молчание. Но если М.Ю.Лермонтов окончательно разочаровался в людях (“клеветникам ничтожным”, “насмешливых невежд”, “надменные потомки”, “подлостью прославленных отцов”), то О.Э.Мандельштам еще верит в “высокое племя людей”. Необходимо отметить, что, по наблюдениям исследователей, при цитировании лермонтовских текстов О.Э.Мандельштам, как правило, ориентируется на них диалогически (см. об этом: Гелих, 1995) и создает стихотворения противоположные по содержанию (см., например, “Слух чуткий парус напрягает...”, “Все чуждо нам в столице непотребной...”, “Концерт на вокзале”, “Кому зима – арак и пунш голубоглазый”, “Жил Александр Герцевич...”), но которые, тем не менее, формируют свой смысл посредством отсылок к произведениям Лермонтова. Представляется, что указанное утверждение справедливо и по отношению к рассматриваемому стихотворению.

Как показал анализ, интертекстуальное пространство стихотворения “За гремучую доблесть грядущих веков...” формируется не только образом чести, но и образами *смерти* (словесные реализации: “смерть”, “погиб”, “пал”, “убийца” – у М.Ю. Лермонтова, “убьет” – у О.Э. Мандельштама); *предательства* (словесные реализации: “мелочных обид”, “пустых похвал”, “клеветникам ничтожным”, “надменные потомки”, “известной подлостью” – у М.Ю. Лермонтова, “гремучую доблесть”, “грядущих веков”, “век-волкодав”, “трус” – у О.Э. Мандельштама); *одинокости поэта*

(словесные реализации “гордой головой”, “восстал”, “один” – у М.Ю.Лермонтова, “лишился чаши”, “лишился веселья”, “лишился чести”, “не волк”, “равный” – у О.Э.Мандельштама). Указанные словесные единицы создают обобщенный метаобраз *положение поэта в обществе*, который в рассматриваемом произведении имеет традиционно-поэтическую смысловую основу: *изгнанник, наделенный даром пророчества и ясновидения*.

Согласно традиционным поэтическим представлениям, поэт всегда одинок. Именно одиночество является его естественным состоянием. Ср. у А.С. Пушкина в стихотворении “Поэту”: Поэт! не дорожи любовью народной. / Восторженных похвал пройдет минутный шум... / Ты царь: живи один. Дорогою свободной / Иди, куда влечет тебя свободный ум... [6].

Тема одиночества достаточно характерна и для творчества О.Э.Мандельштама. И в рассматриваемом, и в других своих стихотворениях (см., например, “Сохрани мою речь навсегда за привкус несчастья и дыма...” (1931), “Еще не умер ты, еще ты не один...” (1937) поэт не чувствует родства с людьми, но в отличие от М.Ю.Лермонтова, никого в этом не обвиняет.

На смысловое наполнение образа одиночества поэта в творчестве О.Э. Мандельштама оказали влияние также некоторые внехудожественные факторы, связанные с особенностями самой личности О.Э. Мандельштама (все, кто знал О.Э. Мандельштама, считали его немного странным, не таким, как другие) и мифопоэтическая традиция, соглас-

но которой поэт осмысливается как “хранитель обожествленной памяти, традиций коллектива, несущий в себе бессмертие, жизнь. В античной мифологии складывается образ поэта-пчелы и поэзии-меда” [5]. Соотнесенность образного строя анализируемого стихотворения с античной мифопоэтической традицией репрезентируется также лексическими образами “звезда”, “голубые”, “сиять”: Чтоб сияли всю ночь голубые песцы / Мне в своей первобытной красе. / Уведи меня в ночь, где течет Енисей / И сосна до звезды достает... [4], устанавливающие связь данного произведения с образами итальянской живописи (как известно, в творчестве О.Э. Мандельштама итальянская культура занимала особое место), в которой поэзия обычно “персонифицируется в образе женщины в небесно-голубой одежде, украшенной звездами; голова ее крылата, женщина держит лавровый венок и арфу, перед нею лебедь” [4, с. 328].

Как показал анализ, в формировании интертекстуального пространства стихотворения “За гремучую доблесть грядущих веков...” “участвует” также стихотворение О.Э.Мандельштама “Да, я лежу в земле, губами шевеля...”: ...На Красной площади земля всего круглей, / И скат ее нечаянно раздольный, / Откидываясь вниз до рисовых полей, – / Покуда на земле последний жив невольник [4], поскольку в нем содержится отсылка к стихотворению М.Ю. Лермонтова “Смерть поэта” (словесный образ “невольник”), а следовательно, и к стихотворению О.Э. Мандельштама “За гремучую доблесть грядущих ве-

ков...”. Кроме того, последняя строка воспроизводит в памяти читателя пушкинское “Я памятник воздвиг себе нерукотворный”: Нет, весь я не умру – душа в заветной лире / Мой прах переживет и тленья убежит – / И славен буду я, доколь в подлунном мире / Жив будет хоть один пиит [6].

Формирование семантики метаобраза “положение поэта в обществе” в стихотворении “За гремучую доблесть грядущих веков...” является весьма ярким примером приобретения художественным образом дополнительной интертекстуальной сложности. Указанный метаобраз в данном стихотворении под влиянием межтекстовых связей с произведениями М.Ю. Лермонтова, А.С. Пушкина и самого О.Э. Мандельштама приобретает значение *изгнанник, наделенный даром пророчества и ясновидения*, которое формируется на основе семантических составляющих “потеря чести во имя служения обществу”, “предательство”, “одиночество”, “смерть”, “предвидение”. Указанные семантические составляющие создаются в пространстве интертекста лексическими единицами, входящими в состав прецедентных и авторского текстов. Так, семантическая составляющая “потеря чести во имя служения обществу” рождается на основе лексических единиц “честь”, “невольник” (“Погиб поэт! – невольник чести”, “Лишился ... чести своей”), “месть” (“С свинцом в груди и жаждой мести”), “лишиться”, “доблесть” (“За гремучую доблесть грядущих веков”), “высокое племя”, “племя людей” (“За высокое племя людей”). Семантическая составля-

ющая “предательство” создается лексемами “трус” (“Чтоб не видеть ни труса, ни хлипкой грязи”), “обиды” (“Позора мелочных обид”), “подлость”, “клеветники”, (“Зачем он руку дал клеветникам ничтожным”) “надменный” “завистливый”, “коварный” (“Вступил он в этот свет, завистливый и душный”). Семантическая составляющая “одиночество” репрезентируется лексическими единицами “один”, “восстать”, (“Восстал он против мнений света / Один, как прежде...”), “гордый” (“Поникнув гордой головой...”), словосочетаниями “лишиться чаши”, “лишиться веселья” (“Я лишился и чаши на пире отцов”). Семантическая составляющая “смерть” формируется на основе лексем, содержащих сему *гибели*: “век-волкодав”, “кости”, “кровавый”, “убить” (“Мне на плечи кидается век-вокодав”), “убийца”, “пи-

столет”, “погиб”, “пал” (“Его убийца хладнокровно навел удар...”). Семантическая составляющая “предвидение” создается лексическими единицами со значением *бессмертие*: “душа” (“Душа в заветной лире / Мой прах переживет и тленья убежит), “слава”, “памятник”, “жить”, “не умру” (“И славен буду я...”, “Жив будет хоть один пиит”, “Покуда на земле последний жив невольник”), “голубой”, “краса”, “звезда” (“Чтоб сияли всю ночь голубые песцы”).

Таким образом, приведенные стихотворения весьма наглядно подтверждают, что спецификой функционирования поэтического слова в интертексте является не только обогащение своей семантической структуры за счет “приращения” новых смыслов, но и изменение семантики поэтического произведения в целом.

Библиографический список

1. Волошин М.А. Лики творчества / М.А.Волошин. – Л.: Азбука, 1989. – 589 с.
2. Левин Ю.И., Сегал Д.М., Тименчик Р.Д., Топоров В.Н., Цивьян Т.В. Русская семантическая поэтика как потенциальная культурная парадигма / Ю.И.Левин, Д.М.Сегал, Р.Д.Тименчик, В.Н.Топоров, Т.В.Цивьян // Смерть и бессмертие поэта. – М.: Изд. центр РГГУ, 2001. – С.283-316.
3. Лермонтов М.Ю. Сочинения: В 2-х т. / М.Ю.Лермонтов. – М.: Правда, 1988. – Т.1. – 720 с.
4. Мандельштам О.Э. Соч.: В 2-х т. / О.Э.Мандельштам. – М.: Худож. лит., 1990. – 638 с.
5. Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 тт. / Гл. ред. С.И.Токарев. – М.: Советская энциклопедия, 1991.
6. Пушкин А.С. Золотой том: Собрание сочинений / А.С.Пушкин. – М.: Издательский дом “Имидж”, 1993. – 975 с.

7. Топоров В.Н. К исследованию анаграмматических структур (анализы) / В.Н.Топоров // Исследования по структуре текста. – М., 1987. – С. 193-238.

8. Ходасевич В.Ф. Стихотворения / В.Ф.Ходасевич. – Л.: Азбука, 1989. – 495 с.

**Specific points of language units work in intertext
(on the material of O. Mandelstam's verses)**

T.L. Revyakina

This article focuses on dialogs with world culture texts. The author considers interface to be specific semantic area which is formed as a result of process of intertext interaction.

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

УДК 808.2

М.Ф. Панкина

ТИПЫ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СОЧЕТАЕМОСТИ ГЛАГОЛОВ САМОСТОЯТЕЛЬНОГО ПЕРЕМЕЩЕНИЯ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Данная статья посвящена исследованию субъектной сочетаемости ЛСГ глаголов самостоятельного перемещения в пространстве в немецком языке. Детализирована и уточнена типология семантической сочетаемости В.Г.Гака.

Исследования по фразеологии привели лингвистов к проблеме сочетаемости лексем. Выяснилось, что существует множество ограничений семантического характера, влияющих на сочетаемость лексем. Так появилась проблема семантической сочетаемости.

Важнейшим шагом на этом пути мы считаем работу В.Г.Гака (Гак, 1977), в которой, опираясь на учение о компонентном анализе с учетом членимости значения слова (семемы) на компоненты (семы), ученый разграничил три вида семантической сочетаемости слова:

1. Семантическое согласование, которое предполагает «наличие одного и того же компонента в двух членах синтагмы»;
2. Семантическое несогласование, при котором обнаруживается «опущение общего компонента в одном из слагаемых»;
3. Рассогласование, при котором в пределах синтагмы проявляются компоненты, несовместимые с точки зрения реальных предметных отношений [1].

Желание разобраться в семантических соотношениях на конкретном языковом материале побудило нас проанализировать значительное

число словосочетаний, образованных глаголами самостоятельного перемещения с существительными, обозначающими перемещаемый объект.

Анализ фактического материала привел нас к корректировке, детализации и уточнению типологии семантической сочетаемости В.Г.Гака. В нашей статье излагаются полученные нами результаты. При анализе мы опирались на четыре типа семем, которые были предложены М.М. Копыленко и З. Д. Поповой: 1. Денотативная первая семема (прямое номинативное значение) – Д1; 2. Денотативная вторая семема (производно-номинативное значение) – Д2; 3. Коннотативная мотивированная семема – К1; 4. Коннотативная немотивированная семема – К2 [2].

Мы рассматривали субъектную сочетаемость лексико-семантической группы глаголов самостоятельного перемещения в пространстве в немецком языке, которая характеризуется строго определенными контекстами реализации своего значения, определенной лексико-семантической сочетаемостью.

© Панкина М.Ф., 2006

Учет синтагматических связей при анализе языкового материала позволил выявить особенности в организации структуры данной ЛСГ глаголов.

Анализ лексико-семантических связей немецких глаголов самостоятельного перемещения в пространстве позволяет сделать вывод, что ЛСГ имеет бинарную структуру: глагол *kommen* и остальные глаголы, которые противопоставлены по признаку «направление движения».

Все члены ЛСГ имеют общую архисему «перемещаться в пространстве». Все члены этой группы, кроме глагола *kommen* имеют типовые дифференциальные признаки «среда перемещения» и «средство перемещения».

По семе «средство перемещения» нет семантической оппозиции у глаголов *gehen, laufen* (при помощи ног). Но есть семантическая оппозиция с глаголами *fliegen* (при помощи крыльев), *schwimmen* (при помощи плавников), *kriechen* (всей нижней поверхностью тела).

По семе «среда перемещения» нет семантической оппозиции у глаголов *gehen, kriechen* (по земле). Но есть семантическая оппозиция с глаголами *fliegen* (по воздуху), *schwimmen* (по воде, в воде).

По семе «темп перемещения» глагол *laufen* находится в четкой семантической оппозиции с глаголом *gehen* только в Д1. В Д2 сема «темп движения» лексемы *laufen* не играет существенной роли: “*Der Zug lief langsam...*”.

Сема «темп движения» не оказывает влияния на сочетаемость глаголов *fliegen, kriechen, schwimmen* в

Д1. Но актуализируясь в Д2 и К1, они начинают оказывать значительное влияние на сочетаемость с субъектом действия, придавая сочетаемости экспрессивную окраску: “*Die Nachricht flog von Ort zu Ort...*”, “*...der weisse Nebel, der ...langsam über die Wießen kroch*“, „*Wie große Flamingos schwammen die Wolken am Himmel...*”.

Глагол *kommen* среди рассматриваемых глаголов представляет самостоятельную структуру.

Архисема глагола *kommen* «перемещаться в пространстве» маркирована конкретным признаком «к говорящему, слушающему».

Отсутствие типовых дифференциальных признаков, какими обладают глаголы *gehen, laufen, fliegen, kriechen, schwimmen* обуславливают широкую сочетаемость глагола *kommen* с одушевленными и неодушевленными существительными в позиции субъекта. В конструкциях для обозначения самостоятельного движения в позиции субъекта употребляются одушевленные существительные, например: “*Der Mensch kam...*” и неодушевленные существительные, обозначающие механизмы: “*Ihr Wagen kam...*”, “*Ein Schiff kam...*”. Семантика субъектов дает четкую ориентацию на среду передвижения.

Другим важным признаком архисемы глагола *kommen* является признак «целенаправленность», который отчетливо манифестируется при сочетании с неодушевленными существительными, обозначающими субстанции, передвижение которых в пространстве происходит самостоятельно, опосредованно, но с яс-

ной конечной целью движения: “...kam die Lichtbahn” (в поле зрения говорящего, слушающего), “kam ein leichter Kampfgeruch” (с достижением органов чувств говорящего, слушающего), “...kamen Windstösse...”, “Der Nebel kam...” (в месте нахождения говорящего, слушающего), “...die Depesche ist gekommen...” (с достижением адресата-получателя).

При сочетании с неодушевленными существительными, обозначающими состояние человека, время действия, архисема глагола *kommen* теряет признаки «самостоятельность-несамостоятельность», «целенаправленность» и теряет признак «менять место». Актуализируется признак «появиться», «начать быть», диктуемый семантикой субъекта: “...kam die Müdigkeit...”, “Schmerzen kamen...”, “...kam das Jahr 1900...”

Анализ всех рассмотренных нами примеров в немецком языке позволяет сделать вывод, что во всех случаях сочетания глаголов самостоятельного перемещения с существительными в позиции субъекта мы имеем дело с семантически согласованными сочетаниями. Согласование осуществляется на разных уровнях:

1. Согласование на уровне архисемы и нескольких дифференциальных сем между субъектом и предикатом мы называем **интернарным** семантическим согласованием.

Данный вид семантического согласования наступает в том случае, если субъект, выраженный одушевленным существительным, и предикат, выраженный в немецком языке глаголами *gehen*, *laufen*, *fliegen*, *schwimmen*, *kriechen*, содержат общие поддерживающие друг

друга дифференциальные семы: “Der Mensch geht...”, “Frauen und Kinder liefen...”, „Die Schmetterlinge fliegen...“, „Würmer kriechen...“, „Ein Mann kroch...“, „...weißliche Karpfen, die langsam durch helles Wasser schwimmen“, „Der Mann schwamm zum anderen Ufer...“, „...schwamm Jakob auf die einmal erlernte Weise...“.

Позицию субъекта в выше приведенных примерах занимают существительные, обозначающие живые существа, которые передвигаются при помощи ног по суше (*gehen*); обладают таким способом передвижения, как бег (*laufen*); способ передвижения которых в воздушном пространстве вытекает из их природы (*fliegen*); способ передвижения которых в водном пространстве осуществляется при помощи специальных средств передвижения – плавников или конечностей (*schwimmen*); которые передвигаются нижней поверхностью всего тела или на коротких ножках по твердой поверхности (*kriechen*). В этих сочетаниях согласование между субъектом и предикатом, выраженным глаголами самостоятельного перемещения, осуществляется по архисеме и по типовым дифференциальным семам «средство перемещения», «среда перемещения», «темп перемещения»: „...die Menschen laufen“.

При интернарном семантическом согласовании позицию субъекта могут занимать неодушевленные существительные, обозначающие различные механизмы, предназначенные для передвижения по воздуху, по водному пространству: “...fliegen Sturzkampfflugzeuge...”,

“*Es schwamm ein einsames Boot...*”, “*Der Zug geht...*”. Семантика субъектов дает четкую ориентацию на средство и среду перемещения. В данных сочетаниях семемы лексем *gehen, laufen, fliegen, schwimmen, kriechen* сохраняют архисему и дифференциальную сему «среда перемещения». Происходит утрата семы «средство перемещения», так как эта сема присутствует в семантике субъектов. В данном случае наступает меньшая степень согласования по архисеме и одной дифференциальной семе.

“*Die Tropfen flogen...*”, “*Die Scherben der Vase flogen...*”, “*Mütze fliegen übers Feld...*”. Семема глагола лететь и семема глагола *fliegen* сохраняют архисему и дифференциальную сему (среда перемещения) (воздух). Дифференциальная сема «средство перемещения» утрачивается.

“*Die Panzer krochen...*”, “*...kroch der Zug durch die Berge...*”. Семема глагола *kriechen* сохраняет архисему и дифференциальную сему «среда перемещения» (суша). Актуализируется сема «темп движения» (медленно).

“*...ein Meer, in dem die Toten..., die Reste von Dörfern, Vieh, Pferde, Holzverschalungen schwammen...*”. Семема глагола *schwimmen* утрачивает сему «средство перемещения», но сохраняет дифференциальную сему «среда перемещения» (вода).

2. Согласование без дублирования дифференциальных сем сочетающихся лексем мы называем **маргинальным** семантическим согласованием, в котором выделяем: **марги-**

нальное денотативное и маргинальное коннотативное.

В **маргинальном денотативном** согласовании различаем:

- согласование только по архисеме, но с актуализацией потенциальных сем “*Das Schiff geht...*”, “*...leichter Wind ging...*”, “*...ging ein Raunen...*”, “*...Gerüchte gingen...*”

Семема глагола *gehen* утрачивает семы «среда перемещения», «средство перемещения», но сохраняет архисему.

“*Der Mensch kam...*”, “*Die Vögel kamen...*”, “*...kleine Fischchen kamen...*”, “*Ihr Wagen kam...*”, “*Ein Schiff kam...*”, “*...arktische anmutende Eismassen kamen...*”, “*...die große Drift kam...*”, “*...die Depesche ist gekommen...*”, “*...das Licht, das von links kam...*”, “*...kam ein leiser Kampfgeruch...*”, “*...kam Windstoß...*”, “*...der Nebel kam...*”, “*...der erste Schnee kam...*”.

Позицию субъектов занимают одушевленные и неодушевленные существительные, семантика которых дает четкую ориентацию на средство и среду передвижения. Согласование между субъектом и предикатом, выраженным глаголом *kommen*, проходит только по архисеме.

“*Der Dampfer lief...*”, “*...Tränen liefen langsam...*”, “*Der Lichtstrahl lief...*”

Семема глагола *laufen* теряет дифференциальные семы «среда перемещения» и «средство перемещения», но сохраняет архисему «перемещаться».

“*Gerüchte fliegen...*», “*Franz flog auf seinem Rad...*», “*...sein Blick flog über die Volkssturmänner*».

Семема глагола *fliegen* утрачивает дифференциальные семы «среда перемещения» и «средство перемещения», но сохраняют архисему. Сема «темп движения» (быстро, стремительно) актуализируется.

«...*der weiße Nebel kroch...*», «...*dünnere Dunst kroch über das Wasser...*», «*Die Kälte kroch in die Stube...*».

Семема глагола *kriechen* теряет дифференциальные семы, но сохраняет архисему. Актуализируется сема «темп движения» (медленно) и сема «характер движения» (грузно, тяжело).

«*Wie große Flamingos schwammen die Wolken am Himmel.*».

Семема глагола *schwimmen* теряет дифференциальные семы «среда перемещения», «средство перемещения», но сохраняет архисему. Сема «темп движения» (медленно) актуализируется.

Для обозначения пространственно-направленного действия (навстречу, мимо) и обозначения протяженности во времени в немецком языке в подобных сочетаниях употребляется глагол *kommen*, архисема которого содержит конкретный признак «появление в поле зрения человека». «*Ein Stück Wald kam, man konnte ihn umfahren*», «*Und dann kam das Haus mit Riesenschritten ganz nahe...*», «...*die rote, immer noch saubere Fassade des Hauses, die näher und näher kam...*», «*Dann kam ein Wald und hinter ihm ein Dorf...*», «*Das Meer kam uns entgegen wie ein ungeheures, silbernes Segel...*».

- согласование с утратой конкретного признака «перемещаться» архисемой глагола

«*Die Straße lief durchs Land...*», «...*blonde lockige Bartstreifen liefen...*».

Семема глагола *laufen* также утрачивает все дифференциальные признаки, архисема «сбрасывает» конкретный признак «менять место» и становится архисемой «тянуться, быть в пространстве».

«*Die Tür geht...*», «*Sein Blick geht zu Uhr...*», «*Die Uhr geht...*»

Семема глагола *gehen* утрачивает дифференциальные семы, архисема утрачивает конкретный признак «менять место», но сохраняет признак «направление движения» от субъекта, не меняющего своего местоположения в пространстве.

Маргинальное коннотативное согласование – согласование с утратой конкретных признаков архисемой и изменением ее в более абстрактную, в результате чего глагол меняет ЛСГ.

«*Die Zeit geht...*», «*Das Leben geht ruhig...*», «...*langsam kroch die Nacht...*», «*Die Spätherbsttage kriechen durch das Dorf...*», «*Die Abende schwammen in einem milchigen Licht...*», «*Die Zeit fliegt...*», «*Johannas Leben in Paris lief ruhig...*»

Семемы глаголов *gehen*, *kriechen*, *laufen*, *schwimmen*, *fliegen* утрачивают дифференциальные семы «средство перемещения» и «среда перемещения». Архисема под влиянием семантики субъектов утрачивает конкретный признак «перемещаться в пространстве». В ней выявляется признак более абстрактного уровня «изменяться», который на уровне переосмысления вступает в согласование с субъектом. Дифференциальные семы «темп движения» глаголов *fliegen*,

schwimmen, kriechen сохраняются и придают экспрессивную окраску сочетаниям в целом.

“...kam die Minute...”, “Der Abend kam...”, „...kam das Jahr...“

Под влиянием семантики субъекта семема глагола *kommen* утрачивает конкретный признак «перемещаться в пространстве». На первый план выходит признак «начать быть, наступить», который на уровне переосмысления вступает в согласование с субъектом.

“Der Gedanke geht durch den Kopf...”, “Ein Sturm von Gedanken flog durch den Kopf...”

Архисема семем глаголов *gehen, fliegen* утрачивает конкретный признак «перемещаться в пространстве», но сохраняет признак «быть в виде процесса, существовать». Актуализируется сема «темп движения», которая придает сочетаниям экспрессивную окраску.

“...kam die Müdigkeit...”, “...Schmerzen kamen...”, „...kam erst der richtige Schreck...“

Архисема глагола *kommen* утрачивает конкретный признак «начать быть, появиться».

„...ein Zittern lief durch seinen Körper...“, „Angst kroch in ihr hoch...“, „Hitze kroch über seine Rücken...“, „Ein rasches Feuer flog über ihr Gesicht...“, „Unruhe ging die reihen der deutschen Offiziere...“.

Семемы глаголов *kriechen, fliegen, gehen, laufen* утрачивают дифференциальные семы «среда перемещения», «средство перемещения», архисема утрачивает конкретный признак «перемещаться в пространстве». Под влиянием семантики субъектов архисема глаголов пе-

реосмыляется в архисему другого уровня «возникнуть, появиться» с конкретным признаком «начать быть». Сема «темп движения» у семем глаголов *kriechen, fliegen* придает экспрессивную окраску сочетаниям.

Таким образом, проведенное исследование, выполненное на материале немецкого языка, позволяет сделать определенные выводы относительно механизмов семантической сочетаемости.

Возможность / невозможность сочетаемости конкретных глагольной и субстантивной лексем определяются требованиями семантического согласования семем. В семемах должны быть общие семы, причем они могут находиться как в денотативной, так и в коннотативной частях семем.

В организации семантической сочетаемости играют роль не только дифференциальные семы, составляющие ядро значения слова, но и потенциальные семы, статус которых меняется в зависимости от уровня сочетаемости.

Нам удалось установить, что архисема глаголов самостоятельного перемещения в немецком языке имеет сложную структуру признаков, которые располагаются на разных ступенях иерархической лестницы:

перемещаться в пространстве, начать быть (без перемещения); функционировать, действовать тянуться (быть расположенным); существовать (непрерывно изменяться)

существовать (распространяться).

Таким образом, в процессе сочетаемости семем для удержания

семантического согласования архисема способна расслаиваться по уровням абстракции.

Этот подход может быть применен для исследования других семантических групп лексики.

Библиографический список

1. Гак В.Г. Сопоставительная лексикология (на материале французского и русского языков). – М.: Изд-во Международные отношения, 1977.
2. Копыленко М.М., Попова З.Д. Очерки по общей фразеологии. – Воронеж, 1972.

Semantic collocations of “self-replacing” verb group in the German language

M.F. Pankina

The given article is devoted to subject collocations of “self-replacing” verb group in the German language. Gak’s semantic collocations are detailed and classified in this article.

*Московский Государственный гуманитарно-экономический институт
(Воронежский филиал)*

УДК 801.3:802.0

Е.А. Журавлева

КОТЕКСТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЛЕКСЕМЫ “SOUL” В РОМАНЕ У.С. МОЭМА “THE PAINTED VEIL” («РАЗРИСОВАННЫЙ ЗАНАВЕС»)

В статье рассматриваются контексты из романа У.С. Моэма «Разрисованный занавес», содержащие лексему «soul», и поводится их анализ, целью которого является выяснение наиболее широко используемых значений лексемы «soul» в английском языке.

Проблемы восприятия мира и его универсальных понятий все больше интересуют современных исследователей. Вопрос о том, как представители таких разных языковых культур, например, английской и русской, воспринимают такое понятие, как «душа», представляется довольно интересным в этом контексте. Данная статья – часть более крупной работы, посвященной сравнительному анализу концептов «soul» и «душа» в английском и русском языках соответственно. Здесь приводятся некоторые выводы, сделанные на основе функционального

анализа лексемы “soul” в художественном произведении (романе У.С. Моэма «Разрисованный занавес») и анализа словарных дефиниций лексем, представляющих концепт “soul” в английском языке.

Цель данной статьи - исследование контекстов и значений, в которых используется лексема “soul” У.С. Моэмом в романе «Разрисованный занавес». Наш интерес к этому роману английского классика не случаен:

© Журавлева Е.А., 2006

его автор считается одним из величайших писателей двадцатого века, хотя жил и в девятнадцатом, захватив три его последних десятилетия. Этот человек, чьи основные мировоззренческие принципы были заложены в девятнадцатом веке, известен как один из величайших мастеров исследования человеческой психологии и души. В интересующем нас аспекте его работы – суть исследования душ современников, в которых нетрудно увидеть, каким было отношение к духовному в современном писателю обществе.

В романе «Разрисованный занавес» У.С. Моэм исследует духовные поиски главной героини – Кити Фэйн – девушки, воспитанной в атмосфере гламура и материализма. Героиня, выйдя за муж за нелюбимого человека из страха, что ее младшая сестра выйдет замуж раньше нее, оказывается в объётом эпидемией холеры китайском городке. Ее муж, врач-бактериолог, привозит ее туда, желая наказать за измену. Там и начинается ее путь к себе, труд познания собственной души.

Функциональный анализ интересующей нас лексики в этом произведении дает не только интересный лингвистический материал, но и помогает глубже проникнуть в его смысл.

Исследование семантической структуры лексики “soul” в английском языке показывает довольно большое количество значений, которые очень близки между собой в философском смысле. Так, в английском языке исследуемая лексема имеет следующую семантическую структуру.

По основному номинативному значению:

The immortal part of a person?
The quality that make a person human (бессмертная часть личности, делающая человека человеком);

по производно-номинативному значению:

1) the seat of real life, the animated or essential part (местоимение настоящей жизни, движущая или важная часть чего-либо),

2) a synonym to God (то же, что Бог),

3) Man’s moral and emotional nature as distinguished from his intellect (моральная или эмоциональная часть человеческой личности, противопоставляемая разуму),

4) the spiritual nature of the Universe? Conceived as related to the physical world as the human soul to the human body (духовное начало Вселенной, соотносимое с реальным миром, как человеческие душа и тело),

5) disembodied spirit (бестелесный дух);

по коннотативному значению:

1) a human being, a person (человек, личность),

2) the leader, inspirer, a person conspicuous for spiritual qualities (лидер, вдохновитель, человек, обладающий определенными душевными качествами, харизмой),

3) courage, spiritual force (храбрость, душевная сила),

4) explication of some quality (пример какого-либо человеческого качества).[2, с. 1267]

Таким образом, мы имеем:

- семема Д1 – бессмертная часть человека, определяющая его личностные качества;

- семема Д2 – 1) вместилище настоящей жизни, движущая или важная часть чего-либо;

2) Бог;

3) моральная или эмоциональная часть человеческой личности, противопоставляемая разуму;

4) духовное начало Вселенной, соотносимое с физическим миром так же, как человеческая душа с человеческим телом;

5) бестелесный дух;

-семема К1 – 1) человек, личность;

2) лидер, вдохновитель, человек, обладающий харизмой;

3) храбрость, душевная сила;

4) пример какого-либо качества.

Таким образом, из приведенных нами словарных дефиниций видно, что в сознании носителей английского языка “soul” – это прежде всего бессмертное начало, определяющее личностные качества человека и продолжающее существовать после его смерти. Концепт “soul” может интерпретироваться как то или иное свойство характера, а также человек с определенными свойствами характера, как вдохновитель чего-либо, как главное лицо какого-либо мероприятия и, наконец, как синоним слова «person» («человек»).

Методом сплошной выборки в романе объемом 269 страниц выявлено 14 случаев употребления лексемы “soul”.

В шести случаях – в значении «бестелесный дух»:

1. It is wicked of me to grieve, for I know that her good and kind soul has

flown straight to heaven;... [1, XLVIII – с. 145]

(Мне грешно горевать, ибо я знаю, что ее хорошая и добрая душа улетела прямо на небо; ...)

2. You wouldn't believe what trouble we have had to keep her with us. Three or four times we thought that her little soul would escape to heaven. [1, XLIX – с. 152] (Вы не поверите, как трудно было удержать ее среди нас. Два или три раза мы думали, что ее маленькая душенька улизнет от нас на небеса.)

3. She gave a little sigh: perhaps it would make everything easier if that great white light should illuminate her soul. [1, LXIII – с. 197]

(Она вздохнула: ей стало бы легче, если бы этот великий белый свет озарил ее душу).

4. It seemed to her strangely that his soul was a fluttering moth and its wings were heavy with hatred. [1, LXIII – с. 208] (Странно, но ей показалось, что его душа была трепещущим мотыльком с крыльями, отягощенными ненавистью.)

5. ... she would pray constantly for her and the dear little baby and for the soul of the poor, brave doctor. [1, LXVIII – с. 223]

(она станет беспрестанно молиться за нее и милого ребеночка и за душу несчастного, храброго доктора).

6. The little chapel, so ugly and vulgar, in its very crudeness was pathetic; it had something that was wanting in the greatness of the cathedral with its stained glass and its pictures” it was very humble and the faith which had adorned it, the affection which cherished it, had endued it with a deli-

cate beauty of the soul. [1, XLIV - с.133]

(Уродливая и вульгарная часовенка была патетичной в своей грубости; ее грязные окна и фрески претендовали на величие собора: она была жалкой, но вера, украшавшая ее, любовь, лелеявшая ее, принимали ее с нежностью душевной красоты.)

В четырех случаях – в значении «бессмертная часть человека, определяющая его личностные качества»:

1. She felt shut out not only from that poor little convent, but from some mysterious garden of the spirit after which with all her soul she hankered. [1, XLV – с. 136]

(Она чувствовала себя отгороженной не только от бедного маленького монастыря, о и от некоего мистического духовного сада, которого она всей душой страстно желала).

2. His soul was lacerated [1, XLVIII – с. 143]

(Его душа была изранена).

3. You know, my dear child, that one cannot find peace in work or in pleasure in the world or in the convent, but only in one's soul. [1, XLVIII – с. 150]

(Знаешь, дитя мое, никто не может найти мир ни в работе, ни в мирских радостях, ни в монастыре, но только в собственной душе).

4. All she had done though during these bitter weeks, Charlie and his unkindness, the colera and all those people dying, the nuns, oddly enough, even that funny, drunken little Waddington, it all seemed to have changed her so that she did not know herself;

though she was deeply moved, some bystander in her soul seemed to watch her with terror and surprise. [1, LVI – с. 176]

(Все, что она все же сделала за эти недели, несмотря на Чарли его недоброе к ней отношение, на холеру и этих умирающих людей, монахинь, этого смешного, вечно пьяного Уоддингтона, все это, казалось, изменило ее настолько, что она сама себя не узнавала; и хотя она была глубоко тронута, какой-то сторонний наблюдатель в ее душе, казалось, наблюдал за ней с ужасом и недоумением).

В трех случаях данная лексема употребляется в значении «человек»:

1. She slid back the bolt and opening the shutter a little looked out. There was not a soul. She slipped on to the verandah, looked into her husband's dressing-room and then into her own sitting-room. Both were empty. [1, I - с.6]

(Она повернула оконную ручку, и, приоткрыв жалюзи, осторожно выглянула наружу. Никого. Она проскользнула на веранду, заглянула в гардеробную мужа, потом в собственную гостиную. Обе были пусты.)

2. As a matter of fact, you are quite right, it's not only for the orphans that I'm staying: you see, I'm in a peculiar position that I haven't got a soul in the world hat I can go to. [1, LVII – с. 183]

(На самом деле, вы правы: я остаюсь здесь не только из-за сирот; видите ли, я нахожусь в необычной ситуации: в целом мире у меня нет никого, к кому я могла бы пойти).

3. ...she must take care of herself, after all she had another soul in her care now... [1, LXIII – с. 223].

(Она должна беречь себя, ведь теперь у нее было другое человеческое существо, нуждавшееся в ее заботе).

В результате анализа количества контекстов, содержащих лексему “soul” в романе, мы выяснили, что те из них, которые содержат интересующую нас лексему в значениях «бессмертная часть человека, определяющая его личностные качества» и «бестелесный дух» сосредоточены в тех его частях, которые касаются духовного перерождения Кити и ее работы в монастыре. До ее приезда в пораженный холерой город и после возвращения оттуда лексема “soul” встречается только в значении «человек». Из этого видно, что редкость употребления изучаемой лексики до и после упомянутого эпизода предпринята автором намеренно для того, чтобы акцентировать внимание на меркантильности и приземленности общества. Он указывает, что в современном ему мире нет места для духовного, что современный ему человек способен обратиться к душевным исканиям лишь в сложнейшей жизненной ситуации, практически на краю гибели (ведь Кити не была уверена, что вернется из пораженного города живой, так как там она потеряла мужа и была готова умереть сама).

Из приведенной выше семантической структуры изучаемой лексики видно, что в англоязычном сознании существует множество разнообразных аспектов ее значений,

но у У.С. Моэма преобладают лишь два – уже неоднократно отмеченные «бессмертная часть человека, определяющая его личностные качества» и «бестелесный дух», которые, видимо, являются наиболее частотными, когда речь идет о душе как о религиозно-философском феномене.

Функциональный анализ лексики “soul” в романе «Разрисованный занавес» показывает, что в сознании современного У.С. Моэму общества представляемый ею концепт связан с различными аспектами религиозного понимания мира (образ покидающей тело души), четко прослеживается тенденция к наделению индивида душой как творческим, созидательным началом, данным свыше, и к взаимосвязываемости понятий «душа» и «человек» в контекстах, где лексема “soul” употребляется в значении «person».

Использованные автором значения исследуемой лексики связаны с внутренним миром человека, индивидуалистичны по своему характеру, то есть направлены и замыкаются на того, кто производит душевные искания. На наш взгляд, общее значение и основное понимание данной лексики как универсального понятия, носящего общечеловеческую ценность представлено в исследуемом произведении неполно, что отвечает намеренному приему автора, который показывает духовное перерождение героя. К сожалению, такое узконаправленное функциональное использование данной лексики не отражает весь спектр ее значений, сводя ее употребление к религиозно-философской сфере.

Библиографический список

1. Моэм У.С. «Разрисованный занавес». На англ.яз. – М.: изд-во «Менеджер». – 2004. – 272 с.
2. Dictionary of English Language and Culture. Longman Group UK Limited 1992.

Contextual analysis of lexeme “soul” in the text of the novel by W.S. Maugham “The Painted Veil”

Е.А. Zhuravlyova

The article deals with contexts containing lexeme “soul” in the text of the novel by W.S. Maugham “The Painted Veil”. The aim of the article is to find the most frequently used meanings of lexeme “soul” in the English language.

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет

УДК 808.2

Т.В. Суханова

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Рассматриваются проблемы определения понятия «языковая личность» и ее изучения на различных уровнях, понятие «прецедентные тексты» и их роль в формировании и развитии языковой личности.

Всестороннее изучение такого сложного и неоднозначного в лингвистическом отношении объекта, как языковая личность, в настоящее время представляется чрезвычайно актуальным. С одной стороны, произошедший в языкознании поворот от изучения языка как такового (языка как системы) с неизбежностью ставит вопрос о собственно носителе языка, «языковом пользователе», «человеке говорящем», о том, как сущностные черты данного языкового субъекта влияют на функционирование языка вообще и на использование того или иного языкового материала в каждой конкретной ситуации и т.д.

Нельзя познать сам по себе язык, не выйдя за его пределы, не обратившись к его творцу, носителю

и пользователю, - данный тезис сегодня ни у кого не вызывает сомнения. С другой стороны, изучение языка через обращение к языковой личности ставит лингвистику в один ряд с такими по сути своей антропоцентричными науками, как психология, социология, этнография, история. Возможность изучения человеческой личности через язык – вот еще один аспект, ставящий вопросы изучения языковой личности во главу угла.

Возникший к концу 19 века обостренный интерес к изучению живых языков и диалектов был, с одной стороны, естественной

© Суханова Т.В., 2006

реакцией научного сообщества на известный деспотизм исторического подхода, преобладание интереса к мертвым языкам, а с другой – непосредственным откликом языковедов на новые потребности и интересы развивающегося общества, связанные национальным самосознанием. Поскольку уже в начале 20 века в фокусе внимания языковедов оказался реально функционирующий живой язык, это обусловило выдвижение на первый план таких его черт и свойств, как творческий характер, эстетическая функция, психологические основы владения языком [1].

К необходимости изучения языковой личности как целостного феномена, как фактора, интегрирующего разрозненные, далеко расходящиеся интересы и результаты исследовательской практики, вводящего их в русло единой лингвистической парадигмы, приходят специалисты самых разных областей, и особенно таких, где получены существенные научные результаты.

Что же следует понимать под языковой личностью? В решении этого вопроса надо исходить из понимания современной наукой личности вообще. В психологии личность трактуется как относительно стабильная организация мотивационных предрасположений, которые возникают в процессе деятельности из взаимодействия между биологическими побуждениями и социальным и физическим окружением, условиями.

В повседневном понимании, говоря о личности, мы имеем в виду стиль жизни индивида или характерный способ реагирования на жизненные проблемы. Таким обра-

зом, в центре внимания исследователей находятся эмоциональные характеристики человека и воля, а не интеллект и способности.

Если объектом анализа становится языковая личность, ее интеллектуальные характеристики выдвигаются на первый план.

Караулов определяет языковую личность как многослойный и многокомпонентный набор языковых способностей, умений, готовности к осуществлению речевых поступков разной степени сложности, которые классифицируются, с одной стороны, по видам речевой деятельности (имеются в виду говорение, аудирование, письмо и чтение), а с другой стороны – по уровням языка, т. е. фонетике, грамматике и лексике [1].

Первый уровень изучения языковой личности, опирающийся на совокупность порожденных ею текстов необыденного содержания, предполагает вычленение и анализ переменной, вариативной части в ее картине мира, части специфической для данной личности. Этого можно достичь при условии, что базовая часть картины мира нам известна. Такое деление на неизменяемую и переменную части картины или модели мира условно, но оно представляется полезной идеализацией, облегчающей изучение столь сложного феномена. Это деление оказывается универсальным, поскольку проходит через все уровни организации и изучения языковой личности.

До сих пор речь шла о двух уровнях – нулевом, названном семантическим, и о первом уровне, который предполагает отражение в описании языковой модели мира

личности. Второй, более высокий, уровень включает выявление и характеристику мотивов и целей, движущих развитием, поведением личности, управляющих ее текстопродукцией и, в конечном итоге, определяющих иерархию смыслов и ценностей в ее языковой модели мира.

И на нулевом, и на мотивационном, целеполагающем уровнях деление на относительно постоянную часть и часть, подверженную изменениям, можно проследить довольно отчетливо. На нулевом уровне это комплекс структурных черт общерусского языкового типа в фонологии, морфологии, синтаксисе, лексике, семантике, который можно выделить за вычетом хорошо изученных исторической грамматикой. Но не следует забывать, что о самой изменчивости можно говорить лишь на фоне чего-то относительно постоянного. В данном случае это структурные черты общерусского языкового типа, присущие всем носителям русского языка, единые на всей территории его бытования.

Исходя из сказанного, языковую личность мы можем определить как личность, выраженную в языке (текстах) и через язык. Языковая личность есть личность, реконструированная в основных своих чертах на базе языковых средств.

Для языковой личности нельзя провести прямой параллели с национальным характером, но глубинная аналогия между ними существует. Она состоит в том, что носителем национального начала и в том, и в другом случае выступает относи-

тельно устойчивая во времени часть в ее структуре, которая является на деле продуктом длительного исторического развития и объектом межпоколенной передачи опыта. Таким образом, наличие общерусского языкового типа (нулевой уровень структуры), базовой части общей для русских картины мира, или мировоззрения (первый уровень), и устойчивого комплекса коммуникативных черт, определяющих национально-культурную мотивированность речевого поведения (второй уровень), и позволяют говорить о русской языковой личности. Национальное пронизывает все уровни организации языковой личности, на каждом из них приобретая своеобразную форму воплощения, и застывший, статический и инвариантный, характер национального в структуре языковой личности отливается в самом языке в динамическую, историческую его составляющую.

Полное описание языковой личности в целях ее анализа или синтеза предполагает:

- а) характеристику семантико-структурного уровня ее организации;
- б) реконструкцию языковой модели мира, или тезауруса, данной личности (на основе произведенных ею текстов или на основе специального тестирования);
- в) выявление ее жизненных или ситуативных доминант, установок, мотивов, находящихся отражение в процессах порождения текстов и их содержания, а также в особенностях восприятия чужих текстов.

Уровни зависят один от другого, но эта зависимость не однознач-

на: знания об устройстве и особенностях функционирования вербально-семантического уровня данной личности (например, полный ее ассоциативный словарь) является необходимой предпосылкой, но еще не дает оснований делать заключения о языковой модели мира, т.е. от лексики личности нельзя перейти непосредственно к ее тезаурусу. Для перехода от одного уровня к другому каждый раз нужна некоторая дополнительная информация.

Очевидно, что каждый из уровней состоит из трех типов элементов – единиц, отношений и стереотипов. Ориентации единиц мотивационного уровня устройства языковой личности (более всего подверженного индивидуализации и потому менее ясного по своей структуре) должна быть прагматической и потому здесь следует говорить о коммуникативно-деятельностных потребностях личности. Их полного перечня пока нет, и создать его трудно, тем не менее, мы вправе оперировать ими как единицами рассматриваемого уровня, отношений между которыми задаются условиями сферы общения, особенностями коммуникативной ситуации и исполняемых общающимися коммуникативных ролей.

Человек живет в мире текстов. Они разнообразны по своему содержанию, жанрам, тематическим сферам, объему, необходимости обращения к ним. Прецедентными являются тексты, значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношении, имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, вклю-

чая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности.

Знание прецедентных текстов есть показатель принадлежности к данной эпохе и ее культуре, тогда как их незнание, наоборот, есть предпосылка отторженности от соответствующей культуры.

Способов существования и обращения прецедентных текстов три:

1. Натуральный, при котором текст доходит до читателя или слушателя как прямой объект восприятия.

2. Вторичный, при котором происходят либо трансформация исходного текста в иной вид искусства, либо вторичные размышления по поводу исходного текста, представленные в литературоведческих статьях.

3. Семиотический – обращение к оригинальному тексту дается намеком, отсылкой [2].

Если два первых способа существования доступны любому тексту, то семиотический присущ только прецедентному.

Прием, с помощью которого прецедентный текст вводится в дискурс языковой личности и тем самым актуализируется в интеллектуально-эмоциональном поле коммуникации, оказывается в чем-то сродни языковой номинации. Хотя эта аналогия внешняя и довольно поверхностная, она позволяет прояснить некоторые особенности оперирования прецедентными текстами в процессе употребления языка. В дискурсе языковой личности прецедентный текст редко вводится цели-

ком, а всегда только в свернутом, сжатом виде – пересказом, фрагментом.

При восприятии языковой личностью слова актуализируется представление о соответствующем явлении, при восприятии понятия актуализируется его семантическое поле, а при восприятии названия произведения, цитаты из него, имени персонажа или автора актуализируется весь прецедентный текст, т.е. приводится в состояние готовности (в меру знания его соответствующей личностью) для использования в дискурсе по разным своим параметрам – либо со стороны поставленных в нем проблем, либо со стороны своих эстетических характеристик, либо как источник определенных эмоциональных переживаний и т. п.

Прецедентные тексты, представляя собой готовые интеллектуально-эмоциональные блоки – стереотипы, образцы, мерки для сопоставления – используются как инструмент, облегчающий и ускоряющий осуществляемое языковой личностью переключение из «фактологического» контекста мысли в «ментальный», а возможно, и обратно.

Еще один способ введения прецедентных текстов в дискурс языковой личности – это цитирование. Функции этого способа двояки. Один результат возникает в случае, если в речь включается некое высказывание, носящее характер формулы, правила. Другой – если цитата естественным способом продолжает и развивает течение оригинального дискурса, но главная ее роль состоит в облегчении способа аргументации говорящего и в подкреплении

выраженной в ней мысли ссылкой на авторитет. По своему статусу в структуре языковой личности и по особенностям использования такого рода цитаты сближаются со стереотипами другого уровня – высказываниями, аккумулирующими в виде формул, правил, афоризмов сумму знаний о мире и упорядоченными в индивидуальном тезаурусе.

Особую разновидность этого типа составляет скрытое цитирование, в том числе цитаты, измененные данной языковой личностью применительно к случаю, но в твердой убежденности, что они остались узнаваемы, восстанавливаемы. В подобном употреблении ощущается отчетливая аналогия с пословично-поговорочными выражениями, обладающими и ситуативно-оценочными возможностями, и заметной экспрессивной окраской.

Итак, прецедентные для данной языковой личности тексты сплетаются в довольно плотную сеть, «пропустив» через которую ее дискурс (т.е. некоторый достаточно представительный массив порожденных ею самых текстов), мы получаем «остатке» те проблемы, которые данная личность считает жизненно важными, самыми главными для себя как представителя человечества и над решением которых она бьется.

Мы получаем набор черт индивидуального характера, отраженный с помощью тех же прецедентных текстов. Мы получаем, наконец, систему и чисто прагматических критериев и оценок, с которыми языковая личность подходит к жизненным ситуациям и коллизиям, а

соответственно, и совокупность мотивов, определяющих ее позицию и образ действий. Если же мы распространим приемы анализа прецедентных текстов на художественное произведение в целом, то помимо перечисленного мы извлечем представление о конфликте в данной вещи, о приемах построения художественных образов и особенностях ее композиции, о путях ее воздействия на читателя. Иными словами, анализ прецедентных текстов может играть не только вспомогательную, побочную роль, но использоваться в качестве самостоятельного средства в изучении и характеристике персонажа как отдельной языковой личности и художественных особенностей всего произведения в целом.

Изучение языковой личности в соответствии с ее трехступенчатой структурой, состоящей из структурно-семантического, когнитивного,

прагматического уровней, требует обязательного рассмотрения ее языковых характеристик на фоне социально-поведенческого контекста, обязательного включения языкового поведения личности в ее социально-поведенческий контекст.

Произнося высказывание, мы совершаем определенное действие, направленное на адресата. Это действие, определяемое целью говорящего, называется речевым актом. Он представляет собой основную единицу речевого поведения человека, реализующую одно речевое намерение говорящего и служащую для достижения определенного результата.

Естественно желание лингвистов классифицировать возможные речевые действия человека. Типы речевых актов чаще всего разграничивают в соответствии с коммуникативными целями говорящего (табл.).

Таблица

Типы речевых актов

Цель говорящего	Типы речевого акта
1. Сообщить, информировать	Сообщение, информирование
2. Высказать и доказать свое мнение	Убеждение
3. Побудить к действию	Побуждение
4. Обсудить проблему с помощью партнера найти вместе с ним истину	Поиск смысла
5. Выразить свое видение (понимание) добра и зла, прекрасного и постыдного	Оценка похвала

6. Доставить удовольствие себе и партнеру сами процессом речевого сообщения как таковым	Игровые речевые акты
7. Выразить возбудить эмоции, предложить свою «эмоциональную» картину мира	Эмотив

В любой речи крайне редко осуществляется только одна из упомянутых целей говорящего. Каждый речевой акт как единица речевого поведения представляет собой сло-

весное выражение определенного намерения говорящего, приводит к конкретным результатам, а значит, является речевым действием [2].

Библиографический список

1. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность.- М.: Наука, 1987. – С. 8-39.
2. Сиротина О.Б. Оформление статусно-ролевых отношений как один из признаков языковой личности// Языковая личность и семантика: сб. науч. тр. - Волгоград, 1994. – С. 46-54.

Theoretical problems of studying of language personality

T.V. Suchanova

This article concerns the problem of definition of language personality notion and its studying in different levels.

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет

УДК 800.863

Н.Н. Коростылева

ТЕХНОЛОГИИ ГЕНДЕРНОГО ОБЩЕНИЯ

Формулируются понятия «гендерное общение», «гендерно-согласительное общение», «технологии гендерного общения» и др. Приводятся авторские технологии гендерного общения, раскрываются их сущность и содержание

Общение – это форма бытия человека, которая раскрывается в реальных взаимоотношениях людей, поэтому общению всегда присуща диалоговость как определенная общность в сфере ценностей, по-

требностей, интересов, целей и задач носителей самого общения.

Общение, особенно

© Коростылева Н.Н., 2006

межличностное, призвано анализировать систему «человек-человек» во всей многоаспектной динамике её функционирования.

Гендерное общение учитывает половую принадлежность участника общения, тем самым преобразовывая систему «человек-человек» в систему, не менее сложную, - «мужчина-женщина».

Гендерное общение можно подразделить по степени напряженности и противоречивости на конфликтное (манипулятивное) и согласительное гендерное общение.

Манипулятивное гендерное общение встречается при конфликтных взаимоотношениях партнеров и является его неотъемлемым атрибутом. Оно провоцирует сам конфликт в общении, то есть насильственное межличностное противостояние, связанное с сознательным ущемлением достоинства и потребностей партнера. Чтобы избежать данного вида общения и нейтрализовать его, следует прибегать к гендерно-согласительному общению, которое базируется на нравственных принципах.

Гендерно-согласительное общение – это прежде всего ненасильственное общение, направленное на свободу выражения того или иного участника общения, признающее за ним самоценность и моральное достоинство. Оно кардинальным образом отличается от манипулятивного общения, при котором к партнеру относятся как к средству достижения определенных целей [1].

Под технологиями общения понимаются способы, совокупность приемов и процедур (организационных, правовых, социокультурных и

т.д.), направленных на качественное улучшение и оптимизацию всего процесса общения. Это своего рода средства управления общением, придания ему позитивного смыслового содержания.

Гендерное общение должно обязательно иметь определенное целеполагание. Задача самих носителей общения и субъектов, так или иначе, приобщенных к процессу общения состоит в том, чтобы максимально снизить конфликтность в общении и перевести его в согласительное русло. В этом участникам общения помогут гендерные технологии общения. Они могут быть самыми разнообразными. Остановимся на некоторых из них.

Технология учета психологической составляющей при гендерном общении, другими словами правильное использование гендерной психологии при построении гендерного общения его субъектами.

По свидетельству психологов, у женщин и мужчин по-разному проявляются эмоции. У женщин эмоциональное начало берет верх над рациональным, поэтому при разговоре с женщиной мужчине надо учитывать возможный эмоциональный всплеск и «сто раз подумать», прежде чем сделать женщине замечание. В противном случае возможна словесная перепалка, ситуация психологического дискомфорта или конфликта. Женщина более внимательна к мелочам, деталям, у мужчин больше развито видение ситуации в целом. Чтобы не было недоразумений, надо с чувством такта обоим участникам общения выработать стиль речи, где бы феномен детальности был прерогативой жен-

щин, а у мужчин в речи преобладала бы результативность, нацеленность на конечность беседы.

У мужчин в речи чаще звучат нотки тщеславия, стремления к популярности любыми путями. Это надо знать женщинам, чтобы не провоцировать мужчин на словесный конфликт.

Мужчине и женщине для построения бесконфликтных отношений имеет смысл учитывать генетическую направленность пола, его психологические особенности.

Следует заметить, что кроме гендерной психологии надо учитывать большой комплекс социальных и психологических процессов, а также культурных установок, порожденных обществом и воздействующих на поведение гендерной языковой личности.

Речевое поведение мужчин и женщин строится на базе исторически сложившихся стереотипов, зафиксированных в языке. У мужчин и женщин гендерные стереотипы различны и стратегии речевой коммуникации тоже.

Поскольку мужчины и женщины как представители социально-демографических групп принадлежат к различным статусам и выполняют различные социальные роли, то общество ждет от них определенных моделей речевого поведения, то есть дифференцированного комплекса отношений, включенных в коммуникативный акт (вербальную и невербальную информацию, паралингвистические факторы, место речевого акта, обстановку и т.д.)

Мужской тип коммуникации представляет собой негибкую, дина-

мичную, не ориентированную на собеседника речевую деятельность. Женский тип более ориентирован на участника общения, на нелидирующую роль, где мужчина чаще выбирает тему для разговора или меняет её.

Как утверждает В.А.Маслова, после проведенного ею исследования учащихся и студентов г. Витебска, для мужчин и женщин выявляется специфика образов языкового сознания.

Женщины, оценивая себя, делают акцент на внутренних, личностных качествах (утонченность, шарм, ум, изысканность, мягкость, мудрость, вежливость и т.д.), в то время как мужчины в большинстве своем оценивают женщин по внешним данным (красота, фигура, волосы, ноги, глаза и т.д.).

Женщины более критичны к мужчинам, чем сами они. Мужественность для них - не только сила, храбрость, отвага, надежность, благородство, но и жесткость, война, ложь. Подобные оценки мужественности не характерны для представлений мужчин, в ответах которых не было ни одного слова с негативной окраской, а только такие слова, как сила, достоинство, выносливость, решительность, уверенность [2]. В ходе эксперимента было выяснено, что у полов есть значительные различия образцов языкового сознания, которые необходимо учитывать при гендерном общении.

В речевом поведении женщина ориентируется на «открытый социальный престиж», на общепризнанные нормы социального речевого поведения, мужчина тяготеет к

«скрытому престижу» - к отклонению от установленных норм и правил поведения. Особенно это характерно для разговорной речи, где мужчины часто «для красного словца» употребляют нецензурные выражения, женщины используют их в своей речи значительно реже.

Можно заключить, что вопрос взаимоотношений полов важен не только при речи, но и в плотную касается социокультурных моментов, на которые должно обращать внимание общество и государство.

Другой технологией гендерно-согласительного общения должна стать процедура формирования толерантного сознания.

Как известно, гендерное общение несёт в себе всегда потенциал конфликтности, но, чтобы он не превалировал в отношениях полов, необходимо в общение ввести критерии толерантности. М.С. Мириманова пишет: «Толерантность в общении – позиция личности зрелой, самостоятельной, имеющей собственные ценности и интересы, готовой их защищать и одновременно с уважением относящейся к позициям и ценностям других людей» [3]. Основными критериями толерантности в гендерном общении должны стать:

- отказ от насилия и дискриминации; позиция на равных и учет интересов другого;
- осознанное отношение к себе и противоположному полу;
- позитивные цели в общении;

- способность сохранять внутреннюю устойчивость и равновесие в трудных, проблемных ситуациях.

Во взаимодействиях полов следует придерживаться диалогического общения, то есть равноправного отношения друг к другу как к личностям. Диалогическое общение возможно лишь в случае соблюдения определённых правил:

- настроя на состояние собеседника и собственное психологическое отношение к нему;
- безоценочное восприятие противоположного пола и установка на доверие;
- ведение диалога без ссылок на авторитеты, без использования чужих мнений.

Диалогическое общение, построенное на этих правилах, призвано сглаживать проблемные ситуации и противоречия между мужчинами и женщинами.

Толерантное гендерное общение должно также содержать в себе и невербальные принципы взаимодействия. Так, невербальными проявлениями толерантности при отношениях полов должны быть: стремление к демонстрации партнёру невербального согласия с ним: кивки головой, взгляд, направленный на него и т.д.; ободряющие жесты, например улыбка; согласованность речи и жестов.

Все эти правила толерантности в гендерном общении направлены на смягчение конфликтности между полами, на преодоление коммуникативных барьеров, то есть психо-

логических препятствий на пути передачи и приёма информации между полами, вызванные гендерными стереотипами и различными стилями поведения полов вследствие социализации.

Гендерно-согласительное общение предполагает наличие у его участников толерантного сознания, которое отражается в определенных психологических характеристиках личности, стилях поведения, деятельности и взаимодействия, направленных на возвышение субъектов над собственными эгоцентристскими интересами. Толерантное сознание основывается на ряде психологических черт личности: эмпатии, которая определяется как социальная чувствительность, умение верно судить о других людях; проницательности, которая так необходима мужчинам и женщинам в их отношениях. Она характеризуется предвосхищением эмоциональных реакций и возможных действий другого человека. В качестве составляющих проницательности выделяются наблюдательность и умение анализировать. Тесно соприкасается с проницательностью сензитивность – способность предсказывать чувства, мысли и поведение других. Толерантность сознания основывается на саморегуляции психического состояния, на минимизации тревоги, которая обеспечивает сохранение поведенческого контроля в условиях деструктивных психологических воздействий.

С обретением толерантного сознания сама личность становится толерантной. Ей присущ неконфликтный стиль поведения, смяг-

чающий негативные чувства и эмоции партнера.

Толерантное сознание оказывает существенное влияние на развитие сотрудничества между полами. Оно выражается в следующем:

- в согласии, во взаимодействии в общих интересах и целях;

- в толерантности к партнеру, то есть осознание трудностей партнера, выражение сочувствия, уважения к мнению противоположного пола;

- во взаимном дополнении таких черт партнера, которыми не обладает первый участник общения, на основе совместной деятельности;

- в отказе сосредоточения или подчеркивания различий между полами, указывающих на превосходство одного над другим;

- в поддержании хорошего настроения, положительных эмоций по самым разным поводам, в выражении симпатии к партнеру.

Таким образом, толерантность – необходимое условие смягчения конфликтности между полами.

На основе вышеизложенного можно сформулировать само понятие гендерной толерантности. Это объективное и непредвзятое отношение полов друг к другу при понимании специфики каждого. В гендерной толерантности мужское и женское видение мира объединено в одно целое, они имеют полное право на сосуществование при сохранении своих особенностей.

Опыт показывает, что толерантность рождается не вдруг и не сразу по мановению волшебной палочки, это трудный и долгий путь обретения сотрудничества и взаи-

мопомощи. Обществом и государством должны прилагаться меры по воспитанию толерантности ещё со школьной скамьи. Усвоение учащимися навыков разрешения проблемных ситуаций, ведения переговоров, методов посредничества, разрешения споров и т.д. позволит научиться понимать чувства и эмоции другого, считывать невербальную информацию, справляться с напряжением, а знание основ психологии межполового общения поможет эффективно, а не деструктивно преодолевать гендерную конфликтность.

Гендерное толерантное общение должно происходить как на микроуровне, так и на мезоуровне, на уровне трудовых коллективов. На предприятиях, фирмах, в организациях, где включены в деятельный контакт как мужчины, так и женщины, должны реализовываться принципы гендерного общения, осуществляться гендерная политика.

Мужчины и женщины должны в себе воспитывать при деятельной гендерной позитивной политике того или иного предприятия андрогинные черты общения, конструировать некое общее нейтральное поле взаимодействия, где на первый план должны выходить профессиональные качества личности. Американский исследователь Л. Гласс формулирует несколько правил делового общения полов на работе.

Для мужчин:

- 1) говорить с женщиной следует, не отводя взгляда и смотря прямо на неё;
- 2) не надо перебивать её;
- 3) чаще реагировать на то, что она говорит;

- 4) чаще реагировать мимикой на её слова;
- 5) воздерживаться от приказов и команд;
- 6) воздерживаться от эротических шуток и высказываний;
- 7) чаще говорить вежливые слова;
- 8) не давать клятвенных обещаний и заверений;
- 9) сдерживать гнев и свой нрав;
- 10) не хвастаться.

Для женщин:

- 1) никогда не плакать даже при самых плохих обстоятельствах на работе;
- 2) не обсуждать свою или чью-либо личную жизнь;
- 3) не использовать ничего не значащие фразы;
- 4) гасить злобу и недовольство;
- 5) не извиняться, если не допущена ошибка;
- 6) быть объективной и не слишком эмоциональной;
- 7) следить за тем, насколько часто улыбаетесь и киваете головой;
- 8) говорить по существу;
- 9) говорить громко и уверенно
- 10) не принимать отказ как личную обиду [4].

Знание основ гендерного делового общения позволит избегать или быстро реагировать на недоразумения, коммуникативные барьеры и конфликты на работе между мужчинами и женщинами.

Третьей технологией гендерного общения является учет социально-криптоционного подхода к анализу речевого поведения полов.

Системно-криптоционный (от греч. слова криптио- потаённый, скрытный) подход образуется из системного и синергетического на основе энергоинформационного обме-

на, и с его позиции социум рассматривается как энергоинформационное пространство, представляющее собой совокупность иерархически упорядоченных взаимопроникающих и переходящих друг в друга разнокачественных социально-коммуникационных процессов.

Сущность криптоционной реальности составляет энергоинформационная среда, которая всегда наполнена определенным смыслом, так как бит информации всегда несет положительный или отрицательный коннотативный заряд. Криптоционная реальность универсальна и всеобъемлюща, она пронизывает весь социум и все социальные взаимосвязи, наполняя смыслом все структуры общества. Главными её категориями являются энергия и информация, организованные системно, поэтому в социуме постоянно происходит энергоинформационный обмен, который предполагает сложный механизм принятия, использования и обработки информации, расшифровка и кодирование которой влияют на жизнь общества.

Структурным элементом криптоционной реальности является энергоинформационные образования – эгрегоры.

Эгрегоры как энергоинформационные образования состоят из энергий, соответствующих какому-либо образованию людей или комплексу идей, созданных и наработанных энергоинформационными усилиями людей и их информационными вложениями. Эгрегоры находятся в прямой зависимости от состояния психобиосистемы человека. От того, какого качества энер-

горезонансная система человека, будет зависеть качество эгрегоров, которые человек создает и привлекает.

Когда сталкиваются интересы хотя бы двух людей, возникает энергоинформационное образование – эгрегор конфликта, который различается по качеству и мощи. Существует мегаэгрегор конфликта как явления и эгрегор непосредственного конфликта. Эгрегоры конфликта имеют несколько отличий от всех других видов эгрегоров: обладают энергоинформационной несовместимостью (насыщены чаще всего отрицательно), для них характерна позиция накопления.

Эгрегоры гендерных конфликтов имеют определённую специфику по отношению к собственно эгрегорам конфликта, и эта специфика обусловлена субъектами социополовых конфликтов. Эгрегор гендерного конфликта всегда тесно сопряжён с эгрегорами пола и гендера. Они и будут составлять его особенность.

Эгрегор гендерного конфликта включает в себя:

эгрегор пола, эгрегор гендера, индивидуальные эгрегоры мужчин и женщин (которые несут в себе элементы пола и гендера), эгрегор конфликта.

Происходит взаимопроникновение эгрегоров, которые при незначительном несовпадении интересов мужчин и женщин способны на когнитивном уровне воспроизвести механизмы работы определенного эгрегора гендерного конфликта или нескольких эгрегоров сразу.

На конфликтность между полами влияет также и их информацион-

но-энергетические поля. Информационно-энергетические поля полов разные, и энергообмен между ними – своего рода гомеостаз, необходимый для жизни. Поэтому от состояния информационно-энергетических систем полов будет зависеть характер их взаимоотношений. Если соединение двух полей резонансно, то взаимоотношения будут позитивными, гармоничными; если они совпадают частично или не совпадают совсем, то отношения становятся проблемными и конфликтными. Резонансность, в свою очередь, зависит от многих причин биологического, психологического, социокультурного характера: состояния физического и психического здоровья, окружающей природной и социальной среды, стресс-факторов, уровня сознания индивида, его ценностных ориентаций, миропонимания и т.д.

Эгрегоры гендерных конфликтов и энергоинформационная сущность мужчин и женщин оказывают существенное влияние на причинность гендерных конфликтов с позиций социально-психологического аспекта и входят составным элементом в психологическую структуру того или иного гендерного конфликта, влияют также на динамику, на

условия протекания, на длительность и частоту гендерных конфликтов.

Зная, как с помощью энергоинформационного пространства развивается гендерный конфликт и гендерное конфликтное общение, можно учитывать при речевом поведении полов данный подход. При познании его сущности появится реальная возможность создавать позитивное гендерное общение, делать его максимально деятельностным, учитывая когнитивный механизм продуцирования отрицательных моментов в речевой активности субъектов общения.

Социально-криптоционный подход не конца не исследован и ждет своих сторонников-ученых для выработки реальных шагов для преодоления манипулятивного общения и конфликтов не только между полами, но и в общем между людьми.

Итак, рассмотренные нами технологии гендерного общения должны быть призваны улучшить взаимоотношения полов, как при их реальном речевом общении, так и в целом при их социокультурном и социально-экономическом развитии.

Библиографический список

1. Коростылева Н.Н. Женщина и мужчина: от конфликта к согласию. (Исследование гендерного конфликтогенеза).- М.: Библионика, 2005.- С.191.
2. Маслова В.А. Лингвокультурология.- М.: Издательский центр «Академия», 2004.- С.126-127
3. Мириманова М.С. Конфликтология.- М.: Издат. центр «Академия», 2003. – С.97.
4. Гласс Л. Как достичь взаимопонимания между мужчиной и женщиной.- М.: ООО «Издательство АСТ: ООО «Издательство Астрель», 2004.- С.1

The technologies of gender communication

N.N. Korostylyova

The article describes some terms, such as “gender communication”, “gender-conciliatory communication”, “technologies of gender communication” and others. Author analyses technologies of gender communication and formulates their essences and characters.

Российская академия государственной службы при Президенте Российской Федерации

КОНЦЕПТОЛОГИЯ

УДК 82.08

О.М. Безатосная

КОНЦЕПТ «СВЕТ» В РАССКАЗАХ Б. ЗАЙЦЕВА

В данной статье рассматриваются произведения Б.К. Зайцева – одного из писателей русского зарубежья, анализируются различные значения концепта «свет»

В лингвистике можно обозначить три основных подхода к пониманию концепта, базирующихся на общем положении: концепт – синоним смысла, то, что называет содержание понятия.

Первый подход (представителем которого является Ю.С. Степанов) рассматривает культуру как совокупность взаимосвязанных концептов. Из этого следует, что концепт – основной элемент культуры в ментальном мире человека. Согласно второй теории понимания концепта (Н.Д. Арутюнова и ее школа, Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев), единственным способом формирования концепта является семантика. Сторонники третьего подхода (Д.С. Лихачев, Е.С. Кубрякова) считают, что концепт не возникает непосредственно из значения слова, а является результатом столкновения значения с национальным и личным опытом носителя языка. Таким образом, концепт предстает как посредник между словом и реальностью.

Соединяя различные версии назначения и сути этого понятия, получаем, что концепт – это весь потенциал значения слова, включающий в себя, помимо основного смысла, комплекс ассоциативных приращений, реализующихся в речи при определенном наборе слов в контексте. При

таком понимании концепт является структурным элементом языковой картины мира, формирующимся в результате когнитивной деятельности.

Следует четко различать термины «концепт» и «значение». «Значение» – понятие более узкое, входящее в состав концепта. Именно ученые, занимающиеся когнитивной лингвистикой, доказали тот кажущийся, на первый взгляд, парадоксальным факт, что статьи, приводимой в толковом словаре, недостаточно для получения полного представления о том или ином понятии.

Обратимся к текстам Б.Зайцева и рассмотрим основное значение концепта «свет». Начнем описание концепта «свет» с его этимологии.

«Свет – общеславянское, имеющее соответствия в других индоевропейских языках. Древнерусское «свьтъ» изменилось в «свет» после падения редуцированных и изменения в е».

На основе этой информации, можно сделать следующие выводы:

1. Слово «свет» появилось в языке очень давно, т.е.

© Безатосная О.М., 2006

на первоначальное значение постепенное накладывались новые ассоциации. Таким образом,

каждая историческая эпоха должна оставить свой след в семантике слова.

2. Предположительно, омонимы «свет» имеют сходное происхождение, из чего следует, что, начиная со времени своего появления в языке, они испытывают сильное взаимовлияние, накладывающее отпечаток на формирование концепта.

3. Из факта существования аналогов этого слова в других языках

индоевропейской семьи логическим образом вытекает, что концепт «свет» является универсальным, т.е. значимым в культуре различных народов.

Ядро концепта составляют зафиксированные в словарях дефиниции. В «Толковом словаре русского языка» (С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова) зафиксированы следующие семы (единицы значения):

1) лучистая энергия, делающая окружающий мир видимым; электромагнитные волны в интервале частот, воспринимаемых глазом (лунный свет, свет лампы и т.п.);
2) тот или иной источник освещения (зажечь свет, стать против света и т.п.);

3) освещенность, состояние, когда светло (на свету, в кабинете свет);

4) в некоторых устойчивых выражениях: рассвет, восход солнца (ни свет ни заря);

5) ласкательное обращение (свет мой ясный).

Обратимся к «Современному толковому словарю русского языка» (С.А. Кузнецов):

1) лучистая энергия (электромагнит-

ные колебания в определенном диапазоне длин волн), воспринимаемая глазом и делающая видимым окружающий мир;

2) место, откуда исходит освещение, пространство, где светло;

3) источник освещения и приспособление для освещения в домах и на улицах;

4) рассвет, восход солнца (разговорное);

5) светлое место, пятно на картине, передающее наибольшую освещенность какого-либо участка изображаемого;

б) блеск глаз под влиянием какого-либо чувства;

7) символ разума, просвещения или добра, счастья;

8) ласковое, приветливое обращение к кому-либо (народно-поэтическое)

Обратимся к творчеству Б.Зайцева.

"В очень черной ночи церковь видна далеко; слишком светлы окна" - такой образ-символ нарисовал Зайцев в одном из ранних рассказов ("Отец Кронид"). Художник был устремлен к этому свету уже в начале творческого пути. До последнего дня в его творчестве, по собственным словам писателя, "хаосу, крови и безобразию" будет противостоять "гармония и свет Евангелия, Церкви".

В исследуемых текстах концепт «свет» приобретает новые значения.

1. Свет – детство.

«Женя не мог сказать, с какого времени начал себя помнить. Были ничтожные или непонятно-прелестные воспоминания, -игра, ласка, запах летнего сада; но это тонуло в тумане детства, легендарного суще-

ствования, бросающего на целую жизнь свой свет». «Заря», с.111

2. Свет- красота природы.

«Он снимает фуражку, потоки света заливают его. Голова делается теплей, все вокруг начинает течь в медленном движении. Миша улыбается. Оперев голову на руки, он неподвижно смотрит на тонкие паутинки, что одели сеткой скат и бегут к нему своими переливами. Это похоже на золотистый призрачный ковер, тянувшийся откуда-то издалека, чуть не с неба». «Миф», с.54

«Солнце, правда, не выглянуло, но легкий, сизо-сиреневый свет все же лег по полям, еще снежным, в проталинах, по бледным, чуть тронутым весной рощам, засиневшим лесам». «Странное путешествие», с.387

3. Свет- фон, на котором разворачивается действие.

«Мы спим. Но что это такое? Вот открываю глаза, и во все щели струями свет, свет! Скорей на воздух, не упустить ни минуты, за сарай, к саду. Оттуда тянет огненный бриз, точно шелковые одежды веют в ушах, и, кажется, сейчас побежишь навстречу, и пронизут всего, беспредельно, эти ласкающие лучи; волосы заструятся по ветру назад, как от светлого плывучего тока. О, солнце, утро!». «Полковник Розов», с.74

«Для них широко был открыт «Яр», играл оркестр, и знаменитый румын выбивал трели; горело шампанское в вечернем свете; продавали розы». «Голубая звезда», с.308

«На тахте, у стены, завешенной ковром, по которому висели на рогах ружья, патронташ, старинная пороховница, лежал Аркадий Иванович. Небольшая лампа с картонным абажу-

ром давала блеклый свет». «Анна», с. 446

«Белый свет лег в немолодые комнаты машистовского дома с топившейся голландской печью, старыми фотографиями на стенах, запахом медвежьей шкуры, ружей и лекарств». «Анна», с. 448

4. Свет как отражение внутреннего мира героя

«Боже мой, - думает Миша, - хорошо лежать в чистом поле, при паутинках, в волнах ветра. Как он там тает, как чудесно растопить душу в свете и плакать, молиться. Быть может, после полудня над жатвой пролетают наши ангелы, особые, таинственные, русские ангелы». «Миф», с.52.

«За городом развернулись поля, тонувшие в свете, и в окно пахнуло ветром... чувство простора и радости наполнило меня». «Изгнание», с.188

«В ярком, блистательном свете зеркал, в безукоризненном умывальнике, светлой мебели, во всем была чистота и тот холод, когда не хочется ни сесть за этот стол, ни умыться из умывальника о двух водах». «Петербургская дама», с.261

«Теплом, светом пахнуло на нее в вестибюле, где раздевались какие-то барышни». «Голубая звезда», с.333

«Свет, люди, шум изменялись ее присутствием. Хотелось плакать. Сердце ныло нежностью». «Голубая звезда», с.351

«Просто хотелось отдохнуть, тишины, света...он и сам точно не знал бы чего, только не этой избы, и не храпа, не розвальней...». «Странное путешествие», с.393

«Аркадий
Иванович...присутствовал, как некий живой великан в этом хлеве. Он зажигал

удивительным светом косые полосы из оконца, благодаря ему пылинки, всплывавшие из разных закоулков, переливались поражающею радугой» «Анна», с.431

«Тусклое поле сияло, мрело в бледно-опаловом свете». «Анна», с.461

5 Свет дня, утра.

«...в мягком, опаловом свете дня». «Голубая звезда», с.375

«Петух, тайным зовом пробужденный, прокричит в свой ранний час, горький сигнал к свету - а еще звериная темнота над землей». «Анна», с.422

6. Свет - счастье, любовь, радость, жизнь.

«Пусть, пусть свету глотнет, - думала, - не то, что мы, темные, будет». «Аграфена», с.99

«...и многолетние глаза вбирают со слезой - прощальный свет полей, солнца, которых скоро не будет». «Аграфена», с.101

«Много свету было в этом виде. Как будто окна выходили вообще на Божий мир, лежавший в таком просторе и ясности». «Заря», с.112

«С ней (с мамой) врвался свет...». «Заря», с.116

из Тютчева: «...сияй, сияй, прощальный свет любви последней...». «Актриса», с.162

«...и сколько ни тоскуй, я не внесу света и радости в свой далекий край». «Изгнание», с.177

«Весенний свет наполнял церковь». «Голубая звезда», с.361

«Все казалось ему в благополучном свете». «Анна», с.429

«Слова ее грозны, но карие глаза полны веселья, света». «Анна», с.481

7. Свет заката.

«Закатным светом, легкой, голубеющей дымкой был одет пейзаж». «Голубая звезда», с.283

8. Свет - признак женственности.

«- В Елизавете Андреевне, - говорил Ретизанов, - необыкновенно чисто проявилась стихия женственного. Голубоватое эфирное вещество, полное легкости и света». «Голубая звезда», с.371

9. Свет солнца.

«...ласточки шмыгают в золотом свете». «Заря», с.114

10. Свет звезды.

«Вглядитесь в ее голубоватый, очаровательный и таинственный свет...Быть может, вы узнаете в нем и частицу своей души». «Голубая звезда», с.292

«Голубоватый свет ее успокаивал». «Голубая звезда», с.353

11. Свет луны.

«Облачна и задумчива луна. Свет ее, мреющий и ползучий, наливал собою все». «Петербургская дама», с.257

«Вот и Кремль в лунном свете, в нем есть что-то сладостное, почти пьянящее». «Голубая звезда», с.313

12. Свет лампы, свечи.

«Монастырские ворота были заперты, и у иконы, над нами, таинственно светилась лампадка - красноватым, очаровательным в тишине своей светом». «Голубая звезда», с.294

«Иногда набегала слеза, и тогда золотой свет свечей дробился, роился сияющим ореолом». «Странное путешествие», с.388

13. Свет романа.

«...внутренний и нематериальный свет этого романа - бледно-зеленоватый». «Голубая звезда», с.317

14. Свет- Бог.

«Я забывал о прошлом и не думал о будущем. Быть может, такое состояние, со всегдашним ощущением Света, то есть Бога, и есть райская жизнь, о которой говорит Библия». «Голубая звезда» с.378

«...потопляющее единым светом Лицо, принимающее в сверхчеловеческое лоно». «Аграфена», с.103

«...в церкви скромно становилась сбоку, слушая «Свете Тихий...». «Аграфена», с.81

Таким образом, свет - один из важнейших художественных концептов в творчестве Б.К. Зайцева, причем он соответствует народным представлениям о том, что свет – «воплощение миропорядка, красоты, истинности, праведности».

Библиографический список

1. Барлас Л.Г. Русский язык. Введение в науку о языке. Лексикология. Этимология. Фразеология. Лексикография: Учебник. М.: Флинта: Наука, 2003. 2003
2. Кузнецов С.А. Современный толковый словарь русского языка. – М.: Ридерз Дайджест, 2004
3. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: Учебное пособие. Мн.: Тетрасистемс, 2004
4. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2001
5. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений / Российская Академия наук. Институт русского языка; Российский фонд культуры; – М.: АЗЪ, 1993
6. Федосов И.В., Лапицкий А.Н. Фразеологический словарь русского языка. М.: – «ЮНВЕРС». – 2003
7. Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка. Пособие для учителей. М. , «Просвещение», 1975

Concept “light” in short stories by B. Zaitsev

О.М. Bezatosnaya

This article deals with the works by B. Zaitsev who was one of the latest writer of Russkoye Zarubezhye. The author analyses different meanings of concept “light”.

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет

УДК 808.2

Э.Д. Хаустова

КОГНИТИВНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ РУССКИХ И АНГЛИЙСКИХ ПАРЕМИЙ С НАИМЕНОВАНИЯМИ ОБУВИ И ОДЕЖДЫ

Статья посвящена когнитивному анализу смыслов, заложенных в русских и английских пословицах и поговорках с наименованиями обуви и одежды. Выявлено как сходство паремиологических смыслов, свидетельствующих об общем жизненном опыте, о сходном восприятии действительности разными народами, так и различие. Различные паремиологические смыслы отражают национально-культурные особенности видения мира русским и английским народами.

Паремия в переводе с греческого обозначает «изречение, притча» [2]. В лингвистике под определение паремии попадают пословицы и поговорки.

Трудно сказать, с какого времени в народе начали ходить пословицы – устные краткие изречения на самые разные темы.

Однако пословица не простое изречение. Она выражает мнение народа. В ней заключена народная оценка жизни, наблюдения народного ума. Не всякое изречение становилось пословицей, а только такое, которое согласовывалось с образом жизни и мыслями множества людей – такое изречение могло существовать тысячелетия, переходя из века в век. За каждой из пословиц стоит авторитет поколений, их создавших. Поэтому пословицы не спорят, не доказывают – они просто утверждают или отрицают что-либо в уверенности, что все ими сказанное – твердая истина [4].

Пословицы и поговорки являются своеобразным эталоном народной мудрости, выражают национальную самобытность. В них отражено мировоззрение данного общества, закреплены определенные зна-

ния об окружающем мире. С их помощью передается жизненный опыт от поколения к поколению, культурно-исторические традиции народа.

Суждение в них интересно не столько само по себе, сколько тем, что оно может применяться ко множеству сходных жизненных ситуаций.

Особенность пословиц состоит в том, что они сохраняют два плана – буквальный и переносный.

Согласно толковому словарю, чаще всего под пословицей понимают меткое образное изречение (обычно назидательного характера), типизирующее самые различные явления жизни и имеющие форму законченного предложения. Пословица выражает законченное суждение [4].

Поговоркой именуют краткое образное изречение, отличающееся от пословицы незавершенностью умозаключения [4].

Жизнь пословицы по существу обнаруживается лишь в контексте, в речевом употреблении. В изолированном виде – вне контекста или ситуации – пословицы почти не реализуются.

© Хаустова Э.Д., 2006

Не случайно народная мудрость гласит: «Пословица к слову молвится» [4].

Изучение паремий разных народов (в нашем случае русского и английского) позволяет лучше узнать миропонимание и поведение людей, увидеть их национально-специфические черты, проникнуть в тайны национального менталитета.

Национальный менталитет – это национальный способ восприятия и понимания действительности, определяемый совокупностью когнитивных стереотипов нации. Другими словами, это совокупность национальных принципов осуществления суждений и оценок. Менталитет тесно связан с концептосферой народа, которая представляет собой национальную информационную базу, набор единиц мысли, накопленных национальным когнитивным сознанием. В информационной базе человека есть компоненты (концепты), общие для всех народов; есть национально-специфические концепты (имеющие национальное своеобразие при частичном совпадении по содержанию у разных народов), а также сугубо национальные, безэквивалентные концепты, характерные только для национального сознания отдельного народа. Подойти к изучению концептосферы можно только через язык. Исследование семантического пространства позволяет изучить ту часть концептосферы, которая получила выражение с помощью языковых знаков. В семантическом пространстве различают лексико-фразеологические и синтаксические концепты, то есть концепты, которые объективированы соответственно словами, фразеосочетаниями или

синтаксическими структурами. Изучая семантическое пространство языка, мы получаем достоверные знания о той части концептосферы, которая в нем представлена [6].

По словам С.Г. Тер-Минасовой, автора учебника «Язык и межкультурная коммуникация», «...у каждого народа свое культурное видение мира, подобно каждому направлению живописи. Один и тот же стог сена, нарисованный реалистом, импрессионистом, кубистом, абстракционистом и т.д., будет видеться и выглядеть совершенно по-разному, хотя в реальном мире это один и тот же стог. Язык можно сравнить с кистью художника, рисующего мир с натуры, но пропускающего ее через свое художественное сознание, создающего картину мира. Отражение мира в языке – это коллективное творчество народа, говорящего на этом языке, и каждое новое поколение получает с родным языком полный комплект культуры, в котором уже заложены черты национального характера, мировоззрение, мораль и т.п.» [5].

Нам представляется интересным на материале русских и английских паремий с наименованиями обуви и одежды выявить общие и различные паремиологические смыслы. Различные паремиологические смыслы отражают национально-культурные особенности восприятия мира разными народами.

Так, нами были отмечены русские и английские паремии, сходные по выражаемой мысли.

1) Одежда красит человека.

По одежке встречают, по уму провожают [3].

Good clothes open all doors [7]. (Хорошая одежда открывает двери).

Clothes make people, priests make brides [7]. (Одежда создает людей, священники - невест).

Clean and whole makes poor clothes shine [7]. (Будучи чистой и неповрежденной, даже простая одежда сверкает).

2) Не одежда красит человека.

На мужике кафтан хоть сер, да ум у него не черт съел. [3].

Under a ragged coat lies wisdom [7]. (За потрепанным пальто кроется мудрость).

Wisdom sometimes walks in clouted shoes. [7]. (Мудрость иногда ходит в стоптанных туфлях. «Стоптанные туфли» символизируют здесь бедность).

Clothes do not make the man [7].

(Не одежда красит человека).

It is not the gay coat that makes the gentleman [7]. (Не яркое пальто делает молодого человека джентльменом).

3) Одежда, принадлежащая человеку, символизирует его собственные интересы.

Своя рубашка ближе к телу [3].

Near is my coat, but nearer is my shirt. [7]. (Пальто близко к телу, а рубашка еще ближе. Данная пословица выражает мысль, что свои собственные интересы или интересы близких родственников всегда выше чьих-либо еще).

Near is my shirt but nearer is my skin [7]. (Рубашка близко к телу, а кожа еще ближе).

4) Одежда символизирует достаток, способности и возможно-

сти человека, говорит о социальном положении.

По одежке протягивай ножки. Живи по своим средствам, доходам, в соответствии со своими возможностями [3].

Русская поговорка, известная с XVIII в., а возможно, и ранее. При ночлеге в походных условиях, подстилая под себя верхнюю одежду и накрываясь ею, человек не мог вытянуть ноги. [1].

Не суйся в ризы, коль не поп. Не берись не за свое дело. [3].

По Сеньке шапка, по Ереме колпак (кафтан). Каждый получает то, чего он заслуживает, достоин, что соответствует его положению [3].

Знатность рода бояр в старой Руси можно было легко установить по высоте их меховых «горлатных» (мех для этих шапок брался с горла убитого зверя) шапок. Чем выше вздымалась над головой вельможи такая шапка, тем знатней и сановней он был. Простой народ не имел права (да и средств) на ношение этих роскошных шапок из куньего, бобрового или собольего меха. Отсюда и родилась поговорка *По Сеньке и шапка, по Ереме колпак* [1].

Наш чин не любит овчин (а и мех нет). Говорится о том, кто свысока относится к простым, не именитым людям [3].

Cut your coat according to your cloth [7]. (Режь пальто по одежде).

5) Человек, совершивший что-либо дурное, непременно себя выдаст.

На воре (злодее) шапка горит. Тот, кто чувствует за собой какую-

либо вину, своим поведением невольно выдает себя. [3].

Оборот восходит к старинному анекдоту о поимке на рынке вора. После тщетных попыток отыскать вора люди обратились за помощью к колдуну; тот громко крикнул: «Смотрите-ка! На воре-то шапка горит!» И вдруг все увидели, как какой-то человек схватился за шапку. Так вор был обнаружен и уличен [1].

Who has skirts of straw, needs fear the fire [7]. (Тому, кто носит юбку из соломы, нужно бояться огня).

6) Одежда – все богатство, которое есть у бедного человека.

Богатый бережет рожу (в драке), а бедный одежду [3].

He who has but one coat cannot lend it [7]. (Тот, у кого есть только пальто, не может его одолжить).

Mend your clothes, and you may hold out this year (about good house-keeping) [7]. (Отреставрируй одежду и продержишься еще год. Говорится о правильном ведении домашнего хозяйства).

7) Отсутствие одежды или обуви говорит о пренебрежении своими собственными интересами.

Портной без порток, сапожник без сапог. Тот, кто делает что-либо для других, не имеет возможности сделать это для себя [3].

The shoemaker's son always goes barefoot [7]. (Сын сапожника всегда ходит босиком).

Таким образом, проведенный анализ сходных паремиологических смыслов русских и английских паремий с наименованиями обуви и одежды позволяет говорить о сходстве в наблюдении действительно-

сти, о некотором общем жизненном опыте русского и английского народов.

Однако можно отметить русские и английские паремии с названиями обуви и одежды, которые отличаются по содержащимся в них суждениям.

Так, английские паремии выражают такие наблюдения народа, как:

1) Красивая одежда – внешний лоск, за которым скрывается нечто совершенно некрасивое.

A whore in a fine dress is like a clean entry to a dirty house [7]. (Шлюха в красивом платье все равно, что чистый вход в грязный дом).

The best cloth may have a moth in it [7]. (Самая хорошая одежда может оказаться с молью).

2) Красивая одежда – атрибут праздника.

At Easter, let your clothes be new, or else be sure you will it rue [7]. (На Пасху надевай новую одежду, иначе потом пожалеешь. Когда-то была традиция весной в праздник Пасхи надевать новую одежду).

3) Правда «не любит скрываться под одеждой».

Craft must have clothes, but truth loves to go naked [7]. (Сообщество людей должно носить одежду, а правда любит ходить голой).

Truth has a good face, but bad clothes [5]. (У правды хорошее лицо, но плохая одежда).

A clear conscience is like a coat of mail [7]. (Чистая совесть как кольчуга).

4) Молчание – лучшая одежда для женщины.

Silence is a woman's best garment [5]. (Молчание – лучшая одеж-

да для женщины. Высказывание принадлежит Софоклу.)

5) Уместное замечание следует принять так же, как надеть колпак.

If the cap fits wear it (если колпак подходит, носи его) [7].

6) Одежда так же необходима, как еда и питье.

Good ale is meat, drink and cloth [7]. (Хороший эль – это мясо, напиток и одежда).

God sends cold after clothes [7]. (Бог посылает холод после того, как послал одежду. Пословица о жалости Бога).

7) Явления природы сравниваются с процессом надевания одежды.

When Bredon Hill puts on his hat, the men of the vale beware of that. [7]. (Когда Бредон Хилл надевает шляпу, жители долины опасаются этого. Бредон Хилл – известный уединенный холм в Уорсестершире. Появившиеся облака вокруг вершины холма служат предостережением, что на равнину скоро обрушится дождь или ураган).

8) Что-то хорошо известно, знакомое так же удобно, как старые туфли

Old shoes are easiest [7]. (Старые туфли самые удобные).

9) Стоящий у власти должен отказаться от всего личного.

He that puts on a public gown, must put off a private person (Тот, кто надел общественное платье, должен отказаться от всего личного) [7].

Оригинальные наблюдения русского народа, связанные с миром вещей, нашли отражения в следующих пословицах.

1) Невозможно всех заставить молчать, так же как невозможно всем закрыть рот платком.

На чужой роток не накинешь платок. Говорится тогда, когда о ком-либо ходят порочащие слухи, сплетни. [3].

2) Невозможно что-либо сделать, не приложив к этому усилий.

Не учась и лаптя не сплетишь [3].

3) Одежда символизирует приобретенное человеком богатство.

Рассердясь на блох (на вшей), да и шубу в печь. Не разобравшись, сгоряча, из-за мелких недостатков уничтожают не то, что является причиной зла, а все важное, хорошее, ценное [3].

5) Стоящий у власти всегда воспользуется случаем нажиться.

Казенного козла за хвост подержать – можно шубу сшить. Будучи на государственной службе, легко нажиться (о тех, кто занимается казнокрадством, взяточничеством, мошенничеством и т.п.) [3].

Во все времена человек пользовался одеждой и обувью. Эти атрибуты человеческой жизни нашли отражение в русских и английских пословицах и поговорках, зафиксировавших как сходство в восприятии мира обоими народами, так и различия. И для русского, и для английского народов важными оказались следующие наблюдения, отразившиеся в пословицах: *одежда красит человека* и в то же время *не одежда красит человека; одежда, принадлежащая человеку, символизирует его собственные интересы; одежда символизирует достаток, спо-*

собности и возможности человека, говорит о социальном положении; человек, совершивший что-либо дурное, непременно себя выдаст; одежда – все богатство, которое есть убедяого человека; отсутствие одежды или обуви говорит о пренебрежении своими собственными интересами.

Наличие похожих по выражаемым суждениям паремий говорит о сходстве жизненного опыта, народного мировоззрения, о сходном отношении к окружающей действительности. Интересно отметить, что именно предметы обуви и одежды, без которых никак не обойтись в повседневной жизни, легли в основу сходных обобщенных метафорических смыслов, заключенных в пословицах и поговорках.

Оригинальные суждения, отразившиеся в русских и английских пословицах и поговорках с использованием образов обуви и одежды, свидетельствует о национально-культурной специфике каждого народа. Так, для английского народа ценными оказались следующие наблюдения: *красивая одежда – внешний лоск, за которым скрывается нечто совершенно некрасивое; красивая одежда – атрибут*

праздника; правда «не любит скрываться под одеждой»; молчание – лучшая одежда для женщины; уместное замечание следует принять так же, как надеть колпак; одежда так же необходима, как еда и питье; явления природы сравниваются с процессом надевания одежды; что-то хорошо известно, знакомое так же удобно, как старые туфли; стоящий у власти должен отказаться от всего личного.

Русский человек обратил внимание на следующее: *невозможно всех заставить молчать, так же как невозможно всем закрыть рот платком; невозможно что-либо сделать, не приложив к этому усилий; одежда символизирует приобретенное человеком богатство; стоящий у власти всегда воспользуется случаем нажиться.*

Таким образом, похожие предметы обуви и одежды вошли в не всегда схожие по выражаемым суждениям пословицы и поговорки у русского и английского народов. Каждый народ отличается своим собственным видением мира, а язык дает нам удивительную возможность проникнуть в тайны народного мировоззрения.

Библиографический список

1. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник – СПб.: Фолио-Пресс, 1998. – 704 с.
2. Большой толковый словарь русского языка. / Сост. и гл. ред. С.А.Кузнецов. – СПб.: «Норинт», 2000. – 1536 с.
3. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. М., «Советская энциклопедия», 1966. – 535 с.

4. О словаре пословиц и поговорок // Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. М., «Советская энциклопедия», 1966. – 535 с.
5. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – 2-е издание, доработанное. – М.: Изд-во МГУ, 2004. – 352 с.; ил. – (Классический университетский учебник).
6. Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2002. – 313 с.
7. The Penguin Dictionary of Proverbs. Market House Books Ltd. Second edition, 2000. 365 p.

Cognitive interpretation of russian and english proverbs with the names of shoes and clothes

E.D. Khaustova

This article is devoted to cognitive analysis of meaning in Russian and English proverbs with the names of shoes and clothes. There was revealed as correspondence in proverbial meaning that says about general living experience and similar perception of reality by different nations, as difference. Different proverbial meanings reflect national and cultural peculiarities of world perception by Russian and English people.

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет

УДК 802/809:378.6.022

Л.В. Ковалева

КОНЦЕПТЫ «ТРУСЛИВЫЙ» И «СКРОМНЫЙ» В НЕМЕЦКОЙ И РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

В статье рассматриваются различные случаи репрезентации концептов во фразеологических системах русского и немецкого языков, выявляются их национально-культурные особенности, а также анализируется теоретический материал: взаимодействие понятия и смысла, входящих в концепт.

В настоящее время наблюдается расцвет лингвокультурологии, в центре которой особое место занимает концептология, объектом исследования которой являются зафиксированные в сознании носителей того или иного языка смыслы, входящие в концепты. Описание концепта заключается в выявлении и анализе способов его репрезентации в языке. Данные исследования стали возможны только с возникновением целого направления в лингвистике – когнитивной лингвистики, становление которой началось в Америке в 50-х годах XX века, занимается се-

годня сложной проблемой изучения «дифференциальных коррелятов памяти, вербальных, рефлексивно-ментальных процессов, механизмов запоминания» [1]. Ментальные репрезентации, извлекаемые из памяти, ранее воспринятых фактов окружающей действительности, их деталей, свойств, ситуаций, категоризируясь и концептуализируясь, более или менее адекватно отражают реальный мир. Естественная категоризация предшествует языку, язык

© Ковалева Л.В., 2006

же отражает лишь часть когнитивного потенциала, реализуя концепты. В результате мыслительной деятельности образуются различные концепты, вступающие в различные отношения и образующие систему взаимоотношений ментальных образов. Понятие концепта в современной когнитологии различно. Одни ученые определяют концепт как «условную исследовательскую единицу, направленную на комплексное изучение языка, сознания, культуры, как маркер коллективного сознания, как базовую универсальную семантическую категорию, отраженную в человеческом сознании и обозначенную словом данного языка» [2], другие считают, что концепт – это «сложнейшая единица человеческого сознания, ментальная репрезентация предмета/явления, содержанием которой является некая «смысловая комбинация» представлений о нем» [3]. Е.С. Кубрякова предлагает следующее определение концепта: «Концепт – оперативная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, квант знания. Самые важные концепты выражены в языке» [4].

Многие исследователи считают, что структура концепта состоит из двух пластов – концептного и понятийного. Понятийный пласт – основа, концептный – «надстройка» [5]. Поэтому, на наш взгляд, необходимо рассмотреть отношение понятия и концепта. Достаточно подробно дает различие между понятием и концептом В.И.Карасик. Он считает, что понятие отражает общие и существенные признаки предмета или явления, а концепт включает в

себя не только абстрактные, но и конкретные ассоциативные, эмоциональные признаки [6]. Ю.С. Степанов отмечал: «Концепты не только мыслятся, они переживаются» [7]. Кроме того, понятие рассудочно и связано с рациональным знанием, а концепт – это «смысловые кванты человеческого бытия-в-мире, в зависимости от конкретных условий превращающиеся в различные специализированные формобразования, «гештальты» бытия. Концепты суть своеобразные культурные гены, входящие в генотип культуры» [8].

Как идеальная мыслительная единица единого информационного поля земли, концепт не имеет национальных различий, поскольку когнитивная сфера основана на единстве окружающего мира. Однако любой национальный язык отражает когнитивные структуры и вербализует концепты в свойственном только ему виде, специфически отражая действительность, выступая как совокупность знаний определенного общества, этноса.

Вербализация концепта (обобщенность знания фрагмента действительности) есть комплексное структурное образование, выраженное посредством лексики или фразеологии, отражающее культурно-этническую специфику, коннотативную, выражающуюся в эмоционально-экспрессивной и метафористической оценке концепта. В концептах, вербализованных во фразеологизмах, обычно совмещаются концепты-универсалии как когнитивной основы сложных семантических структур, так и концептов-уникалий

как когнитивной основы фразеологизмов.

Фразеологизмы являются уникальным памятником духовной культуры нации, человечества, отдельной эпохи. Во фразеологизмах, как в фокусе, сосредоточены наиболее важные черты и особенности народного сознания, его социальные, нравственные, религиозные представления, этические идеалы. Кроме того, они служат важным источником получения лингвокультурологической информации при изучении культурных концептов, в которых зафиксирована специфика восприятия и осмысления языкового сознания этноса.

Обратимся к примерам. Деятельность человека, связанная с природными и социальными условиями существования, определяет одинаковые представления об окружающей действительности, что способствует возникновению одинаковых концептов. Однако одинаковые концепты, как показывают примеры, репрезентированы в разных языках по-разному.

Рассмотрим концепт «трусливый человек», который как в русском, так и в немецком языках означает «человек, легко поддающийся чувству страха». Во фразеологической системе русского и немецкого языков существуют устойчивые словосочетания, отражающие данный концепт. В основе их лежит образ зайца. Поведение и характер такого животного, как заяц, послужили основанием для возникновения многих фразеологизмов в обоих языках. Так, в народном сознании русских и немцев заяц традиционно является отражением трусости. Однако образ

трусливого зайца выражен в семантическом пространстве обоих языков по-разному.

Традиционный мотив трусливого зайца хорошо просматривается в таких русских фразеосочетаниях, как «заячья душа», «труслив, как заяц», «дрожать, как заяц». В немецком языке концепт «трусливый человек» выражен следующими фразеосочетаниями: “Einen Hasen im Busen tragen” (букв. носить зайца в груди) – быть пугливым, трусливым человеком; “Er ist ein wahrer Hase” (букв. он настоящий заяц) – он настоящий трус; “Beschossener Hase flieht vor jedem Gebusch” (букв. подстреленный заяц убегает от каждого куста) – пуганая ворона куста боится; “Das Hasenpanier ergreifen” (букв. впасть в заячью панику) – пускаться наутек, давать стрелкача.

Понятие осторожности, опытности, связанное с поведением старого зайца, отмечено только в немецком языке. Об опытном человеке немцы скажут: “Ein alter Hase” (букв. старый заяц) – стреляный воробей. “Jemand ist kein heuriger Hase mehr” (это не сегодняшней заяц) – он уже взрослый, знающий человек. Быстрота и ловкость этого животного отмечена во фразеологизмах немецкого языка, в русском же языке это качество зайца не нашло своего отражения. Так, немецкими охотниками подмечены ловкость и быстрота зайца, которые репрезентированы в следующих устойчивых словосочетаниях: “Sehen, wie der Hase läuft” (букв. видеть, как бежит заяц) – смотреть, как развиваются события, как идут дела; “Wissen, wo der Hase läuft” (букв. знать, как бежит заяц) – знать толк в деле.

Концепт «скромный, тихий человек» так же, как и концепт «трусливый» в русском и немецком языке, имеет одинаковые образы, лежащие в основе этих концептов. Однако, как показывают примеры, устойчивые словосочетания в сопоставляемых языках специфичны, так как выражают неповторимую этнопсихологию народов.

В основе концепта «тихий, скромный человек» обоих языков лежит образ воды. Вода в представлении людей может быть разная: тихая, спокойная, бурная, прозрачная, мутная и т.д.

Для реализации данного концепта используются разные ассоциации русского и немецкого народов. Так, в русском языке – вода служит основой существования, у русских – это символ самой жизни. Фразеосочетание «Тише воды, ниже травы» характеризует тихий, спокойный нрав русского человека. Фразеосочетание «Воды не замути» служит для характеристики человеческих поступков и характеров, в данном случае тихого, спокойного человека. Устойчивое словосочетание «Воду возить на ком-либо» - пользоваться чьей-либо безотказностью в делах, поручениях. Фразеосочетание базируется на реалии крестьянского русского быта, когда наполненные водой бочки перевозили животные: лошади, быки, волы. При абстрагировании от реальной действительности поведение животного, выполнявшего волю человека: идти туда, куда необходимо было везти воду,

переносится на характер человека, покорно выполняющего любое тяжелое поручение потому, что у него тихий, спокойный нрав, который не позволяет ему противиться создавшейся ситуации.

Представления немцев, связанные с водой, носят в основном негативный характер. Вода у них – что-то глубокое, темное, непонятное. Например, немецкое фразеосочетание “Ein stilles Wasser” (букв. тихий омут), - тихая вода; скрытый, замкнутый, тихий человек. Лексема “stilles”, реализуясь в языке в сочетании с лексемой “Wasser”, создает образ тихой, стоячей воды. Признак «тихий» переносится на характер человека. Поэтому в немецком языке концепт «тихий» олицетворяется с образом скрытого, непонятного человека, человека (себе на уме). Фразеосочетание “Stille Wässer sind tief” (букв. тихие воды глубоки) имеет значение «Тихие люди скрытны и непонятны».

Таким образом, сопоставление концепта «тихий, скромный человек», реализованного во фразеологизмах русского и немецкого языков, позволило констатировать, что, несмотря на то, что в основе их образной системы лежит один и тот же образ (зайца или воды), существует своеобразное понимание и категоризация характера человека. Поэтому данные фразеосочетания имеют национальный характер, специфический для каждой этнической общности.

Библиографический список

1. Юрчук В.В. Современный словарь по психологии. Минск 1998. С.293.

1. Булынина М.М. Глагольная каузация динамики синтаксического концепта. – Воронеж, 2004. С. 7.
2. Макаровска О. Концептосфера русской культуры / Концепты русской народной и национальной песни.- Познань, 2004. С.11.
3. Кубрякова Е.С. и др. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996. С.90-92.
4. Макаровска О. Концептосфера русской культуры / Концепты русской народной и национальной песни.- Познань, 2004. С.17.
5. Карасик В.И. определение и типология концептов / Слово – сознание – культура – М.2006. С.57.
6. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М. 1997. С.41.

Concept “cunning” and “modest” in German and Russian linguacultures

L.V. Kovaleva

This article deals with different cases of representation of these concepts in Russian and German phraseological systems. The author looks into their national and cultural specific qualities and analyses interaction of notion and meaning which form the concept.

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет

Научное издание

НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

**Воронежского государственного архитектурно-строительного
университета**

Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация»

2007 г., выпуск 2

Научный журнал

Отпечатано в авторской редакции

Подписано в печать . Формат 60x84/8. Уч.-изд. л. 16,3.
Усл.-печ. л. 16,4. Бумага писчая. Тираж 100 экз. Заказ №

Отпечатано: отдел оперативной полиграфии
Воронежского государственного архитектурно-строительного университета
394006 Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84